

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Ковба Дарья Михайловна

**«Мягкая сила» как политическая стратегия государств
Восточноазиатского региона**

Специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
доктор политических наук,
профессор Русакова О.Ф.

Екатеринбург – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения «мягкой силы»	19
1.1. Теоретические основания изучения «мягкой силы»: генезис и концептосфера.....	19
1.2. Категоризация и анализ понятия «мягкой силы».....	37
1.3. Структурный, процессно-ориентированный и измерительный подходы в исследованиях «мягкой силы».....	55
1.4. «Мягкая сила» как современная властная технология.....	65
Глава 2. Ресурсный потенциал и технологии «мягкой силы» государств Восточной Азии	77
2.1. Особенности дискурса «мягкой силы» в государствах Восточной Азии.....	77
2.2. Культурные ресурсы и реализуемые стратегии «мягкой силы».....	89
2.3. Политические ресурсы и практики «мягкой силы».....	109
2.4. Негативные факторы влияния на стратегии развития «мягкой силы» государств Восточной Азии... ..	118
Заключение	128
Список литературы	132
Приложение А (справочное). Системы общественной дипломатии государств Восточной Азии	153
Приложение Б (справочное). Сравнение институтов, занимающихся продвижением «мягкой силы»	156
Приложение В (справочное). Факторы увеличения «мягкой силы»	160
Приложение Г (справочное). Региональное восприятие Китая, Японии и Южной Кореи	165

Введение

Изменения, произошедшие в мире в конце XX – начале XXI веков, стимулировали поиск новых теорий, способных объяснить действительность, привели к необходимости переосмысления понятия власти, властных ресурсов и разработке современных технологий, применение которых позволяет акторам успешно участвовать в геополитической конкуренции. Ответом на эти изменения стал концепт «мягкой силы», возникший в 1990 г. в США в рамках неолиберальной теории международных отношений. В настоящее время можно говорить о том, что концепт прочно вошел в политический и политологический дискурсы.

В научной литературе при анализе исторической динамики соотношения ресурсов власти принято подчеркивать такой тренд, как увеличение значения «мягкой силы», подразумевающей отсутствие материализованного насилия, давления, и уменьшение важности военного принуждения. Вряд ли регулярные войска двух государств встретятся лицом к лицу, однако утверждать, что военные действия ушли в прошлое, нельзя: они остались, но приняли односторонний асимметричный характер, который отражает термин «война против терроризма», а также основанные на технологическом преимуществе действия США, использующие силу независимо от решений ООН. Кроме того, если применение военной силы требует морального оправдания для обеспечения народной поддержки в демократических государствах, то во многих недемократических государствах оправдание насилия не требуется. Увеличению роли «мягкой силы» способствовали сдерживающие роли ядерного оружия и экономической взаимозависимости, увеличение количества негосударственных акторов в области

международных отношений и развитие сетей, а также революция в области информационно-коммуникационных технологий.

Последний фактор играет особую роль: с одной стороны, новые технологии, высокая скорость передачи информации уменьшили возможность сокрытия событий, стали причиной появления более информированной активной глобальной общественности, с другой же, они значительно расширили способности международных акторов влиять на общественность. С этой точки зрения, «мягкую силу» стали воспринимать как соблазнительную технологию, незаметную для рядовых граждан, предоставляющую изощренную возможность для манипулирования массовым сознанием и управления общественным мнением.

В настоящее время концепт «мягкая сила» является достаточно популярным в научных кругах разных стран, ведется активная работа по его теоретической и практической адаптации, однако еще не сложилось единство как в определении термина, так и в выделении его основных характеристик. Представляет большой интерес то, как государства, относящиеся к Восточноазиатскому региону (Япония, Китай и Южная Корея) интерпретируют теорию «мягкой силы», являющуюся американской по своим истокам. Особенно интересен случай Китая, так как усиление экономики данной страны и возрастающая роль в мировой политике заставляют с особенно пристальным вниманием следить, какие технологии, относимые китайскими экспертами к сфере «мягкой силы», использует данная страна.

Степень научной разработанности проблемы

При анализе концепта «мягкой силы» был использован значительный массив работ отечественных и зарубежных исследователей.

Рассматриваемая теория была создана и в последующем доработана Дж. Наем, поэтому именно его работы¹ послужили отправной точкой для данного исследования. Как будет доказано в основной части работы, с теоретической

---

¹ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. 191 p.; Nye J. The paradox of American power. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 240 p.; Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 336 p.

точки зрения, концепт «мягкой силы» не является чем-то новым, поэтому мы обратились к работам, посвященным вопросам власти, влияния, властных технологий, которые можно отнести к предшествующим или конкурирующим теориям. Это исследования А. Грамши², Р. Даля, С. Стрэндж³, Ж. Бодрийяра⁴, Ж. Липовецки⁵, Х. Моргентау⁶, С. Льюкса⁷. Следует отметить, что исследуемый концепт часто подвергался критике, благодаря которой Дж. Най сумел развить и доработать теорию. Критично настроенными были Фергюссон⁸, Альтюссер, Уомак⁹, К.С. Грей¹⁰, П. Бильгин и Б. Элис¹¹, Е. Лок¹².

Наряду с критикой, в литературе присутствует множество попыток дальнейшей проработки концепта или его переосмысления. Интерес для настоящего исследования представляют работы Г. Галаротти¹³, М. Клэр¹⁴, М. Куналакиса¹⁵, Р. Сингх¹⁶. Кроме того, необходимо выделить исследователей, чьи работы посвящены изучению отдельных аспектов «мягкой силы»: И. Кацуджи¹⁷ (акторы «мягкой силы»), Х. Ким¹⁸ (культурная дипломатия как

² Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

³ Strange S. The persistent myth of lost hegemony // International Organization. – 1987. – Vol. 41. – № 4. – P. 551–574.

⁴ Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. С. 171.

⁵ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

⁶ Новиков Г. Теория международных отношений. Иркутск: Изд. Иркут. ун-та, 1996. С. 121.

⁷ Lukes S. Power: a radical view. London: Macmillan, 1974. 64 p.

⁸ Ferguson. N. Colossus: the price of America's empire. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.

⁹ Womack B. Dancing alone: a hard look at soft power // The Asia Pacific Journal: Japan Focus. 2005. URL: <http://japanfocus.org/-Brantly-Womack/1975> (дата обращения: 07.02.2015).

¹⁰ Gray C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // Strategic studies institute Monograph. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/PUB1059.pdf> (дата обращения: 02.02.2013).

¹¹ Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://pbilgin.bilkent.edu.tr/Bilgin-Elis-IT-2008.pdf> (дата обращения: 03.02.2015).

¹² Lock E. Soft power and strategy. Development a strategic concept of power // Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives. – London: Routledge. 2010. – P. 32–50.

¹³ Gallarotti G. Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used // Wesleyan University, WesScholar. 2011. URL: <http://wesscholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57/> (дата обращения: 15.03.2013).

¹⁴ Klare M. Hard power, soft power, and energy power // Foreign affairs. 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power> (дата обращения: 03.02.2015).

¹⁵ Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // USC public diplomacy. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/legacy/publications/perspectives/CPDPerspectivesHardTruthAboutSoftPower.pdf> (дата обращения: 05.04.2015).

¹⁶ Simha R.K. The Western illusion of soft power // Russia and India report. 2013. URL: http://indrus.in/blogs/2013/09/19/the_western_illusion_of_soft_power_29507.html (дата обращения: 20.03.2014).

¹⁷ Katsujji I. Soft Power of NGOs // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 262–277.

инструмент «мягкой силы»), М. Фрейзер¹⁹ (популярная культура как инструмент «мягкой силы»), Ф.Г. Альтбах и П. МакГилл Питерсон²⁰ (роль высшего образования среди технологий «мягкого влияния»).

Термин «мягкая сила» приняли на вооружение и отечественные исследователи, а его активному использованию в средствах массовой информации способствовало его упоминание высокопоставленными должностными лицами РФ (например, статья Путина «Россия и меняющийся мир», газета «Московские новости», 27.02.12). Технологическое понимание «мягкой силы» российскими политиками нашло свое отражение в Концепции внешней политики РФ²¹.

В настоящее время в России уже сформировался круг авторов, которые сделали концепт «мягкой силы» предметом своих исследований. К их числу относятся Д.Б. Казаринова²², В.М. Капицын²³, Е.Г. Пономарева²⁴, О.Ф. Русакова²⁵, Г.Ю. Филимонов²⁶, А. Казанцев, В.Н. Меркушев²⁷, И. Радиков и Я. Лексютина²⁸ и

¹⁸ Kim H. Cultural diplomacy as the means of soft power in an information age // Cultural diplomacy. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.culturaldiplomacy.org/pdf/case-studies/Hwajung_Kim_Cultural_Diplomacy_as_the_Means_of_Soft_Power_in_the_Information_Age.pdf (дата обращения: 26.03.2014).

¹⁹ Fraser M. American pop culture as soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 172.

²⁰ Altbach P.G., McGill Peterson P. Higher education as a projection of America's soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 37–53.

²¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // МИД России. 2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 16.12.2013).

²² Казаринова Д.Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии мягкой силы в политике государств-членов двадцатки // Свободная мысль. – 2011. – №3. – С. 187–200; Казаринова Д.Б. Проблема ценностных оснований «мягкой силы» России на постсоветском пространстве // Россия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности. МИГСУ РАНХиГС / под общ. ред. В.В. Комлевой. М.: Проспект, 2014. С. 184–188; Казаринова Д.Б. Фактор мягкой силы в современной мировой политике и проблемы политической стабильности // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. – С. 104–117.

²³ Капицын В. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель – 2009. – №10. – С. 70–79.

²⁴ Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций» // Интелрос. 2013. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/3-4-2012/04.pdf (дата обращения: 20.12.2014); Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель-Observer. – 2015. – № 11. – С. 59–73; Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. – 2013. – № 6. – С. 18–26; № 7. – С. 18–21; Пономарева Е.Г. «Умная сила» как инструмент евразийской интеграции // Панорама Евразии. – 2015. – № 2 (13). – С. 66–69; Пономарева Е.Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. – 2016. – № 3. – С. 9–17.

²⁵ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. – 2010. – Вып. 10. – С. 173–192.

²⁶ Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.

²⁷ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. – 2008. – № 2 – С. 122–135.

²⁸ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №2. – С. 19–26.

другие. На сегодняшний день в МГИМО МИД России и в Институте философии и права УрО РАН (Екатеринбург) складываются научные центры исследования «soft power». В 2015 г. в Институте философии и права УрО РАН была выпущена монография «Soft power: теория, ресурсы, дискурс»²⁹. Отдельно можно отметить исследование Лебедевой М.М.³⁰, в котором впервые рассматриваются негативные последствия обладания потенциалом «мягкой силы». Большой интерес также представляет аналитический доклад П. Паршина³¹, в котором автор дает оригинальное определение «мягкой силы», отличное от принятого в отечественном академическом сообществе. Также стоит отметить исследования, посвященные отдельным инструментам и технологиям «мягкой силы» (например, статья А.В. Торкунова³², в которой рассматривается вопрос использования потенциала привлекательности образования в качестве инструмента «мягкой силы»), а также работы, в которых изучается «мягкая сила» конкретных государств (так, А.О. Наумов³³ исследует природу, особенности, институты и ресурсы «мягкой силы» Японии, России и стран ИБСА). Кроме того, интерес вызывают работы О.В. Столетова³⁴, который, отталкиваясь от стратегий «мягкой», «жесткой» и «умной» сил, постулирует необходимость обратиться к «разумной силе» («intelligent power») как интегративной по отношению к трем

²⁹ Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Рукаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

³⁰ Лебедева М.М., Рустамова Л.Р., Шарко М.В. «Мягкая сила»: темная сторона (на примере Германии) // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 3. – С. 114–144.

³¹ Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Центр глобальных проблем. М.: МГИМО. – Вып. 1 (36). – 2013 г. – 39 с.

³² Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 4. – С. 85–93.

³³ Наумов А.О. «Мягкая сила» стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) Мировая политика. – 2015. – № 4. – С. 27–40; Наумов А.О. «Мягкая сила» и Арабская весна. К вопросу о причинах и технологиях финиговых революций в Египте 2011 года // Новая и новейшая история. – 2016. – № 6. – С. 103–117; Наумов А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Сетевое исследование Центра исследований и аналитики Фонда исторические перспективы. 2015. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/article/755/148/9147444/4_2015.pdf (дата обращения: 01.09.2016); Наумов А.О. «Мягкая сила» Страны восходящего солнца // Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 189–193; Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» и международный имидж стран группы ИБСА // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/article/556/33d/11603607/Myagkaya_sila_i_mezhdunarodnyj_imidzh_stran_gruppy_ibsa.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

³⁴ Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: дис. ... канд. Полит. наук. Москва, 2014. 263 с.; Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в контексте трансформации внешней политики ЕС // Политическая наука. – 2014. – № 2. – С. 222–245; Столетов О.В., Чихарев И.А., Мягкая сила во внешней политике России // Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 36–49; Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power // Полис. Политические исследования. – 2009. – №4. – С. 173–178.

предшествующим стратегиям и наилучшим образом отвечающей запросам современной мировой политики.

При исследовании индексов и рейтингов «мягкой силы» полезными оказались данные опросов общественного мнения: «Мягкая сила в Азии»³⁵, «Имидж Японии»³⁶, рейтинги «Новые средства убеждения»³⁷ (создатели – журнал «Монокль» совместно с британской независимой организацией «Институт правительства»), которые выходили в 2010, 2011, 2012 гг., а также «Исследование «мягкой силы» 2013» (журнал «Монокль»)³⁸ и индексы быстро развивающихся рынков Сколково³⁹.

Анализируя концептуальные модели и технологии «мягкой силы» стран Азии, мы обратились к работам, посвященным исследованию данных вопросов учеными следующих стран: Китай (С. Сао-Чэн⁴⁰, Л. Минцзян⁴¹, С. Хуан⁴², Х. Лай и И. Лу⁴³ и др.) Южная Корея (Р. Ким⁴⁴, Чжин Ли⁴⁵, Ма Янг Сэм⁴⁶ и др.), Япония (М. Норрис⁴⁷, У. Виас⁴⁸, Д. МакГрей⁴⁹ и др.). Полезными для исследования

³⁵ Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion // The Chicago Council. 2009. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Soft%20Power%202008_full%20report.pdf (дата обращения: 24.04.2014).

³⁶ Opinion poll: 2012 U.S. image of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2012/5/pdfs/0522_04_02.pdf (дата обращения: 02.10.2014).

³⁷ The new persuaders: an international ranking of soft power // Institute for government. 2010. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 10.05.2014).

³⁸ Soft Power Survey 2013 // Monocle Magazine. 2013. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2013/> (дата обращения: 10.05.2014).

³⁹ Rapid-growth markets soft power index. 2012 // Moscow School of Management Skolkovo. 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (дата обращения: 03.05.2014).

⁴⁰ Sun Sao-Cheng The approaches of China's soft power strategy // WHAMPOA Journal. – 2011. – № 61. – P. 53–64.

⁴¹ Mingjiang L. Domestic sources of China's soft power approach // China Security. – 2009. – Vol. 5. – № 2. – P. 55–70.

⁴² Huang C. China's soft power in East Asia. A question for status and Influence // The national bureau of Asian research. – 2013. – № 43. – P. 7.

⁴³ Lai H., Lu Y. China's soft power and international relations. Taylor & Francis, 2012. 232 p.

⁴⁴ Kim R. South Korean cultural diplomacy and efforts to promote the ROK's brand image in the US and around the world // Stanford. 2011. P. 125. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://web.stanford.edu/group/sjeaa/journal111/Korea2.pdf> (дата обращения: 16.09.2014).

⁴⁵ Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. 2012. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (дата обращения: 08.04.2014).

⁴⁶ Ma Young Sam Korea's public diplomacy: a new initiative for the future // The Asian Institute for policy studies. 2012. URL: <http://en.asaninst.org/contents/issue-brief-no-39-koreas-public-diplomacy-a-new-initiative-for-the-future/> (дата обращения: 11.09.2014).

⁴⁷ Norris M. Exploring Japanese popular culture as a soft power resource // International student journal. 2010. URL: <http://www.studentpulse.com/articles/253/exploring-japanese-popular-culture-as-a-soft-power-resource> (дата обращения: 13.01.2014).

оказались сведения, опубликованные организациями «Японский фонд»⁵⁰, «Фонд Кореи»⁵¹ и Институт Конфуция⁵².

С 2007 по 2016 гг. в России был защищен ряд диссертаций по политическим наукам, посвященных проблематике «мягкой силы». Отметим, что из них две работы посвящены исследованию различных аспектов «мягкой силы» США, другие исследуют роль «мягкой силы» в российско-бразильских отношениях, политике России, Монголии, Турции, Германии и другие вопросы. Стоит выделить работу Е.П. Пановой⁵³, которая рассматривает СМИ как инструмент, при помощи которого формируется «мягкая сила» государства.

Анализ материала показывает, что проблематика «мягкой силы» исследуется достаточно интенсивно и на сегодняшний день существует довольно большой массив работ, посвященных различным аспектам интересующего нас предмета; однако, во-первых, налицо проблема несистематизированности знаний относительно содержания и особенностей концепта «мягкой силы» как стратегии, технологии и ресурса власти, во-вторых, до сих пор не сложилось единства в определении места «мягкой силы» среди множества властных инструментов; в-третьих, несмотря на наличие работ, которые тем или иным образом затрагивают вопросы ресурсов и технологий «мягкой силы» различных государств, практически отсутствует литература, в которой бы проводился комплексный и сравнительный анализ государственных моделей по данным позициям.

Объект исследования – «мягкая сила» как политическая стратегия.

Предмет исследования – особенности стратегий, технологий и ресурсов «мягкой силы» государств Восточноазиатского региона.

⁴⁸ Vyas U. *Soft Power in Japan-China relations: state, sub-state and non-state relations*. Routledge, 2011. 204 p.

⁴⁹ McGray D. *Japan's Gross National Cool // Foreign Policy*. 2002. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool (дата обращения: 19.01.2014).

⁵⁰ *The Japan Foundation Annual report // 2012*. 63 p. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.jpf.go.jp/e/about/outline/ar/2012/pdf/dl/ar2012.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).

⁵¹ *Foundation Act // Korean Foundation*. 2012. URL: <http://en.kf.or.kr/?menu=524> (дата обращения: 15.09.2014).

⁵² *Hanban. Confucius Institute Headquarters. Annual Report // 2012*. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.hanban.edu.cn/report/2012.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).

⁵³ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2012.

Целью данной работы является осуществление комплексного анализа политических стратегий «мягкой силы» государств Восточной Азии (Китая, Японии и Южной Кореи).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующего комплекса исследовательских **задач**:

- во-первых, теоретико-методологических задач, направленных на
  - раскрытие генезиса понятия «мягкой силы» и оригинального содержания данной теории;
  - формулировку определения «мягкой силы», выявление ее основных характеристик, целей и условий ее эффективного использования, а также анализ степени и особенностей принятия концепта академическим сообществом;
  - выявление основных подходов к исследованию феномена «мягкой силы», формулировку структуры исследования «мягкой силы» государства;
  - анализ особенностей «мягкой силы» как властной технологии;
- во-вторых, исследовательских задач, обращенных на
  - раскрытие особенностей дискурса «мягкой силы» восточноазиатских государств (Китая, Японии и Южной Кореи);
  - рассмотрение культурных ресурсов и стратегий «мягкой силы» исследуемых государств; сравнение систем общественной дипломатии и институтов, занимающихся продвижением «мягкой силы» в Китае, Японии и Южной Корее;
  - рассмотрение политических ресурсов и инициатив «мягкой силы» восточноазиатских государств;
  - выявление потенциала «мягкой силы» исследуемых государств, ограничений использования «мягких» технологий, проведение анализа регионального восприятия Китая, Японии и Южной Кореи, а также формулировку их национальных моделей «мягкой силы».

Методология и методы исследования. Основу данного исследования составил комплекс методов, подходов и теорий, позволивший построить многоуровневую систему анализа теории и стратегий «мягкой силы».

При написании диссертации были использованы следующие общенаучные методы: метод сравнения, анализ и синтез, исторический и генетический методы. Метод сравнения был применен при исследовании сходства и различия стратегических технологий «мягкой силы» государств. Анализ позволил выделить отдельные компоненты «мягкой силы» и охарактеризовать их, а синтез полученных данных сделал возможным обобщение различных подходов к концепту «мягкой силы» и осуществлению «мягких» технологий на практике. Исторический и генетический методы оказались полезны при исследовании происхождения и развития концепта «мягкой силы».

В диссертационной работе применялись такие методологические подходы к исследованию «мягкой силы», как дискурсный, структурно-функциональный, институциональный и измерительно-инструментальный.

Дискурсный подход позволил сконцентрировать внимание на репрезентативных (построение привлекательности), ценностно-ориентированных стратегиях «мягкой силы».

Благодаря применению структурно-функционального подхода «мягкая сила» была представлена в качестве целостной системы, в которой описаны ее основные инструменты и их функции. Данный подход также позволил применить идею спектра к феномену «мягкой силы».

Институциональный подход был использован для выделения основных институтов, задействованных при разработке и осуществлении стратегий «мягкой силы», и определения их роли в данной деятельности.

Измерительно-инструментальный подход позволил обратиться к проблеме измерения «мягкой силы», выделить показатели, на основе которых можно измерить «мягкий» потенциал государств.

Важным теоретико-методологическим основанием для анализа категории власти стали работы Р. Даля, С. Стрэндж, Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё. Большое влияние на исследование оказала работа С. Льюкса, в которой критически рассматриваются различные подходы к изучению власти и предлагается авторский трехмерный взгляд на ее природу.

Для изучения существующих в литературе трактовок понятия «мягкая сила» были использованы методологические разработки таких авторов, как П.Б. Паршин, О.Ф. Русакова, С.К. Песцов, А.М. Бобыло, У. Виас и др.

При анализе технологических аспектов «мягкой силы» автором были взяты на вооружение исследовательские подходы и теории, получившие глубокое научное освещение в трудах Е.Г. Пономаревой, Е.П. Пановой, И.Я. Якоба, М.В. Харкевича и др.

Эмпирическая база исследования включает статистические и аналитические документы правительственных структур и независимых исследовательских организаций.

Статистическую базу исследования составили документы таких организаций, как Чикагский совет, Национальное бюро азиатских исследований, данные ОПР (Официальная помощь в целях развития), Центр культурного и технического обмена между Востоком и Западом (EWC), Институт Восточной Азии (EAI), Институт исследований Восточной Азии (IEAS), Исследовательская служба Конгресса (CRS), а также результаты опросов общественного мнения министерства иностранных дел Японии.

Кроме того, были использованы ежегодные доклады Корейского Фонда, Института Конфуция и Японского Фонда. В исследовании использовались материалы исследований рейтингов и индексов «мягкой силы» журнала «Монокль», Института Правительства (The Institute for Government), московской школы управления «Сколково» и консалтингового агентства «Портленд».

Научная новизна диссертации определяется приращением научного знания о сущности, формах и стратегиях «мягкой силы».

В исследовании на основе авторского подхода получены следующие научные результаты:

– проведен теоретический анализ генезиса концепта «мягкой силы», впервые рассмотрены особенности развития теории и основные методологические повороты в изучении концепта; выявлена корреляция исследуемого предмета и теории трехмерной власти С. Льюкса;

– предложено авторское определение «мягкой силы», учитывающее ее проявления, выделены цели ее использования, характеристики, а также масштаб «мягкого» потенциала;

– выявлен нормативный характер концепта, вопреки утверждению Дж. Ная о его ценностной нейтральности;

– систематизированы подходы исследования концепта «мягкой силы», сформирован алгоритм исследования «мягкой силы» государств;

– предложен ряд действий, который, при учете определенных в исследовании факторов, способен составить стратегическую технологию «мягкой силы»;

– выделены особенности дискурса «мягкой силы» государств региона Восточная Азия (Китай, Япония, Южная Корея);

– определены культурные ресурсы и стратегии «мягкой силы», проведен сравнительный анализ институтов-проводников культурной «мягкой силы», оценена роль основных факторов при увеличении «мягкого» потенциала государства;

– выявлены ключевые особенности политической «мягкой силы» исследуемых государств, доказано значение учета регионального восприятия государств для повышения эффективности стратегий «мягкой силы»;

– на основе комплексного анализа дискурса и стратегий «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи сформулировано авторское определение моделей «мягкой силы», определены негативные факторы влияния на стратегии развития «мягкой силы».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Мягкая сила» государства – способ осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной среды для политических действий и включающий три измерения: 1) привлечение, ведущее к согласию или подражанию; 2) способность устанавливать легитимную повестку дня, а также набор выгодных правил и институтов; 3) формирование предпочтений населения. Масштаб «мягкой силы» изменяется от локального до глобального, причем для

обладания «мягкой силой» глобального масштаба необходимы все три измерения, а также потенциал «жесткой силы».

2. Основные подходы к изучению концепта «мягкой силы»: структурный, процессно-ориентированный, измерительный и технологический. В рамках технологического подхода «мягкая сила» выступает стратегической технологией с определенными политическими и экономическими целями, целевой аудиторией, заданной длительностью и масштабом воздействия, конкретными субъектами и планом по каждому из направлений: 1) увеличению привлекательности; 2) структурированию международной среды; 3) налаживанию отношений; 4) влиянию на целевую аудиторию.

3. Алгоритм изучения «мягкой силы» государства включает в себя анализ следующих позиций:

- истории изучения «мягкой силы» и глубины адаптации концепта;
- особенностей академического дискурса, наличия национальных научных центров изучения «мягкой силы»;
- исследования «мягкой силы» как результата взаимодействий (пассивный потенциал, то есть исследование источников привлекательности, вес государства в международных организациях, степень распространенности и поддержки его идей, идеологии);
- исследования «мягкой силы» как деятельности (используемые инструменты и технологии; отражение стратегии «мягкой силы» в официальных документах; цели политики «мягкой силы»; основные акторы «мягкой силы»);
- ограничений и преград на пути наращивания «мягкой силы»;
- оценки общего потенциала «мягкой силы», а также ситуативного восприятия «мягкой силы» (учет целевой аудитории).

4. Основная цель создания и популяризации теории «мягкой силы» – поддержание доминирующего положения США на мировой арене. Однако, несмотря на нормативность изучаемого концепта, исследование «мягкой силы» восточноазиатских государств (Китая, Японии, Южной Кореи) показывает, что возможна рецепция концепта, его адаптация под условия, традиции, цели и задачи

стран различных регионов мира. При этом происходит частичное изменение содержания американской по духу теории в совокупности с внедрением практического инструментария «мягкой силы».

5. Большинство азиатских исследований, посвященных проблематике «мягкой силы», значительную роль отводят культурным источникам и инструментам «мягкой силы», та же ситуация наблюдается и на государственном уровне. В то же время, культура – лишь потенциальный источник «мягкой силы», который требует долгосрочного воздействия и неэффективен при наличии исторических обид или трений. Согласно объективным оценкам, экономический потенциал государства имеет не меньшее значение для масштаба «мягкой силы», чем культурный, чему не уделяется достаточного внимания в работах Дж. Ная.

6. В Китае, Японии и Южной Корее практическая реализация политики «мягкой силы» схожа. Основное внимание уделяется развитию общественной дипломатии, но присутствуют и национальные особенности: ресурсный акцент и активное использование СМИ в Китае, научно-технологическая и императорская дипломатия в Японии, субсидирование производства культурных продуктов в Южной Корее. В институциональном плане неэффективными оказываются как чрезмерная централизация институтов, вовлеченных в производство «мягкой силы», вызывающая снижение доверия, так и сильная децентрализация, порождающая снижение результативности.

7. При разработке стратегий «мягкой силы» важно учитывать ее ситуативность, то есть различную интерпретацию сообщений и действий аудиторией. Примером этого является разнородное восприятие Китая в различных регионах мира.

8. Негативными факторами влияния на потенциал «мягкой силы» являются следующие: 1) факторы, уменьшающие привлекательность в глазах конкретной аудитории; 2) ограниченное количество ресурсов, влияющее на масштаб «мягкой силы» (Япония и Южная Корея обладают меньшим объемом ресурсов, по сравнению с Китаем); 3) проблемы руководства, непоследовательность курса, исторические трения.

9. Модель «мягкой силы» Китая является равновесной (наращивание «мягкой силы», соответствующей его огромному потенциалу «жесткой силы»), японская модель является компенсаторной (увеличение «мягкой силы» должно продемонстрировать миру, что Япония до сих пор является сильным государством), модель «мягкой силы» Южной Кореи является балансирующей (страна балансирует между сильными игроками региона, улучшает внешнюю безопасность).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты позволяют сформулировать целостный подход к оценке феномена «мягкой силы», выявляют элементы стратегической технологии «мягкой силы», создаваемые и применяемые государствами, способствуют достижению понимания современных тенденций в системе международных отношений, связанных с появлением новых акторов и способов влияния на среду.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы данного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по политологии, международным отношениям и мировой политике. Они могут быть полезны при подготовке аналитических работ, учебных пособий и специальных курсов. Полученные результаты предлагается использовать в качестве отправных для проведения дальнейших исследований в русле данной проблематики.

Степень достоверности результатов научной работы подтверждается использованием трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых по теме диссертационного исследования, статистических и аналитических документов. Обоснованность полученных результатов опирается на применение совокупности методов, адекватных цели, задачам и логике диссертационной работы, подтверждается качественным анализом исходных данных и представлением основных исследовательских результатов в докладах на научных конференциях и в профессиональной печати.

Апробация диссертационной работы. Основные положения исследования сформулированы в 14 научных публикациях, в том числе в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых изданиях, определенных ВАК. Часть

материалов вошла в состав коллективной монографии «Soft power: теория, ресурсы, дискурс».

Отдельные положения и выводы исследования были представлены автором на всероссийских и международных конференциях и научных школах: Международная научная конференция «Картины мира: концептуальный и ценностно-смысловой строй» (V-е Лойфмановские чтения, 17–19 декабря 2012 г., г. Екатеринбург), XVI Международная научно-практическая конференция «Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом» (15–16 апреля 2013 г., г. Екатеринбург), III Междисциплинарная молодежная научная конференция «Информационная школа молодого ученого» (26–30 августа 2013 г., г. Екатеринбург), Всероссийская конференция с международным участием «Россия и Восток: культурные связи в прошлом, настоящем, будущем» (IX Колосницынские чтения, 16–17 апреля 2014 г., г. Екатеринбург), Международная конференция «Soft power: теории, ресурсы, дискурс» (15 октября 2014 г., г. Екатеринбург), XVIII Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л.Н. Когана (19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург), VII Российский философский конгресс «Философия. Толерантность. Глобализация: Восток и Запад – диалог мировоззрений» (6–10 октября 2015 г., г. Уфа), Всероссийская научная конференция (с международным участием) молодых ученых «Культурная память и культурная идентичность» (25 марта 2016 г., г. Екатеринбург), Десятая международная научно-практическая конференция «Китай: история и современность» (3–5 октября 2016 г., г. Екатеринбург). Материалы исследования использовались в разработке и преподавании учебного курса «Soft power в современных коммуникациях» для иностранных студентов-магистрантов кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института управления и предпринимательства УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина.

Структура исследования определяется целью работы и ее исследовательскими задачами. Диссертация состоит из введения, 2 глав,

включающих 8 параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 173 позиции (в том числе 100 на иностранных языках) и приложений.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения «мягкой силы»

1.1. Теоретические основания изучения «мягкой силы»: генезис и концептосфера

Вступление общества в эпоху глобальных коммуникаций ознаменовалось поиском новых эффективных форм влияния на общество и осуществления власти над ним. Концепт *soft power* («мягкая власть», «мягкая сила») явился ответом на такую потребность. Он был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем и очень быстро приобрел популярность сначала в академических, а затем и в политических кругах, так как благодаря использованию данного инструмента открылась возможность воздействовать на партнеров, их сознание, чтобы добиться добровольного сотрудничества или других целей.

В отечественных научных исследованиях и публицистике можно встретить различные варианты перевода термина *soft power* на русский язык. Связано это с тем, что английский вариант представляет собой образное, метафорическое выражение, настолько удачное и способствующее его популярности, насколько и спорное относительно его трактовки и даже права на существование. Слово *power* переводится как власть, влияние, сила. Для данного исследования приоритетным является первый вариант перевода, при этом власть понимается не как авторитетно-властное полномочие, а как властное могущество вообще, в самом его широком смысле, как способность каким-либо желаемым образом воздействовать на сознание и поведение других. «Власть при широком определении представляет собой синоним влияния и охватывает весь ряд механизмов влияния – от убеждения (влияние, успешно оказываемое без обещания вознаграждения или угрозы наказания) до умеренного давления или

сделки и далее вплоть до крайне жестокого давления, применения силы или принуждения»⁵⁴. В этом смысле данное исследование идет в согласии с точкой зрения, выраженной в диссертации Е.П. Пановой: «Представляется, что именно словосочетание «мягкая власть» наилучшим образом соответствует описываемому явлению, т.к. речь идет о способности изменять поведение других акторов, заставляя их опосредованно делать то, что они в ином случае не сделали бы, т.е. это категория именно власти, а не силы или мощи»⁵⁵.

Существуют аргументы в пользу употребления понятия «сила». В настоящее время оно употребляется не только для обозначения физических возможностей субъектов, оно может определять моральную готовность к активным действиям. Интуитивно оно не ушло далеко от своих лексических истоков: «применять силу», «вооруженные силы», «заставить силой», «военно-воздушные силы». Термин *soft power* уместно переводить как «мягкая сила», потому что он возник как противоположность *hard power* (силе, включающей принуждение, давление, шантаж). В этом случае сохраняется смысл метафоры. В пользу этого варианта говорит также то, что данный перевод более ли менее устоялся в научной среде и публицистике. Так, по данным статистики интернет-запросов сервиса Wordstat на 1 ноября 2015 г., пользователи запрашивали термин «мягкая сила» с частотой 4340 запросов в месяц, а «мягкая власть» – всего 251 запрос в месяц.

Таким образом, возможно использование понятий «мягкая власть» и «мягкая сила» как синонимичных, однако, проводя данное исследование, будем иметь в виду, что мы имеем дело с областью власти и властных отношений. Власть может проявляться заметно, с наличием видимого конфликта, а может и скрыто, как в случае с «мягкой властью», но от этого она не становится менее действенной.

Задолго до того, как концепт «мягкой силы» стал предметом обсуждения в мировой политологии, уже существовали идеи, схожие с ним по своей

⁵⁴ 26 основных понятий политического анализа // Политнаука. 2008. URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/26osn.php> (дата обращения: 04.03.2015).

⁵⁵ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2012.

философской сути. Например, китайский мыслитель Лао-цзы был убежден, что в мире нет предмета, нежнее и слабее воды, но и она может разрушить самый твердый предмет. Интересно, что современные китайские авторы развивают теорию «мягкой силы», опираясь на позиции данного философа и заключают, что ее технологии органичны для Китая.

Проводя анализ власти по такому показателю, как разделение ее источников на материальные и нематериальные, можно провести параллели между концептом Дж. Ная и идеями целого ряда других исследователей. Например, Р.С. Клайн, исполнительный директор Центра стратегических и международных исследований Университета Джорджтауна (США) в конце семидесятых годов прошлого века вывел формулу для оценки совокупной государственной силы: $P = (C+E+M)*(S+W)^{56}$, то есть государственная сила равняется сумме населения и территории, экономической силы, военной силы, умноженной на сумму стратегического замысла и воли к осуществлению власти. То есть первая сумма является совокупностью материальных элементов, а вторая – духовных.

Предшественником исследуемого концепта считается учение о культурно-идеологической гегемонии итальянского философа-марксиста А. Грамши⁵⁷. Он полагал, что государство держится на двух китах: силе и согласии. В современных формациях западного мира согласие с капиталистической эксплуатацией (как психологическое состояние) обеспечивается при помощи господства, основанного на действии культуры и идеологии. Грамши употреблял термин «гегемония» для обозначения «положения, при котором достигнут достаточный уровень согласия. Гегемония предполагает не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества (представления о мире и человеке, добре и зле, традиции, символы, предрассудки, знания и опыт предыдущих поколений). Для осуществления революции необходима «молекулярная агрессия» в «культурное ядро», то есть

⁵⁶ Cline R.S. World power assessment 1977: a calculus of strategic drift. Westview Press, 1977. P. 34.

⁵⁷ Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

выпуск огромного количество книг, брошюр, статей, использование театральных постановок и других средств ежедневной массовой агитации»⁵⁸.

Можно найти ряд сходств в учении о гегемонии А. Грамши и теории «мягкой силы» Дж. Ная. В том и другом концептах выделены два вида влияния на объекты: насилие и согласие у А. Грамши, «жесткая» и «мягкая» силы у Дж. Ная. Оба автора придают большое значение традициям, культуре и ценностям для успешного установления гегемонии. И тот и другой исследователь подчеркивают большую роль гражданского общества в процессе формирования и поддержания влияния государства. Тем не менее, между данными концептами существуют различия. А. Грамши как приверженец коммунистической идеологии считает, что гегемония необходима для достижения целей внутренней политики, а именно, – поддержания власти господствующего класса. С точки зрения Дж. Ная, «мягкая сила» направлена на достижение целей внешней политики. Разница идеологических ориентаций данных авторов отражается в оценке ими объекта их исследований: если Дж. Най доказывает важность наращивания «мягкой власти» для создания притягательного образа государства с целью формирования коалиций и привлечения союзников, то А. Грамши пишет о необходимости свергнуть силу господствующего класса, воздействуя на нее ее же средствами и приемами, подтачивая «культурное ядро», исподволь подготавливая условия для проведения революции. Важно, что А. Грамши говорит о необходимости совершения «молекулярной агрессии», то есть некой деятельности, которая бы совершила переворот в сознании, а не занимается исследованием пассивного властного потенциала.

Одной из конкурирующих концепций власти была концепция структурной власти, развивавшаяся в 1980-х годах. Представители данного подхода – С. Стрэндж и С. Гуццини. Первый исследователь определяет структурную власть как власть формировать рамки, в которых государства взаимодействуют друг с

---

⁵⁸ Ковалева Д.М. (Ковба Д.М.) Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2013. – Т. 13, выпуск 1. – С. 119.

другом, с индивидами и корпорациями⁵⁹. В понимании С. Стрэндж, власть над структурами важнее власти над ресурсами, поэтому она настаивает на необходимости пересмотра фактической ценности экономических ресурсов и военного потенциала для оценки различий между великими державами в современном мире. Власть может не только производить результаты исходя из материальных или нематериальных факторов, но и формировать и определять структуры или негласные сделки государств, поэтому сами структуры становятся властным ресурсом, так как они определяют правила игры.

С. Гуццини⁶⁰ определяет «непрямую институциональную власть» как контроль над результатами, осуществляемый не через прямую конфронтацию, а через изменение окружающих условий, в которых происходит столкновение. Он описывает понимание власти С. Стрэндж как «неумышленную, непреднамеренную власть», так как структура может и не функционировать в пользу гегемона в конкретном историческом контексте. Структура непосредственно не продвигает интересы гегемона, но лишь облегчает ему задачу косвенным, почти не контролируемым образом.

Ключевым механизмом, на котором основано действие «мягкой власти», является, по мнению Дж. Ная, привлекательность, притягательность. Отталкиваясь от этого факта, мы можем отнести концепции представителей постмодернизма к этому же дискурсивному пространству: это понятия «соблазн» Ж. Бодрийяра и «обольщение» Ж. Липовецки. В результате воздействия привлекательности, соблазна, обольщения субъекты воспринимают предложения властных инстанций как сознательный, свободный и добровольный выбор.

По мнению О.Ф. Русаковой, «Ж. Бодрийяру принадлежит важная роль во введении в философский оборот понятия соблазна в качестве категории, обозначающей силовое властное воздействие, осуществляемое в пространстве символических образов. Соблазн присутствует во всех реальных проявлениях

---

⁵⁹ Strange S. States and markets. A&C Black, 1998. – P. 25.

⁶⁰ Guzzini S. Structural power: The limits of neorealist power analysis // International Organization. – 1993. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 462.

власти»⁶¹. Он проявляется в обольщении приманкой, предложении потребления чарующей иллюзии. Будучи нематериальной силой, соблазн транслируется при помощи материальных технических средств и продуктов производства (например, кинематография).

Другой представитель философии постмодернизма Ж. Липовецки полагает, что обольщение в современном обществе – «это повсеместная невидимая сила, стремящаяся регулировать потребление, организацию, информацию, образование, нравы»⁶². Оно стимулирует стремление человека к наслаждениям, придает праву на наслаждение статус легитимного. В обществе эпохи постмодерна стратегия обольщения является частью политических технологий. Она основана на обольщении индивидов привлекательными образами политических лидеров и институтов. Ж. Липовецки находит в стратегии обольщения и положительные стороны, так как она включает обольщение демократизмом⁶³.

Пытаясь помирить структурный функционализм и социальный конструктивизм, французский социолог П. Бурдьё создал концепцию символической власти. Это специфическая власть, которая может изменять и формировать категории оценки и восприятия социума, которые оказывают влияние на его организацию. Данная власть является преобразенной, невидимой, неузнаваемой. Она сильна тогда, когда те, кто ей подвержен, не догадывается о ее существовании. Особую важность имеют символические системы, структурирующие социум (искусство, язык, религия). П. Бурдьё подчеркивал важность такой власти в противовес марксистским концепциям примата экономики. Используя символическую власть, можно добиться тех же целей, которых обычно достигают, используя силу (экономическую или физическую), но только в том случае, если эта власть является признанной⁶⁴. Исследователь указал на идеологическую функцию господствующего дискурса, выражающуюся в

---

⁶¹ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права РАН. – 2010. – №10. – С. 180.

⁶² Там же, С. 182.

⁶³ Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. С. 215.

⁶⁴ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

навязывании восприятия текущего порядка вещей как естественного, при помощи замаскированного внушения (а поэтому – никем не замечаемого) ментальных структур и систем классификации, подогнанных к структурам социума.

Еще одной разработкой, важной для данного исследования, является «третье измерение власти»⁶⁵ С. Льюкса, которое хотя и не является академическим эквивалентом «мягкой силы», но выражает идеи, сходные с теорией Дж. Ная. С. Льюкс выделяет три подхода к пониманию власти:

1) Одномерный взгляд, согласно которому власть в обществе распределяется плюралистически, акцент делается на изучении наблюдаемого поведения и примерах принятия решений. Проблемы мыслятся как дискуссионные, они предполагают действительный, наблюдаемый конфликт. Представителем данного подхода является Р. Даль.

2) Двумерный взгляд, предполагающий контролирование повестки, то есть власть решать, что решается. Акцент делается на принятии и непринятии решений и наблюдаемом конфликте, явном или скрытом. Представители подхода – П. Бахрах и М. Барац.

3) Трехмерный взгляд, при котором контроль над мышлением осуществляется в более скромных, менее тотальных формах, например, при помощи контроля над информацией, использовании массмедиа и даже процесса социализации. Акцент делается на принятии решений, контроле над повесткой, латентном и наблюдаемом конфликте, а также субъективных и реальных интересах. Особенность третьего измерения власти в том, что оно препятствует возникновению чувства недовольства при помощи формирования у людей нового восприятия и предпочтений, обеспечивающих принятие роли либо в порядке вещей, либо не предоставляя альтернативу, либо как естественную или даже благотворную.

Проблема теории «третьего измерения власти», на наш взгляд, состоит в сложности (если не невозможности) определения «реальных интересов» индивидов. С. Льюкс предлагает исследователям определять их в рамках той

---

⁶⁵ Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 32.

теории, в которой они работают. Например, если «кто-то ищет материалистического» объяснения, тогда «реальными интересами» будут материальные интересы. Если выбор хотят объяснить в рамках «рационального выбора», тогда «реальные интересы» будут означать «наилучшие интересы» индивидов⁶⁶.

Спорным также является термин «ложное сознание», подразумевающий, что существует «истинное». Мы полагаем, что сознание, так же как и интересы, становятся истинными и реальными в тот момент, когда они приняты индивидом, то есть ощущаются как истинные, даже если они были каким-либо образом ему навязаны. Для исследования «мягкой силы», тем не менее, важно оперировать подобными терминами. Мы предлагаем называть «ложное сознание» не «властью вводить в заблуждение», как это делает С. Льюкс, а «властью влиять на сознание».

Между теориями «мягкой силы» и «третьим лицом власти» нет такой пропасти, которую видят их создатели, полемизируя друг с другом. Вопрос лишь в оценке происходящего процесса. Так, Дж. Най полагает, что без использования силы (военной и экономической) происходит лишь привлечение, а у С. Льюкса без применения силы происходит только принуждение. Если Дж. Най уверен, что способность Соединенных Штатов формировать желания других служит реальным интересам последних, то у С. Льюкса такой порядок вещей трактуется как манипуляция, формирование идеологических рамок, из-за которых подчиняющиеся не осознают свои истинные интересы. Таким образом, основное расхождение авторов заключается в том, что Дж. Най находится в рамках теории неолиберализма, тогда как С. Льюкс пытается исследовать причины подчинения групп в условиях неолиберальной гегемонии.

При анализе исторической перспективы находится множество примеров практик, относящихся к «мягким». Например, после поражения во франко-прусской войне французское правительство, стремясь восстановить разрушенный престиж нации, стало содействовать продвижению французского языка и

---

⁶⁶ Там же. С. 211.

литературы через организацию Альянс Франсез, созданную в 1883 году. Италия, Германия и другие вскоре последовали этому примеру⁶⁷. Российский исследователь Е.В. Опенько убедительно доказывает, что Д. Эйзенхауэр – первый, кто начал проводить на государственном уровне политику «мягкой силы» в рамках интеграции послевоенной Европы в 1950-х годах⁶⁸.

Можно заключить, что в истории политической и философской мысли находятся примеры теорий, близких к концепту «мягкой силы»: это идеи разделения источников власти на материальные и нематериальные, исследование структур в качестве нового типа властных ресурсов, способы изменения сознания граждан, при использовании которых они начинают воспринимать порядок как естественный либо же активно желают того, что требуется существующей власти.

Тем не менее, заслуга Дж. Ная состоит в том, что он, переведя «мягкую власть» из области философии в область политики, с национального уровня на уровень международных отношений и действуя в духе американского практицизма, показал возможности применения «мягкой силы» как инструмента для увеличения влияния на мировой арене. Наибольшее значение имеет то, что данный концепт не с теоретической, а именно с технологической, практической точки зрения приобрел большое значение: благодаря использованию современных технологий появилась возможность комплексного воздействия, а в пространственном отношении – практически неограниченного влияния на массовое сознание. Формулировки Дж. Ная, по сравнению с теориями других исследователей, оказались более простыми и запоминающимися, а близость Дж. Ная к политическим кругам США, занимаемые им должности и авторитет позволили донести идею «мягкой силы» не только до академических, но и до политических кругов, а также широкой общественности.

Для дальнейшего исследования «мягкой силы», возможности точного обозначения данного концепта и применения его по отношению к конкретным

---

⁶⁷ Nye J. The paradox of American power // N.Y.: Oxford University Press, 2002. С. 70.

⁶⁸ Опенько Е.В. От традиционной дипломатии к использованию «мягкой силы»: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Томск, 2012.

государствам, необходимо понимание причин его генезиса, особенностей развития и трансформации в видении его создателя, Дж. Най.

Первое упоминание о концепте появилось в 1990 году в статье «Мягкая сила» (журнал «Foreign Policy») и книге «Обреченные быть лидером: меняющийся характер американской власти»⁶⁹. В последующих книгах Дж. Най доработал и развил теорию «мягкой силы». Обстоятельства, в которых Дж. Най создавал эти произведения, важно принимать во внимание: его первая статья написана в конце периода холодной войны (1990 г.). Автор отмечает в ней, что «в настоящее время советская власть находится в упадке, а японская власть растет... В конце XX века Соединенные штаты Америки стали менее могущественными, чем были в 1945 году»⁷⁰. Дж. Най пытался решить вполне утилитарную задачу: при помощи введения и популяризации концепта «мягкой силы» разубедить американское академическое сообщество в неизбежности упадка Соединенных Штатов. В этой статье автор отметил важность перехода к новому виду силы (в тот период называвшейся «кооптивной» – *co-optive power*), которая позволяет стране «влиять на международную среду так, чтобы интересы и предпочтения других государств совпадали с ее собственными интересами и соответствовали ее намерениям»⁷¹.

Книга 2002 г. «Парадокс американской власти» – реакция на теракты 11 сентября 2001 г. В ней Дж. Най предостерегал политических деятелей США от проведения высокомерного и безразличного международно-политического курса, а также от триумфа – ошибки, противоположной упадку, которую он описал в предыдущей книге. Автор последовательно доказывал, что американская политика должна быть не односторонней, а двусторонней и многосторонней.

В 2004 г. было издано произведение «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике»⁷². Это отклик Дж. Най на уменьшение привлекательности Соединенных штатов в мире вследствие их участия в войне в

---

⁶⁹ Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 336 p.

⁷⁰ Nye J. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153.

⁷¹ Ibid. P. 168.

⁷² Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. 191 p.

Ираке. Цель этой книги – еще раз разъяснить читателям значение «мягкой силы»⁷³.

Произведение «Будущее силы»⁷⁴ было издано в 2010 году. В ней автор полностью сконцентрировался на концепте «умной силы», то есть искусстве политического актора рациональным образом комбинировать элементы «мягкой» и «жесткой» сил в целях увеличения своего влияния. Данный концепт повлиял на политику администрации Обамы. В вашингтонском Центре стратегических и международных исследований появилась специальная комиссия по «умной силе», одним из председателей которой стал Дж. Най.

Любопытно, что последняя написанная Дж. Наем книга 2015 года – «Заканчивается ли век Америки?»⁷⁵ посвящена той же проблеме, что и его первая статья 1990 г.: последовательному доказательству того, что американский век далек от завершения, несмотря на пессимистические аналитические прогнозы и впечатляющие экономические успехи КНР. Автор доказывает, что по совокупному потенциалу, состоящему из военной, экономической и «мягкой» сил, США будут опережать все прочие государства мира в течение ближайших десятилетий.

Рассмотрение эволюции понятия «мягкой силы» в работах Дж. Наея начнем с его первой статьи, посвященной данной тематике. В ней он дал определение «кооптивной силе», которую в дальнейшем стал называть «мягкой»: *«это способность государства структурировать ситуацию таким образом, чтобы другие страны развивали предпочтения или определяли свои интересы способами, согласующимися с его собственными»*⁷⁶. Он добавляет: «государство может достичь желаемых результатов, потому что другие страны хотят следовать за ним или согласны с ситуацией, которая производит такой эффект»⁷⁷. При этом важным условием такой власти является ее легитимность.

Основными ресурсами «кооптивной власти» являются

⁷³ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 111–118.

⁷⁴ Nye J. The Future of power. N.Y.: Public Affairs, 2010. 320 p.

⁷⁵ Nye J. Is the American century over? Polity, 2015. 152 p.

⁷⁶ Nye J. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 168.

⁷⁷ Ibid. P. 166.

- культурная и идеологическая привлекательность,
- правила и учреждения международных режимов.

По своей природе они являются нематериальными.

Таким образом, двумя основными механизмами, обеспечивающими действие «кооптивной власти», являются *привлекательность* и *способность влиять на структуры*. Если в последних работах Дж. Най сосредоточился на разъяснении первого механизма, то в данной статье он, в основном, концентрируется на втором: «США имеют больше «кооптивной силы», чем другие страны. Институты, управляющие международной экономикой, такие как МВФ, Генеральное соглашение по тарифам и торговле, воплощают принципы свободного рынка, либерализма, которые в большой мере соответствуют американскому обществу и идеологии»⁷⁸. В этом он близок к теориям ученых, развивающих идеи структурной власти.

В книге «Парадокс американской власти» Дж. Най продолжает разъяснять свой концепт. Он дает следующие определения «мягкой силы»: «это косвенный способ осуществления власти», «это способность соблазнять и привлекать, и привлечение часто ведет к молчаливому согласию или имитации», «власть, которая основывается на способности устанавливать политическую повестку дня таким образом, чтобы формировать предпочтения других», «способность устанавливать набор выгодных правил и институтов»⁷⁹. В тексте работы можно встретить еще несколько попыток определить «мягкую силу». Эта множественность определений в ранних работах стала причиной критики академического сообщества, даже ставился вопрос о невозможности его использования в аналитических целях. Тем не менее, из этих определений также можно заключить, что этот вид власти основывается на двух основных моментах: способности привлекать (привлечение ведет к подражанию или согласию) и институциональном потенциале.

Формулировка ресурсов «мягкой силы» немного изменилась. Теперь это

---

⁷⁸ Ibid. P. 168.

⁷⁹ Nye J. The paradox of American power. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 240 p.

- привлекательность культуры;
- привлекательность идеологии;
- привлекательность институтов.

Дж. Най совершает исторический экскурс и доказывает, что основные ресурсы, обеспечивающие лидирующие позиции государства, менялись с течением времени: например, в XVI в., в период испанского могущества, ценились золото в слитках, колониальная торговля, наемная армия и династические связи; сегодня же огромное значение имеет «мягкая сила» в сочетании с технологическим, военным и экономическим лидерством. Интересно, что «мягкая сила», по мнению автора, была одним из основных ресурсов Франции в XVIII в. (в форме культурного влияния), Великобритании в XIX в. (в форме либеральных норм) и США в XX в. (в форме культурного универсализма и либеральных международных режимов).

Особенностью произведений Дж. Ная является то, что автор уделяет большое внимание роли США (что естественно: как было указано выше, цель его работ – поиск путей сохранения доминирующего положения данной страны среди других государств). Так, например, концентрируясь на поиске путей укрепления американского могущества, Дж. Най советует «использовать свое первенство для содействия формированию институтов, которые принесут пользу американцам и остальному миру по мере развития глобализации»⁸⁰, он оценивает «мягкую силу» с точки зрения позиционирования ценностей США как более привлекательных для мира. Оправдывая гуманитарные интервенции США во имя демократии и прав человека, он советует соблюдать предосторожности: организовывать коалиции и обращаться за международной поддержкой⁸¹.

В этой же работе появляется модель мира, представляющая собой трехмерную шахматную доску, верхний уровень которой занимает военное могущество (однополярная область, в которой практически полностью доминируют США), средний – экономическая власть (многополярная область,

---

⁸⁰ Ibid. P. 147.

⁸¹ Ibid. P. 147.

которую делят между собой США, Европа, Япония и Китай), нижний – транснациональные отношения (многополярная сфера, выходящая за рамки правительственного контроля; это негосударственные субъекты: банки, ТНК, террористические организации, хакеры)⁸². Таким образом, обосновывая лидирующие позиции США в XXI веке технологическим лидерством, военным и экономическим масштабом, «мягкой силой» и американоцентричным характером глобализации, Дж. Най, тем не менее, не приписывает Соединенным Штатам характер гегемона, указывая на нижние уровни модели «шахматной доски».

В следующей работе «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» появляется определение «мягкой силы» и описание ее ресурсов, которое больше не менялось и использовалось в книгах и статьях данного автора, а также исследователей национальных центров мира: *«мягкая сила» была определена как способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей*⁸³. Ресурсами данного вида власти были признаны

- культура (привлекательная для остальных);
- политические ценности (которые поддерживаются внутри страны и за рубежом);
- внешняя политика (легитимная и имеющая моральный авторитет)⁸⁴.

Важно, что культура, по мнению Дж. Най, должна быть не только привлекательной, но и содержащей некие универсальные ценности (либерализм, плюрализм, свобода, демократия, права человека). Тогда она лучше воспринимается и усваивается представителями разных национальностей. Это момент расхождения между теорией Дж. Най и пишущими о привлекательности различных государств авторами: у последних культура не обязательно универсальна, она может быть просто соблазнительна своей экзотичностью. Однако для того, чтобы культура стала инструментом «мягкой силы», она должна быть способна создавать оболочку, в которую бы запаковывались идеи и ценности.

---

⁸² Ibid. P. 39.

⁸³ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P. X.

⁸⁴ Ibid. P. 10.

Кроме того, Дж. Най вводит важное условие, которое необходимо учитывать при построении стратегий «мягкой власти» – это *контекст*. Он пишет, что «мягкая сила» лучше «работает», когда она направлена на демократии, где велика важность общественного мнения, чем на диктаторские режимы: с диктаторами обычно договариваются; именно поэтому «Кока-кола и Биг Маки не обязательно побуждают людей из исламского мира любить США»⁸⁵.

Исходя из этого, можно выделить технологическую цепочку, используемую США: распространение демократии, в том числе посредством соблазнения «мягкой силой» и использования гуманитарных интервенций – повышение эффективности применения «мягкой силы» в демократических государствах – контролирование настроений общественного мнения, формирование предпочтений населения, поддержание влияния идей, выдвигаемых США.

	«Жесткая сила»	«Мягкая сила»
Спектр поведения	Принуждение, побуждение («палка» и «морковка»).	Установление повестки дня, привлечение.
Наиболее вероятные ресурсы	При принуждении – сила, санкции; при побуждении – платежи, подкуп.	Установление повестки дня – институты; привлечение – ценности, культура, политика.

Таким образом, в данном произведении сохраняется двумерный характер «мягкой власти», соответствующий второму и третьему «лицам власти» С. Льюкса: это контролирование повестки дня и привлечение.

Кроме того, хотя Дж. Най признает, что экономическая и военная силы могут вызывать привлечение, все же они не являются у него наиболее вероятными ресурсами «мягкой силы». В ходе дальнейшего исследования, при изучении китайского подхода к «мягкой силе», будет показано, что для возможности практического использования технологий «мягкой силы» китайские исследователи понимают «мягкую силу» в самом широком виде: все, что

⁸⁵ Ibid. P. 16.

вызывает привлекательность у мира, является «мягким». Используя терминологию Дж. Найя, отметим, что использование Китаем «морковки» «жесткой силы» (то есть экономической помощи и инвестиций) создатель концепта причислил бы к «жестким» инструментам, а китайские исследователи считают их «мягким».

Относительно возможности измерения «мягкой силы» государства Дж. Най пишет: «мягкую силу» можно попытаться измерить при помощи опросов общественного мнения. Это неотъемлемый, но несовершенный способ измерения ресурсов»⁸⁶.

Автор признает, что результат воздействия «мягкой силы» зависит от принятия ее зарубежной аудиторией. Ресурсы «мягкой силы» часто работают не напрямую: они создают благоприятную окружающую среду для политических действий, и иногда для достижения желаемых результатов требуются годы⁸⁷.

Книга «Будущее власти» полностью посвящена исследованию «умной силы», отражающей стратегическое использование «мягкой» и «жесткой сил» в зависимости от интеллектуальной оценки контекста. Вариантами «мягкого» поведения признаются *установление повестки дня, притяжение и убеждение*⁸⁸.

Самым слабым моментом теории Дж. Найя, особенно в ранних его работах, видится конвертация ресурсов в собственно «мягкую силу». «Мягкая сила» оказывается не такой технологичной, как этого хотелось бы практикам политики, особенно учитывая то, что она частично создается благодаря функционированию гражданского общества, из-за чего она может быть вне контроля правительства. Тем не менее, такие моменты можно отыскать. Так, структурно-инструментальный уровень «мягкой силы» включает в себя

- национальные службы;
- информационные агентства;
- общественную дипломатию;
- программы обмена;

---

⁸⁶ Ibid. P. 18.

⁸⁷ Ibid. P. 99.

⁸⁸ Nye J. The Future of power. N.Y.: Public Affairs, 2010. P. 90–94.

- программы помощи;
- тренировочные (обучающие) программы⁸⁹.

Также из предыдущего абзаца логично предположить, что необходимым условием наращивания потенциала «мягкой силы» (особенно учитывая то, что распространять ее легче среди либеральных демократий), по мнению Дж. Ная, является создание условий для развития гражданского общества.

Функциями общественной дипломатии являются следующие:

- 1) распространение позитивного имиджа;
- 2) передача информации (с учетом целевых аудиторий);
- 3) построение долгосрочных отношений, создающих благоприятную среду для правительственной политики (при этом необходимо учитывать, что обмены всегда более эффективны, чем одностороннее вещание)⁹⁰.

Общественная дипломатия включает в себя три стадии:

- 1) ежедневная коммуникация (объяснение контекста внутривнутриполитических и внешнеполитических решений, быстрая реакция на кризисные ситуации);
- 2) концентрическая стадия (создает набор простых тем, например, выставка в Шанхае);
- 3) долгосрочные отношения с ключевыми индивидами в течение многих лет и десятилетий через учебные программы, конференции, обмены, тренинги, семинары, медиа-каналы⁹¹.

Послания общественной дипломатии не должны расходиться с действиями «жесткой силы». Эффективность общественной дипломатии измеряется результатами опросов общественного мнения, а не количеством денег, на нее потраченных. Важность образовательных обменов как элемента общественной дипломатии показывает то, что «сорок шесть текущих и сто шестьдесят пять бывших глав правительств получили образование в США»⁹².

---

⁸⁹ Ibid. P. 99.

⁹⁰ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P. 112.

⁹¹ Nye J. The Future of power. N.Y.: Public Affairs, 2010. P. 105.

⁹² Ibid. P. 97.

В одной из последних статей⁹³ Дж. Най призывал объединить разрозненные официальные инструменты «мягкой силы» (публичную дипломатию, телевидение, программы по обмену, помощь в развитии, гуманитарную помощь, контакты «военные-с-военными») во *всеобъемлющую стратегическую технологию*, которая бы интегрировала их и таким образом увеличила эффективность внешней политики США.

Таким образом, концепт «мягкой силы» создавался для конкретной цели: разработки способа увеличения власти США, разубеждения академического сообщества и мировой общественности в неизбежности скорого упадка данного государства, и, в конечном итоге, для поддержания доминирующего положения США на мировой арене. Данная теория развивалась в соответствии с задачами и проблемами, с которыми сталкивалась американская внешняя политика с 1990 года. В результате анализа работ Дж. Ная можно вывести следующую цепочку: соблазнительная «мягкая сила», а также некоторые другие инструменты, например, гуманитарные интервенции, позволяют проводить процесс распространения демократии. В свою очередь, это усиливает эффект от применения «мягкой силы», так как в демократических государствах появляется возможность влиять на общественное мнение. Кроме самостоятельного использования инструментов «мягкой силы» для достижения определенных внешнеполитических целей, возможно ее применение в сочетании с «жесткой силой» для увеличения эффективности последней (создание благоприятной общественной среды, увеличение числа союзников). Кроме того, важно, что в последних работах Дж. Ная теория «мягкой силы» становится по-настоящему трехмерной (в терминологии С. Льюкса). Она начинает включать в себя привлечение и убеждение (т.е. первое лицо власти; оно так или иначе содержит в себе элемент манипулирования), способность устанавливать легитимную повестку дня, а также набор выгодных правил и институтов (второе лицо власти), а также формирование изначальных предпочтений (третье лицо власти).

---

⁹³ Nye J. The war on soft power // Foreign policy. 2011. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/04/12/the-war-on-soft-power/> (дата обращения: 03.01.2015).

1.2. Категоризация и анализ понятия «мягкой силы»

Определение места «мягкой силы» в «системе координат» международных отношений чаще всего связывают с ростом глобализации и неолиберальной теорией. Так, турецкие исследователи П. Бильгин и Б. Элис⁹⁴ полагают, что теория Дж. Най подчеркивает нематериальные формы власти, о которых забывают ученые-реалисты, а также обращает внимание на невидимые, скрытые от глаз властные отношения. Они критикуют взгляды реалистов, которые фокусируются на военно-экономическом потенциале государств, трактуют власть как принуждение посредством прямого воздействия и изучают лишь видимые проявления силы, игнорируя деятельность негосударственных акторов. Индийская исследовательница Ю. Пурушутамен согласна с такой позицией: она считает, что теория Дж. Най удачно дополняет учение реалистов⁹⁵.

Сам Дж. Най предоставил свое видение места концепта в теории международных отношений следующим образом: «некоторые авторы изображают разницу между «жесткой» и «мягкой» силами как оппозицию реализма и идеализма, но это ошибка. Традиционные реалисты, например, Г. Моргентау, возражали против того, что они считали наивным идеализмом, однако не были безразличны к важности идей... Большая часть этих тонкостей погибла из-за стремления неореалистов сделать власть измеримой; власть была редуцирована до измеримых материальных ресурсов. В последнее время эти реалисты восстановили понимание важности идей. Между концептом «мягкая сила» и

⁹⁴ Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008. P. 5-20. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://pbilgin.bilkent.edu.tr/Bilgin-Elis-IT-2008.pdf> (дата обращения: 03.02.2015).

⁹⁵ Purushothaman U. Shifting perceptions of power: soft power and India's foreign policy // Academia.edu. 2010. URL: https://www.academia.edu/1559443/Shifting_Perceptions_of_Power_Soft_Power_and_Indias_Foreign_Policy (дата обращения: 07.08.2014).

реализмом нет никакого противоречия. «Мягкая сила» не является формой идеализма или либерализма. Это просто одна из разновидностей силы – способ добиться желаемых результатов»⁹⁶.

Дж. Ная называют критиком теории реализма, однако он сам себя считает критично настроенным только по отношению к структурным реалистам, игнорирующим различные измерения международной политики, такие, как роль негосударственных акторов: корпораций, институтов, неправительственных организаций, транснациональных террористических сетей, многие из которых сами обладают «мягкой силой».

Несмотря на то, что Дж. Най стремится избегать каких бы то ни было типологий «мягкой силы», все же его теория близка к либеральной традиции, хотя иногда и отклоняется от нее. Близость эта определяется схожестью, с которой либерализм и теория Дж. Ная относятся к проблеме войны. Согласно либерализму, демократические государства более мирные по отношению к другим государствам из-за страха правителей не быть вновь избранными. Кроме того, международная торговля связывает государства вместе, а международные институты укрепляют сотрудничество между государствами и делают войну маловероятной. В теории «мягкой силы» также указывается, что демократии более склонны использовать «мягкую», а не «жесткую силу»; экономические ресурсы могут быть источником не только «жесткой», но и «мягкой силы»⁹⁷, а международные институты могут повысить «мягкую силу» страны благодаря продвижению ими идей, ценностей, политики страны. Таким образом, Дж. Най адаптирует некоторые позиции либеральной теории, в частности, неолиберального институционализма. Но в то же время, он не слишком сильно с ним связан: иногда он отходит от него в случаях, когда он встает на позиции политика, а не теоретика и защищает политику США, подчеркивая важность и пользу военной силы, например, при угрозе национальной безопасности.

Кроме критики, относящейся к противоречивым и дискуссионным моментам, найденным в теории «мягкой силы», существует и критика, основанная

---

⁹⁶ Nye J. Notes for a soft-power research agenda // *Power in World Politics*. – 2007. – P.170.

⁹⁷ Nye J. *The future of power*. N.Y.: Public Affairs, 2011. P. 85.

на разнице исследовательских позиций и предпочтений. Ученые, относящиеся к реалистической школе международных отношений, утверждают, что государства должны реагировать лишь на два вида стимулов: экономические и военные. Наиболее критический настрой по отношению к концепту «мягкой силы» имел Фергюсон⁹⁸. Он утверждал, что из-за того, что страны всегда пытаются скрыть свою силу в альтруизме, «мягкая сила» подобна бархатной перчатке, скрывающей железный кулак. Из-за того, что «мягкая сила» в реальности – просто ореол «жесткой силы», исследователь заключил, что концепт «мягкой силы» Дж. Най просто «слишком мягкий». В свою очередь, Дж. Най замечал, что «мягкая сила» не зависит от «жесткой силы»⁹⁹, ссылаясь на пример СССР – страны, которая обладала большим потенциалом «мягкой силы», но потеряла ее после вторжений в Венгрию и Чехословакию. Советская «мягкая сила» приходила в упадок, даже когда ее военные ресурсы продолжали расти. Из-за его жесткой политики «жесткая сила» СССР подорвала «мягкую силу». Най также указал на Норвегию, чья «мягкая сила» больше, чем военная и экономическая, из-за ее посредничества в конфликтах¹⁰⁰.

Для ученых-реалистов в целом характерно признание несостоятельности «мягкой силы» по сравнению с «жесткой силой». Потенциал «мягкой силы» сложно оценить: он не отражается ни в статистике, ни в денежном выражении. По их мнению, переоценка потенциала «мягкого влияния» может привести к пагубным последствиям. Например, сотрудник университета Реддинг (Англия) К.С. Грей, который занимается исследованием космических и ядерных стратегий, а также вопросами разоружения и вооружения, считает, что практика подтверждает несостоятельность концепта «мягкой силы». Возросшее уважение к универсальным гуманитарным ценностям значительно осложнило применение «жесткой силы» по сравнению с предыдущими периодами истории. Обосновать необходимость использования военных методов в настоящее время сложно,

---

⁹⁸ Ferguson N. An empire in denial: the limits of US imperialism // Harvard International Review. – 2003. – 25(3). – P. 64–70.

⁹⁹ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P. 9.

¹⁰⁰ McConnell D.L., Yasushi W. Introduction // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. xix.

однако это не означает, что «жесткая сила» осталась в прошлом. Часть конфликтов невозможно разрешить невоенными способами. Применение «жесткой силы» находится полностью под контролем правительства, а «мягкая сила» поддается лишь частичному контролю. Эффективность использования стратегий «мягкой силы» в конкретном регионе мира нельзя предсказать с абсолютной точностью, потому что значительный отпечаток оставляет локальный контекст – культура, ценности и привычки¹⁰¹.

Кроме того, отмечается, что «мягкая сила» состоятельна лишь в том случае, когда она поддерживается «жесткой силой»: «Сумела ли какая-нибудь страна убедить США следовать определенной политике или плану действий, используя «мягкую силу»? Нет»¹⁰².

Критика ученых-реалистов, а также задачи, стоящие перед политиками США, привели к тому, что теория Дж. Ная, развиваясь, становилась все более «реалистичной»: из многочисленных предостережений использования «жесткой силы», доказательств снижения значительности военных вмешательств и настоятельных рекомендаций использовать «мягкую силу», содержащихся в ранних работах, она выросла в «умную силу», то есть контекстный интеллект, диалектическое соединение и комбинирование «мягких» и «жестких» инструментов в зависимости от ситуации.

Поддерживая взгляды С. Льюкса (его теория «трех лиц» власти рассмотрена выше), исследователи П. Бильгин и Б. Элис предлагают изучить процесс, при котором потребности и желания различных акторов, понимание ими самих себя и «реальных интересов» формируются другими акторами или существующими структурами¹⁰³. Благодаря этому теория «мягкой силы» может эволюционировать в своем развитии. Они убеждены, что Дж. Най не заинтересован в исследовании

¹⁰¹ Gray C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // Strategic studies institute Monograph. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/PUB1059.pdf> (дата обращения: 02.02.2013).

¹⁰² Korea's soft power and East Asia. Verbatim report of the conference // The Brookings Institution. 2010. P.66. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения: 26.04.2014).

¹⁰³ Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008. P. 5–20. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://pbilgin.bilkent.edu.tr/Bilgin-Elis-IT-2008.pdf> (дата обращения: 03.02.2015).

источников притяжения США, так как он рассматривает способность США формировать желания других соответствующей (служащей) реальным интересам последних. Соответственно, он пропускает «основную часть мягкой силы», раннее, начальное формирование вкусов, коллективных образов и идеалов, которые составляют способ доминирования над другими странами¹⁰⁴. Учитывая расхождения исследователей по вопросу определения «реальных интересов», данная критика видится вполне предсказуемой.

Закономерными являются замечания исследователей, которые либо не разделяют неолиберальных воззрений, либо смотрят на «мягкую силу» как на технологию поддержания господства глобального уровня под руководством США. Так, например, С. Льюкс писал: «На смену рейганизму в США и тэтчеризму в Британии после падения коммунизма пришло необычайно широкое распространение неолиберальных концепций по всему миру. Если это особо масштабный пример «гегемонии», то для правильного понимания ее влияния нужно среди прочего найти соответствующий способ осмысления власти и, в частности, обращения к проблеме, удачно сформулированной Чарльзом Тилли: «Если обычное господство столь последовательно ущемляет вполне определенные интересы подчиненных групп, почему они на это соглашаются? Почему они все время не восстают или, по крайней мере, не оказывают постоянного сопротивления?»¹⁰⁵ Французский философ-неомарксист Л. Альтюссер, обращаясь к той же проблеме, отмечает: осуществление власти в капиталистических обществах может быть тонким, замаскированным и коварным. Продолжая линию Л. Альтюссера, некоторые аналитики утверждают, что формулировка «мягкой силы» Дж. Ная вовлекает его в доктрину Буша, потому что «мягкая сила» легитимизирует неолиберализм, свободный рынок и те ценности, на которых основывались военные действия в Ираке¹⁰⁶.

Российский ученый В.М. Капицын обращает внимание на коммуникативную, символическую сторону «мягкой силы». Он полагает, что

---

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 20–21.

¹⁰⁶ McConnell D.L., Yasushi W. Introduction // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. xxii.

влияние «внешней» «мягкой силы», распространяющей космополитические идеи, создает риски для гражданской идентичности: «Мягкая сила» визуализирует превосходство западных цивилизаций («центра» перед периферией и полупериферией), способствует расслоению обществ незападных стран («периферии»). В качестве параметров soft power ведущих мировых держав могут выступать состояние образования, традиции, культура, приучающая «думать и действовать глобально»¹⁰⁷.

Можно констатировать, что в научных и публицистических кругах сложился подход к «мягкой силе» как нормативной силе, генетически тесно связанной с США. Так, В.С. Мартьянов считает, что «гибкая сила» или «мягкая власть» призвана создать не только позитивный, привлекательный культурный образ страны, легитимирующий ее право на господство, но и, что гораздо важнее, – поддерживать определенную нормативную политику, которая содержит в себе значимый элемент долженствования¹⁰⁸.

М.В. Харкевич ставит «мягкую силу» в один ряд с такими нормативными концепциями, как «столкновение цивилизаций», «конец истории», «демократический мир». Производством большинства популярных нормативных концепций в области международных отношений занимается американское академическое сообщество. Принимая во внимание особую роль, которую данная страна играет в мировой политике после окончания холодной войны, представители незападных государств с осторожностью воспринимают исходящие от американцев концепции¹⁰⁹. Исследователь утверждает, что когда данные концепции выступают в качестве инструмента политического влияния, характер отношений становится иерархическим, а в том случае, когда они являются предметом политической дискуссии, которая уточняет содержание подобных концепций, характер отношений создается неиерархический.

---

¹⁰⁷ Капицын В.М. Символы национальной идентичности как ресурс «soft power» // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1 (14). – С. 117.

¹⁰⁸ Мартьянов В.С. Проблема легитимации прогрессора как условие политической гегемонии // Дискурс Пи. – 2014. – №1 (14). – С. 104.

¹⁰⁹ Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2 (35). – С. 23.

Автор теории «мягкой силы» Дж. Най в книге «Будущее власти» писал, что его концепт относится к описательным, а не нормативным¹¹⁰. Естественно, что уменьшение нормативности повышает объективность научной концепции, придает ей более научный характер. Тем не менее, анализ концепта позволяет найти в ней нормативные черты. Два из трех ресурсов «мягкой силы» непосредственно связаны с ценностным и моральным аспектами (это политические ценности и политика, которая должна быть легитимной, иметь моральный авторитет). Ключевым механизмом действия «мягкой силы», по мнению Дж. Най, является привлекательность. Он пишет, что привлекательность состоит из трех основных качеств:

1) доброта (то, как агент относится к остальным) ведет к симпатии, доверию, согласию (уступчивости);

2) великолепие или компетентность (как агент занимается делами) рождает восхищение, уважение и подражание;

3) красота или харизма (аспект отношения агента к ценностям, идеям, мечтам) – приводит к производству вдохновения и приверженности (верности).

Эти три группы важны для конвертации ресурсов в поведение силы. Без них ресурсы могут производить даже отвращение¹¹¹.

В пользу нормативности концепта говорит и вышеупомянутая критика наличия либерального содержания в теории «мягкой силы». Как отметил С. Льюкс, «власть – это одно из тех понятий, которые не могут не быть ценностно окрашены. Более того, как следствие, понятие власти представляет собой «спорное по своей сути понятие» – одно из тех понятий, которые предполагают бесконечные споры о его правильном употреблении со стороны тех, кто его использует. И конечно, участвовать в таких спорах уже значит участвовать в политике»¹¹². Понятие «мягкой власти» не является исключением.

Далеко не все исследователи критически оценивают концепт Дж. Най. У него немало сторонников. К ним относится профессор Уэслианского

---

¹¹⁰ Nye J. The future of power. N.Y.: Public Affairs, 2011. P. 81.

¹¹¹ Ibid. P. 92.

¹¹² Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 48.

университета США Дж. Галларотти. Он развивает космополитическую теорию власти, которая опирается на три ведущих парадигмы международных отношений: неолиберализм, реализм, конструктивизм. На этой базе он и оценивает ресурсы «мягкой силы».

По его мнению, существуют два источника «мягкой силы»: внутренний и внешний. Слагаемые первого – культура (социальная сплоченность, толерантность, высокое качество жизни, гражданские свободы, привлекательный образ жизни) и политические институты (либерализм, демократия, конституционализм, плюрализм, эффективно работающее правительство). Содержание второго источника: соблюдение союзнических обязательств и международных договоров, уважение международных норм, законов, институтов, либеральная внешнеэкономическая политика и поддержка многостороннего подхода при решении общих дел¹¹³.

Д.М. Галларотти считает, что использование «жесткой силы» увеличивает «мягкий» потенциал, только тогда, когда оно не противоречит либеральным политическим принципам, направлено на защиту государства от агрессии, освобождение от тирании, поддержание мира. «Жесткую силу», по мнению Д.М. Галларотти, надо оценивать особенно трезво, т.к. она может иметь гипнотическое очарование за счет своей материальности. Чрезмерную приверженность к стратегиям «жесткой силы» он объясняет удобством их применения, нежеланием серьезных когнитивных затрат, сложностью овладения новыми «мягкими» инструментами¹¹⁴.

Кроме того, любопытными представляются случаи положительной оценки концепта «мягкой силы» одновременно с попытками ее адаптации к условиям и традициям нелиберального общества (один из таких примеров рассмотрен в третьей главе).

Можно констатировать, что в литературе сложилось несколько позиций по отношению к теории Дж. Ная:

---

¹¹³ Gallarotti G.M. Soft Power: What is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used // Wesleyan University, WesScholar. 2011. URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57/> (дата обращения: 15.03.2013).

¹¹⁴ Ibid.

1. Принятие концепта и проведение на его основе анализа потенциала «мягкой силы» определенных государств.
2. Скорее, положительная оценка концепта, его многосторонний анализ, исследование с точки зрения различных подходов, попытки сделать его менее описательным и более академическим.
3. Скорее, положительная оценка концепта, сочетающаяся со стремлением сделать его менее американским по духу и, оставив базис теории и ее инструментальную часть, применять ее, ориентируясь на нужды и возможности конкретных государств.
4. Критика концепта «мягкой силы».

Важным и существенным является вопрос определения исследуемого понятия. Несмотря на многочисленные попытки Дж. Най разъяснить значение концепта «мягкой силы», консенсуса в научной среде по поводу определения термина не сложилось. Во всех своих работах Дж. Най подразумевает под «мягкой силой» нечто, отличное от «жесткой силы» (военной угрозы или экономического давления) и постоянно подчеркивает разделение сил. Это негативное определение «мягкой силы» (т.е. не «плохое», а определенное через противопоставление).

Естественно, Дж. Най пытался определить «мягкую силу» в более позитивном ключе, описывая характеристики «мягкой силы», ее источники, спектр власти (от принудительной до кооптивной) и, наконец, соединил «жесткую» и «мягкую силу» в стратегическую комбинацию, назвав ее «умной силой», однако, и она, по сути, демонстрирует то, что «жесткая» и «мягкая силы» имеют различную природу. Кроме того, исследователь, скорее, дает множество примеров, форм выражения «мягкой силы», вместо создания более реального определения. Как было доказано выше, идеи существования нематериальной формы силы, противопоставления военного, экономического господства и идеологической власти не являются новыми.

Даже более конкретная формулировка «мягкой силы» как «способности достигать того, чего хочешь, посредством притяжения, а не принуждения или

платежей»¹¹⁵, не является полной, так как таким образом ограничиваются «лица власти», а «мягкая сила» определяется как исключительно пассивный потенциал, что дает повод для критики. Например, российский исследователь «мягкой силы» П.Б. Паршин полагает, что в понимании Дж. Ная «мягкая сила» – «это не способ применения силы, а ее вектор... «Мягкая сила» не применяется, ... ею можно обладать как неким ресурсом. Обладание «мягкой силой» – это состояние, открывающее перед обладателем возможность разнообразных действий, но само оно ни действием, ни деятельностью не являющееся»¹¹⁶. Однако анализ всех изданных работ Дж. Ная, посвященных данной проблематике, показывает, что его «мягкая сила» не сводится к идее привлечения.

Для того, чтобы не упустить ни одно проявление «мягкой силы», будем понимать ее широко.

Soft power – это способ осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной среды для политических действий и включающий в себя три измерения: 1) привлечение, ведущее к согласию или подражанию; 2) способность устанавливать легитимную повестку дня, а также набор выгодных правил и институтов; 3) формирование предпочтений населения.

Все эти три позиции так или иначе имеют своей целью формирование благоприятных условий для успешной деятельности государства, достижения целей, причем цели могут быть различные:

- политические цели: внешняя безопасность (мирные отношения с соседскими государствами), мобилизация поддержки других стран по различным вопросам, формирование коалиций и другие цели вплоть до создания условий для проведения цветных революций; «мягкая сила» может быть вспомогательным инструментом в отношении «жесткой силы»: более эффективное использование последней требует предварительного подкрепления «мягкими» инструментами для формирования международного консенсуса по проблеме, создания благоприятной среды;

¹¹⁵ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P. X.

¹¹⁶ Паршин П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 15.

- экономические цели (расширение рынков экспорта товаров, получение доступа к ресурсам, привлечение инвесторов, высококвалифицированных специалистов, туристов и прочие);

- в том случае, если в конкретном государстве сложилась практика, подразумевающая возможность использования политики «мягкой силы» не только на международном уровне, но и внутри государства, то целями могут быть увеличение поддержки правительства и лидера, поддержание единства.

Определяя назначение «мягкой силы» как формирование благоприятной окружающей среды, а не достижение необходимого результата, мы снимаем целый ряд обвинений и критики в адрес концепта. На практике чрезвычайно сложно оценить, был ли конкретный результат вызван действием «мягкой силы» или нет. Особенно проблематично это сделать, когда нет жесткого противостояния двух различных идеологий, например, коммунистической и капиталистической. Или же, например, разочарованность от того, что привлекательность культуры (одного из основных ресурсов «мягкой силы», по мнению Дж. Ная) не является достаточным фактором для достижения результатов, что естественно, так как в сфере политики удобнее иметь дело с возможностью прямого влияния на объект, а не косвенного. Посредством культуры могут быть ослаблены напряженность в отношениях, непонимание и страхи, переданы ценности и идеи, подготовлена почва для диалога.

Характеризовать «мягкую силу» будут следующие положения:

- 1) долгосрочность; для эффективного использования «мягкой силы» необходимыми условиями являются преемственность политики и стратегическое мышление; долгосрочность наряду с косвенным характером создают неудобства для применения «мягких» стратегий на практике. Формирование предпочтений, а также международных правил и институтов – достаточно долгий процесс. То же можно сказать и о наращивании потенциала для достижения привлекательных характеристик в глазах зарубежной аудитории;

- 2) частичная неподконтрольность правительству; часть «мягкого» потенциала страны образуют НПО, бизнес-структуры. Даже в случае стремления

сделать «мягкую силу» исключительно государственным инструментом, часть ее измерений будет формироваться стихийно;

3) ресурсы «мягкой силы», по мнению Дж. Ная, являются нематериальными по своей природе, однако, не стоит забывать, что для них нужна серьезная материальная база (инфраструктура, языковые центры, музейные фонды и так далее, а также достаточная степень технологического развития).

Предполагаемыми условиями наличия «мягкой силы» у государства являются последовательность действий, непротиворечивость декларируемого и того, что есть на практике; привлекательность в глазах целевой аудитории; наличие значительной ресурсной базы, легитимность проводимой политики, лидерство в международных институтах. Кроме того, сюда же можно отнести эффективную модель развития (достойную того, чтобы ее хотелось перенять) и некоторые другие пункты (как правило, они с избытком представлены в исследованиях и рейтингах, подходящих к «мягкой силе» с измерительно-инструментальной точки зрения).

Если «жесткая сила» (военная и экономическая) государств может различаться по своему масштабу, потенциал «мягкой силы» может быть различен. Страна может обладать всеми тремя компонентами «мягкой силы» (привлечение, способность устанавливать повестку дня, лидерство в международных институтах, способность формировать предпочтения) или же только некоторыми, и то не в полной мере. Таким образом, *потенциал «мягкой власти» может меняться от локального до глобального масштабов*. В локальном масштабе достаточно обладания некоторыми характеристиками привлекательности (т.е. одномерная «мягкая сила»). Так, М.А. Фадеичева, создав новую типологию государств, выделила государства-праздники (например, Республика Сейшельские Острова) и государства-будни: «государство-праздник практически не имеет средств для применения жесткой силы»¹¹⁷, хотя и обладает «мягкой».

Для завоевания глобального политического ландшафта необходима «мягкая сила» глобального масштаба, подразумевающая наличие всех трех компонентов

---

¹¹⁷ Фадеичева М.А. Государство-праздник и государство-будни: к вопросу о возможности еще одной типологии современных государств // Дискурс-Пи. – 2014. – №1 (14). – С. 92.

«мягкой силы» и огромного ресурсного потенциала для ее поддержания и применения, а также соответствующего уровня развития «жесткой силы» («страна, которая испытывает военный и экономический упадок, скорее всего, потеряет способность формировать международную повестку дня, а также ее привлекательность, ... некоторые страны могут быть привлечены к другим «жесткой властью»¹¹⁸).

Российский дипломат К.К. Косачев, занимающийся вопросами практического применения российской «мягкой силы» в рамках Россотрудничества, считает: «мягкая сила» не всегда связана с размерами страны, экономической или военной мощью, идеологией. Можно, например, быть лидером по средней продолжительности жизни своих граждан, по уровню заработной платы и пенсий, по рейтингам ведения бизнеса, по надежности национальной валюты, по экологическим стандартам, по уровню и доступности образования ... и многим другим параметрам, которые составляют авторитет и репутацию страны в глазах других народов. И здесь малые очень часто выигрывают у больших по многим показателям»¹¹⁹. Без сомнения, принцип «быть, а не казаться», последовательность политики и хорошая репутация – важные атрибуты «мягкой силы», однако при этом подходе исключаются другие компоненты «мягкой силы». Все вышеперечисленные положения могут генерировать «мягкую силу» локального или среднего уровня, но не глобального.

Критическим для «мягкой силы» является проблема ситуативности ее применения. Культура и политические ценности не всегда являются источником «мягкой силы». Они могут быть причиной обид, неприязни, конфликтов. Кроме того, агрессивная культурная политика страны может привести к страху перед культурной гегемонией, культурным империализмом. Содержание сообщений и действий, предпринимаемых в попытке увеличить «мягкую силу», не всегда нужным нам образом интерпретируются представителями других обществ. Для некоторых аудиторий «мягкая сила» может оказаться абсолютно недейственной.

---

¹¹⁸ Nye J. The paradox of American power. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 240 p.

¹¹⁹ Косачев К.И. «Мягкая сила» России: теория и реальность // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – Т. 9. – С. 7.

Данный инструмент нацелен, скорее, на «колеблющихся», он не работает при антагонистических отношениях.

Дж. Най в одной из своих книг¹²⁰ представил спектр силы, на одном конце которого находится «жесткая сила» принуждения, а на другом – «мягкая сила» притяжения. Конечно, ему пришлось признать, что иногда «жесткая сила» вызывает притяжение, однако он не внес коррективы в спектр силы. Учитывая этот факт, следует и к области военной власти, и к области экономической власти применять идею спектра (от принуждения до притяжения). Так, в области экономических отношений существует возможность налагать санкции и продавливать сделки. В то же время страны с высокими показателями ВВП, процветающей экономикой являются очень привлекательными, а, следовательно, обладают и определенным количеством «мягкой силы». Можно также установить различие между «жесткими» и «мягкими» аспектами военной власти. Обычно она причисляется исключительно к «жесткой силе», однако традиционные военные инструменты могут создавать и «мягкую силу» (например, военная дипломатия и военное сотрудничество). Кроме того, в некоторых культурах военная сила сама по себе является ценной, и страна с сильной армией считается заслуживающей уважения в этих сообществах, а поэтому генерирует «мягкую силу». Хотя такое положение вещей не является распространенным, оно до сих пор возможно.

Так как и «мягкие», и «жесткие» типы власти могут вызывать привлекательность, страх и отторжение, то чрезвычайно важным является то, какую реакцию они вызовут у конкретной целевой аудитории. Именно поэтому, по нашему мнению, Дж. Най настаивает на универсальности ценностей и идеалов, запакетованных в различные оболочки. Универсальность продвигаемых ценностей и идеологии позволяют США охватывать максимальный масштаб территорий мира и оставаться обладателем наибольшей совокупной силы.

Может ли недемократическое государство обладать «мягкой силой» и продвигать иные ценности? Может, но только для определенной целевой аудитории. Проблема в том, что множество современных государств, обладающих

---

¹²⁰ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P. 8.

значительным влиянием, придерживаются либерально-демократической идеологии либо согласны с существующим статус-кво, либо им не остается ничего другого. Именно поэтому во многих рейтингах «мягкой силы» отображено, что страна, демократические институты которой не обладают достаточной степенью развития, имеет низкие оценки.

При анализе литературы, посвященной вопросам «мягкой силы», отмечаются некая путаница и отсутствие согласия насчет природы и определения данного явления. Этого можно избежать, если придерживаться положения о двойственном характере «мягкой силы»: она одновременно является результатом взаимодействий (фиксируемое привлечение, лидерство в международных институтах, желательным образом сформированные предпочтения) и процессом, деятельностью, направленной на достижение таких результатов (именно здесь рассматриваются различные инструменты и технологии «мягкой силы»): использование общественной дипломатии, продвижение нормативной силы, установление повестки дня, усилия по созданию привлекательного имиджа и другие.

Общественная дипломатия определяется как «контакты страны и коммуникация с иностранной общественностью. Она может принимать формы диалога, монолога или сотрудничества. Она состоит из трех компонентов: управление новостями, стратегическая коммуникация и построение отношений»¹²¹. Считается, что она имеет дело с воздействием общественных установок на проведение внешней политики, и потому рассматривается как один из ключевых инструментов «мягкой силы».

Общественная дипломатия как инструмент «мягкой силы» «включает в себя следующие позиции: культурная дипломатия (обмены в области культуры, науки и искусства, образовательные программы, языковые курсы, спортивные события), дипломатия помощи (в том числе, кризисная дипломатия; помощь может быть гуманитарной, медицинской, образовательной, экономической, технологической,

---

¹²¹ Wang J. Introduction: China's search on soft power // Soft power in China: public diplomacy through communication. – N.Y.: Palgrave Macmillan. – 2011. – P. 3.

а также в виде передачи опыта); медиа-дипломатия, кибердипломатия»¹²². Образовательные программы в рамках стратегии «мягкой силы» могут быть направлены на две целевые аудитории: 1) обучение элит или будущих лидеров других стран; 2) обучение лиц, не принадлежащих к элите, которые после завершения учебного процесса благоприятно оценивают страну обучения, перенимают методы, подходы, философию, академическую культуру, свойственные научной и образовательной системе страны пребывания, сохраняют профессиональные и дружеские связи с жителями страны обучения. Большое значение в плане поддержания «мягкой силы» государства имеет также работа с соотечественниками, проживающими за рубежом.

Важно, что *привлечение* может быть вызвано, с одной стороны, благоприятными социально-экономическими и политическими условиями жизни в государстве, а с другой – успешным формированием имиджа и действием коммуникативных технологий. Как верно отметила Е.П. Панова, существуют краткосрочные и долгосрочные инструменты «мягкой власти». В краткосрочном периоде наибольшую эффективность демонстрируют СМИ, новые и традиционные социальные медиа. В долгосрочном периоде большую важность приобретает не риторика, а практика: социальные и экономические достижения, привлекательность модели развития страны, высокий уровень жизни, развитие наук¹²³. Кроме того, в долгосрочном периоде не следует забывать о построении длительных и прочных отношений в рамках общественной дипломатии, создающих благоприятную среду для правительственной политики.

Учитывая три измерения «мягкой силы», можно установить связь между данным концептом и смежными понятиями. Так, с пассивным привлечением и формированием предпочтений связаны понятия: образ, имидж, бренд и репутация (см., например, работы С. Анхольта¹²⁴), а также символическая власть, обольщение, соблазн (то есть как сложившееся положение вещей, так и усилия,

¹²² Ковба Д.М. Концепт smart power как теоретическое основание политической стратегии // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 29.

¹²³ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2012.

¹²⁴ Anholt S. Competitive identity. The new brand management for nations, cities and regions. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 134 p.

направленные на его достижение); установление легитимной повестки дня, а также выгодных правил и институтов тесно связано со структурной и институциональной властями.

По мнению П.Б. Паршина, «наевская «мягкая сила» – ближайшая родственница странового брендинга»¹²⁵. Прежде всего их связь, по мнению автора, видна в вопросах соотношения действительности и отражения ее в символических формах. Если в коммерческой сфере тезис о том, что чем лучше реклама невыгодного товара, тем сокрушительнее будет его конечный провал на рынке, давно уже не требует доказательств, то в политике и идеологии это еще не стало очевидной истиной. С. Анхольт, консультировавший государственных пиарщиков десятков различных стран, не раз писал, что ему приходится объяснять сетующим на плохой имидж своих стран, что причина этого чаще всего в том, что что-то неладно в самих этих странах. Еще одно релевантное для дискуссий положение локусного брендинга заключается в том, что бренд страны меняется очень и очень медленно, на это требуется как минимум порядка двадцати лет¹²⁶.

Можно отметить, что понятие «мягкой силы» встречается не только в статьях, посвященных потенциалу государств, – его можно встретить и в источниках, принадлежащих другой тематике; идея «мягко-жесткой» дихотомии становится почти универсальной. Сам Дж. Най посвятил одну из работ связи «мягкой силы» и лидерства. Он уверен, что «харизма – это форма «мягкой силы». По мнению автора, термин «транзакционный стиль» (transactional style) характеризует действия лидеров, опирающихся на «жесткую силу» и термин «вдохновляющий стиль» (inspirational style), чтобы охарактеризовать руководство, которое в большей степени опирается на «мягкую силу». Секрет успеха заключается в умении руководителей объединить «жесткие» и «мягкие силы» в

---

¹²⁵ Паршин П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 27.

¹²⁶ Там же. С. 29.

соответствующих контекстах»¹²⁷ (т.е. Дж. Най здесь продолжает свою идею «умной силы»). Навыки, которые важны для «мягкой силы», – это видение (способность сформировать вдохновляющую картину будущего), эмоциональный интеллект (самообладание, дисциплина, способность к эмпатии; от него зависит харизма или личный магнетизм) и связь (способность эффективно общаться при помощи слов, символов и личного примера). Кроме того, исследуется «мягкая сила» женских движений, бизнесменов, коммерческих организаций. В таких статьях «мягкая сила» чаще всего понимается как привлекательная сила, противоположная «жесткой» командной и принуждающей силе.

Таким образом, в результате исследования концепта «мягкая сила» была определена как способ осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной окружающей среды и включающий в себя три измерения; выделены основные цели применения технологий «мягкой силы», а также ее характеристики: долгосрочность, частичная неподконтрольность правительству, двойственный характер (как результат воздействия и процесс), необходимость серьезной материальной базы для нематериального влияния, а также крайняя необходимость учета целевой аудитории, так как в различных культурах разные измерения «жесткой» и «мягкой» сил могут вызывать одновременно привлечение и отторжение. Предложено ранжировать масштаб «мягкой силы» от локального до глобального, причем для обладания «мягкой силой» глобального масштаба необходимы все три ее измерения (привлечение, способность установления легитимной повестки дня, правил и институтов, формирование предпочтений), а также соответствующий потенциал «жесткой силы».

---

¹²⁷ Nye J. Soft power, hard power and leadership // Harvard Kennedy School. 2006. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.hks.harvard.edu/netgov/files/talks/docs/11_06_06_seminar_Nye_HP_SP_Leadership.pdf (дата обращения: 28.11.2014).

1.3. Структурный, процессно-ориентированный и измерительный подходы в исследованиях «мягкой силы»

Исследователи, обращающие внимание на отдельные компоненты, из которых складывается целостная система «мягкой силы», придерживаются структурного подхода. Он заключается в выделении и анализе основных агентов, ресурсов, институтов и других составляющих.

Государство признается ключевым игроком, обладающим «мягкой силой», но отнюдь не единственным. Дж. Най писал, что «мягкой силой» обладают не только государства, но и корпорации, НПО (неправительственные организации) и даже транснациональные террористические сети и знаменитости¹²⁸. Некоторые авторы, например, бывший директор департамента общественной дипломатии Японии С. Кондо¹²⁹, полагают, что государство – это не прямой игрок, а агент, ответственный за культивирование ресурсов «мягкой силы».

И. Радиков и Я Лексютина считают, что носителями «мягкой силы» могут быть известные бренды, достижения в науке, технике, искусстве и даже мода. Инструменты «мягкой силы», по их мнению, включают в себя коммуникацию, в том числе, информационные технологии и особенно Интернет, НПО, дипломатические представительства, культурные, научные и образовательные центры, крупномасштабные мероприятия, такие как Олимпийские игры, ЭКПО¹³⁰.

Значительное число работ посвящено или частично затрагивает проблему роли НПО и межправительственных организаций при генерировании «мягкой

---

¹²⁸ Nye J. The future of power. N.Y.: Public Affairs, 2011. P. 83.

¹²⁹ Kondo S. Wielding soft power. Key stages of transmission and reception // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 191.

¹³⁰ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №2 – С. 19–26.

силы». Исследователь И. Кацуджи¹³¹ пишет, что если государства в дополнение к «мягкой силе», обладают военной силой, то НПО, как правило, ею не обладают. Когда НПО становятся транснациональными, их деятельность все меньше и меньше ассоциируется с конкретными государствами. Он акцентирует внимание на, так называемых, ОГО (организациях гражданского общества). В ОГО входят НПО, профсоюзы, организации потребителей, глобальные кампании (например, глобальная кампания по ликвидации нищеты), объединения инициативных людей (например, LOHAS – «Здоровый образ жизни и устойчивое развитие»).

Агенты «мягкой силой», с одной стороны, могут сами генерировать привлекательность, формировать повестку дня и влиять на формирование предпочтений, а с другой, их «мягкая сила» может вносить вклад в общий потенциал силы определенного государства (в том случае, если этот агент ассоциируется с данным государством и его интересы и идеи не вступают в конфликт с интересами государства). Инициативы некоторых НПО и вызванный ими общественный резонанс могут повысить или понизить «мягкую силу» государства.

В рамках данного подхода принято выделять не только структурные компоненты «мягкой силы», а также отдельные виды «мягкой силы». Так, О.Ф. Русакова пишет, что, согласно одной из классификаций, номенклатура «мягкой силы» включает в себя следующие элементы: экономическая «мягкая сила» (показатели экономической привлекательности, включая инвестиционную), гуманитарная «мягкая сила» (привлекательность системы общего и университетского образования, научной и технологической деятельности), культурная «мягкая сила» (международное признание культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры и другие показатели), политическая «мягкая сила» (уровень развития институтов политической демократии и защита прав человека), дипломатическая «мягкая сила» (репутация

---

¹³¹ Katsuji I. Soft Power of NGOs // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 262

страны, способность к предотвращению агрессии, установлению глобальной повестки дня)¹³².

Сталкиваясь с проблемой операционализации концепта, некоторые исследователи переходят от исследования компонентов «мягкой силы» к вопросу функционирования компонентов «мягкой силы», то есть к *процессно-ориентированному подходу*. Так, С.К. Песцов и А.М. Бобыло предлагают выделить следующие элементы цепочки:

1) ресурсы «мягкой силы» (например, «национальное достояние», в значительной мере не зависящее от текущих политик и действий государства, а также поведение и действия государства внутри и за пределами его национальных границ);

2) механизм конвертации «мягкой силы», составными частями которого являются «технические средства» (финансы, инфраструктура, каналы коммуникации) и «технологии» – согласованные наборы операций и действий, предназначенные для решения конкретных задач и достижения соответствующих целей (публичная дипломатия, культурные связи и национальный брендинг). Включение в механизм конвертации некоторых элементов, например, финансов, вызывает споры, однако ясно, что существует зависимость между, например, популярностью массовой культуры и величиной затрат и/или маркетинговых усилий, направленных на ее продвижение;

3) активы («валюта силы») – доброта, яркость, красота;

4) инструменты – все, посредством чего и с помощью чего может быть приобретена привлекательность (образ государства, имидж, бренд, присутствие);

5) промежуточные эффекты, основными индикаторами которых выступают «репутация» и «осведомленность»;

6) механизм селекции как совокупность рациональных и эмоциональных процедур и инструментов отбора внешних воздействий (внимание – интерес – благожелательное отношение – симпатия – восхищение);

---

¹³² Русакова О.Ф. Мягкая сила стран Азии // Дискурс Пи. – 2013. – № 11 – 12. – С. 34.

7) конечный результат – внешняя активность реципиента (степень соответствия поведения реципиента представлениям и варианту выбора стратегии государства-субъекта) – однако и здесь, отмечают авторы, не становится ясно, как мнения разных лиц трансформируются в действия государства, как отделить результаты влияния «жесткой» и «мягкой» сил¹³³.

Процессно-ориентированный подход был также предложен У. Виасом, который разработал детальную теорию и протестировал ее в контексте китайско-японских отношений¹³⁴. Он описал некоторые механизмы, с помощью которых оказывается влияние различными агентами на различных уровнях (государственных, муниципальных, коммерческих, уровне частных лиц) с акцентом на передаче идей и информации. Государственные агенты – это различные министерства, ведомства и прочие акторы, которые являются частью государства, контролируются им и подотчетны ему. Субгосударственные агенты: муниципалитеты, городские и региональные правительства, контролируемые государством (в федерациях), провинции и префектуры – контролируют, по крайней мере, некоторые из их фондов или собирают доход на своих территориях; они прямо отчитываются перед населением. Негосударственные агенты независимы в вопросах управления и принятия решений от государственных и субгосударственных агентов; это либо НПО, либо коммерческие организации; однако, и на НПО, и на коммерческие структуры может влиять государство. Все эти агенты образуют сеть связей, которая в результате определенного набора действий приводит к структурным изменениям в принимающей стране. К сожалению, идея «мягкой силы» исчезает в этом «сетевом» подходе. Термин «мягкая сила» используется У. Виасом, чтобы описать общую цель процесса переноса.

Если структурный подход предполагает выделение методологически обоснованного набора параметров, определяющих «мягкую силу», то в рамках

---

¹³³ Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 2 (34). – С. 111.

¹³⁴ Vyas U. Soft power in Japan-China relations: state, sub-state and non-state relations. Routledge, 2011. P. 6.

измерительного подхода данные параметры приобретают количественные показатели и подкрепляются качественной экспертной оценкой.

В работах Дж. Ная отсутствует методология измерения «мягкой силы» – лишь выделены признаки, которые помогают определять наличие у государства «мягкой силы». К ним относятся хорошая экология, большая продолжительность жизни, число нобелевских лауреатов, гуманитарная помощь нуждающимся государствам и другие. По мнению Дж. Ная, потенциал «мягкой силы» следует оценивать по результату: привлекательный образ государства в глазах международного сообщества, легитимная политика, ценности, поддерживаемые населением других стран¹³⁵.

Изначально именно по такому пути шли исследователи, измеряющие потенциал «мягкой силы»: они анализировали итоги проведенных масштабных социальных опросов. Подобный опыт регионального исследования индекса «мягкой силы» отражен в работе «Мягкая сила в Азии» (*Чикагский совет*, 2008 г.). Авторы оценили «мягкую силу» в пяти областях: дипломатической, культурной, политической, экономической и в сфере человеческого капитала¹³⁶. Усреднение показателей данных категорий позволило получить общий индекс «мягкой силы». По нашему мнению, ценность данного исследования не столько в объеме проделанной работы, сколько в том, что проведен глубокий анализ обоюдного восприятия государств: США – Япония, США – Китай, Япония – Южная Корея, Китай – Япония. Подобная методика важна потому, что оценка «мягкой силы» страны отличается от государства к государству.

В 2010 г. опубликовано совместное исследование журнала «Монокль» и британской независимой организации The Institute for Government «Новые средства убеждения»¹³⁷. Его авторы предприняли первую масштабную попытку

¹³⁵ Nye, J.S. Soft power: the means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.

¹³⁶ Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion // The Chicago Council. 2009. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Soft%20Power%202008_full%20report.pdf (дата обращения: 24.04.2014).

¹³⁷ The new persuaders: an international ranking of soft power // Institute for government. 2010. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 10.05.2014).

создания рейтинга «мягкой силы» государств мира с использованием объективных и субъективных показателей. По их мнению, «мягкая сила» как нематериальное и реляционное понятие, плохо поддается количественной оценке¹³⁸. Тем не менее, вслед за Дж. Наем, выделившим три компонента «мягкой силы» (культура, внешняя политика и политические ценности), авторы исследования, ориентируясь на эти компоненты, выделяют пять категорий:

- 1) культура (ее сильные стороны, степень распространенности культурной продукции страны на международной арене);
- 2) правительство (притягательная модель управления государством);
- 3) дипломатия (образ нации и степень развития дипломатической инфраструктуры);
- 4) образование (Дж. Най включает образование в «культурную» категорию ресурсов, однако, по мнению создателей исследования, степень воздействия высшей школы на «мягкую силу» оправдывает выделение ее в отдельную категорию);
- 5) бизнес/инновации (данная категория не связана с экономической мощью напрямую: она учитывает привлекательность экономики государства с точки зрения открытости, способности к регулированию и инновациям)¹³⁹.

Авторы исследования «Новые средства убеждения» взяли данные для показателей индекса «мягкой силы» из отчетов различных национальных или международных организаций: у Института статистики UNESCO, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Transparency International и других.

Нельзя сбрасывать со счетов субъективную сторону «мягкой силы», и данный индекс принимает ее во внимание. Были разработаны 6 субъективных показателей, дополняющих количественные данные. Редакторы журнала «Монокль» собрали группу экспертов для оценки стран по следующим критериям: репутация посольств и дипломатов, привлекательность икон «мягкой

---

¹³⁸ Ibid. P. 1.

¹³⁹ The new persuaders: an international ranking of soft power // Institute for government. 2010. P.4. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 10.05.2014).

силы», качество национальных авиакомпаний, культурные продукты, кухня, международное политическое лидерство. Количественные данные составляют 70% индекса, остальные 30% включают субъективные элементы¹⁴⁰.

Ожидается, что верхние строчки заняли доминирующие мировые державы. В данном и последующих исследованиях «The New Persuaders» первые четыре места, но в разных порядках, занимают одни и те же страны: США, Великобритания, Франция, Германия. Опасность авторы исследования видят в том, что у этих стран может возникнуть желание сократить расходы на «мягкую силу» (а ее легче потерять, чем приобрести), в то время как развивающиеся страны будут активно заполнять вакуум «мягкой силы»¹⁴¹.

Индекс «мягкой силы» следующего года – The New Persuaders II. A Global Ranking of Soft Power¹⁴² – затронули некоторые изменения: расширено количество исследованных стран; увеличено количество объективных, статистических показателей с 23 до 43. Учитывая субъективные показатели, всего получилось 50 показателей, которые влияют на конечный результат. Были добавлены метрики смертной казни, насильственных преступлений, неравенства доходов, размера теневой экономики и некоторые другие. В следующем исследовании (The New Persuaders III. A Global Ranking of Soft Power 2012¹⁴³) произошло расширение числа исследуемых стран с 30 до 40. Изменения в субкатегориях «мягкой силы» по сравнению с прошлым годом не велики.

Отечественные ученые (Московский институт исследования быстро развивающихся рынков «Сколково» вместе с британской компанией «Ernst &

---

¹⁴⁰ Ibid. P. 5.

¹⁴¹ Ковба Д.М. Концепт smart power как теоретическое основание политической стратегии // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 55.

¹⁴² The New Persuaders II: A 2011 Global Ranking of Soft Power // Institute for government. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20PersuadersII_0.pdf (дата обращения: 11.05.2014).

¹⁴³ The New Persuaders III: A 2012 Global Ranking of Soft Power // Institute for government. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (дата обращения: 11.05.2014).

Young») разработали похожую методику расчета индекса «мягкой силы»¹⁴⁴. Они учли следующие направления: глобальная интеграция, глобальный имидж и глобальная честность (моральный кодекс страны). Каждое направление включает в себя ряд субнаправлений. Например, слагаемыми «глобальной честности» являются индекс свободы, верховенство права, выбросы углекислого газа и явка избирателей. Наибольшее внимание уделено государствам с быстро развивающимися рынками (Китай, Россия, Бразилия и Индия). Кроме того, создан и проанализирован рейтинг стран большой семерки за период с 2005 по 2010 год. Следует отметить, что с течением времени изменяются цифровые значения индекса, но неизменными остаются лидеры рейтинга. Первое место занимают США, далее – Франция, Германия и Великобритания¹⁴⁵.

В представленных выше исследованиях рейтинга «мягкой силы», сделанных различными организациями, позиции исследованных стран не одинаковы. Это следствие того, что методология измерения индекса «мягкой силы» не является единой, а до сих пор находится в стадии разработки. Оценки могут быть достаточно объективны или нет, что зависит от степени ангажированности позиции исследователя. Критерии, выбранные автором рейтинга, напрямую влияют на строку, занимаемую страной. Каждый исследователь является носителем определенной культуры, формирующей его ценности и убеждения – это тоже определяет выбор критериев. Например, в исследованиях, проведенных организацией The Institute for Government совместно журналом «Монокль», «политическая» категория «мягкой силы» отражает западные идеалы демократии и свободы. По этой причине неизменно низкие оценки в данной категории получают недемократические государства.

С нашей точки зрения, те измерения «мягкой силы», в которых оценено двустороннее восприятие стран, являются более точными, потому что оценка «мягкой силы» страны различается от региона к региону. Выбирая критерии для оценки «мягкой силы» страны, нужно учитывать, что мы имеем дело с областью

---

¹⁴⁴ Rapid-growth markets soft power index // Moscow School of Management Skolkovo. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. 2012. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (дата обращения: 03.05.2014).

¹⁴⁵ Ibid. P. 14.

политики, а не с выбором страны в качестве туристического объекта. По этой причине необходимо осторожно производить отбор критериев, оценивать, насколько, например, выпуск музыкальных пластинок или выбросы углекислого газа влияют на «мягкую силу». Кроме того, мы полагаем, что не стоит полагаться лишь на статистические показатели – это может привести к неудовлетворительному результату, и картина будет неполная. Статистику следует дополнять результатами опроса общественного мнения¹⁴⁶.

Результаты, полученные в ходе анализа концепта «мягкой силы», а также материалов исследований, подходящих к концепту с точки зрения рассмотренных выше подходов, позволяют составить универсальную структуру исследования «мягкой силы» государств. Она будет включать в себя:

1. Историю изучения «мягкой силы»;
2. Особенности академического дискурса «мягкой силы» исследователей данного государства или внешних, крупные национальные научные центры, занимающиеся изучением данной проблематики;
3. Учитывая описанный двойственный характер «мягкой силы», целесообразно изучение «мягкой силы» со следующих позиций:
  - 3.1. Как результата взаимодействий (пассивный потенциал, то есть исследование источников привлекательности, вес государства в международных организациях, степень распространённости и поддержки его идей, идеологии).
  - 3.2. Как деятельности (используемые инструменты и технологии; отражение стратегии «мягкой силы» в официальных документах; цели политики «мягкой силы»; основные акторы «мягкой силы»).
4. Ограничения и преграды на пути распространения «мягкой силы».
5. Выводы по общему потенциалу «мягкой силы», а также изучение восприятия страны в отдельных странах или регионах (то есть учет ситуативности «мягкой силы», важности целевой аудитории).

---

¹⁴⁶ Ковба Д.М. Концепт smart power как теоретическое основание политической стратегии // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 56.

Таким образом, выделение подходов к изучению концепта «мягкой силы» способствует решению научной проблемы, заключающейся в неопределенности, несистематизированности и категориально-смысловой размытости исследуемого предмета. В рамках структурного подхода происходит выделение методологически обоснованного набора параметров, определяющих «мягкую силу», акцент делается на агентах, ресурсах, институтах «мягкой силы» и связи между ними. Процессно-ориентированный подход позволяет проследить динамические отношения, передачу идей и ценностей в рамках сети агентов «мягкой силы». В достаточно большом массиве работ за основу взят измерительный подход к «мягкой силе», учитывающий количественные показатели в совокупности с экспертной оценкой и ситуативно – с результатами опроса общественного мнения. Результатом этого подхода являются рейтинги «мягкой силы», причем положение государств в них напрямую зависит от выбранных критериев и исследовательской позиции. В следующем параграфе будет подробно рассмотрен выделенный нами технологический подход. В результате систематизации данного инструментария был получен алгоритм исследования «мягкой силы» государства.

1.4. «Мягкая сила» как современная властная технология

Концепт «мягкой силы» создавался не только для переубеждения мировой общественности в скором упадке США, но и как технология, с помощью которой можно изменить такое состояние к лучшему. Одна из книг Дж. Ная так и называется «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике»¹⁴⁷. Именно эта практическая сторона и привлекла не только ученых, но и политических деятелей к данному концепту.

В результате анализа массива материалов, затрагивающих проблему технологического понимания «мягкой силы», были выделены следующие направления:

- «мягкая сила» как притягательная сила, имеющая пассивную природу, которую, однако, необходимо возвращать;
- «мягкая сила», рассматриваемая как гуманитарно-культурное воздействие;
- «мягкая сила», понимаемая как психолого-идеологическое воздействие.

Данные измерения встречаются либо по отдельности, либо вместе, либо в различных комбинациях друг с другом.

Связывание «мягкой силы» с пассивной привлекательностью ведет за собой анализ условий и разработку мер, необходимых для обладания такой привлекательностью. Эти меры могут иметь долгосрочный или краткосрочный характер. Выше было сказано, что привлечение часто связано с объективными условиями жизни в стране. Для улучшения социально-экономических показателей, проведения политических реформ, развития научной и культурной отраслей требуются годы и преемственность политики. Формирование репутации

---

¹⁴⁷ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. 191 p.

также проходит не в одночасье. Важным является соблюдение на практике провозглашенной политики и ее последовательность. Если одной стороной медали являются реальные социально-экономические и прочие показатели, то другой стороной становится донесение до мировой общественности информации об успехах, а также создание привлекательной «обертки». Поэтому в данном случае полезными оказываются все методы и технологии, используемые при формировании имиджа, создания бренда. Ценность этого понимания в том, что из виду *не упускается материальная составляющая «мягкой силы»*, которая, чаще всего, играет даже большую роль, чем исключительно коммуникативные, имиджевые технологии.

Во втором подходе акцент делается на гуманистический потенциал «мягкой силы», который позволяет решать современные проблемы, стоящие перед отдельным государством, регионом или человечеством в целом. Так, например, указывается, что «мягкая сила» – чрезвычайно важный феномен «общественного бытия», она понимается как умение «достигать желаемых результатов, ставя на первое место не насилие, а духовное совершенствование человека, основанное на постоянной рефлексии, применении гуманитарных технологий и повышении образования и культуры, которое позволит изменить содержание существования цивилизации»¹⁴⁸.

В рассматриваемом подходе «мягкая сила» чаще всего отождествляется со смесью гуманитарных технологий (культурной, образовательной, политической, идеологической), направленной на достижение некоего блага, консенсуса политических акторов и социальных групп. Благодаря такому консенсусу возможно решение международных, а также внутривнутриполитических проблем. Общие ценности, лежащие в основе «мягкой силы», способствуют решению проблем глобального потепления, бедности, голода, борьбы с эпидемиями и многих других.

Консолидирующий потенциал «мягкой силы» важен при достижении внутривнутриполитических целей. «Мягкая сила» способствует формированию общих

---

¹⁴⁸ Староверова Е.В. Современные технологии власти // дисс. ... канд. Филос. наук: 24.00.01. Казань, 2012.

принципов и норм, конструированию национальной или национально-государственной идентичности, гласному и целенаправленному дискурсу «общественного договора», социальных компромиссов на основе сочетания общественных и партикулярных (индивидуальных, корпоративных, этнических, региональных) интересов, конструированию и закреплению в политической жизни символов национальных интересов»¹⁴⁹.

Наибольший интерес представляет понимание «мягкой силы» как способа психолого-идеологического воздействия. Рассмотрим данный подход на примере результатов работ отечественных исследователей, потому что именно в России такое понимание «мягкой силы» является одним из самых распространенных, что вызывает бурные споры в академических кругах, а также жесткую критику концепта в публицистических статьях.

Понимание «мягкой силы» как способа психолого-идеологического воздействия варьируется от тонких способов изменения представлений (например, лингвистическое конструирование интерпретации реальности с помощью СМИ) до довольно грубых методов, вплоть до пропаганды. Интересно, что, по мнению создателя концепта Дж. Ная, «мягкая сила» не должна иметь ничего общего с пропагандой, но не по морально-этическим, а по прагматическим причинам: автор утверждал, что «мягкая сила» зависит от доверия, а когда правительства пытаются использовать манипуляторные технологии и пропаганду, доверие разрушается¹⁵⁰, то есть действовать лучше так, чтобы государство не заподозрило в манипуляциях. Дж. Най полагал, что пропаганда сегодня быстро распознается и плохо воспринимается. Тем не менее, многие отечественные исследователи считают пропаганду одним из способов распространения «мягкой силы». От гуманитарно-культурного измерения данное измерение отличается оценкой «мягкой силы» чаще всего как агрессивно-враждебной технологии либо как технологии, преследующей не гуманистические, а рационально-прагматические цели увеличения влияния.

---

¹⁴⁹ Капицын В.М. Семиотический аспект soft power: политическая культура и символическая политика // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 146.

¹⁵⁰ Nye J. The Future of power. N.Y.: Public Affairs, 2010. P. 83

Утверждается, что «мягкая сила» способна изменять восприятие реальности индивидами благодаря формированию определенных образов, желаний, предпочтений. «Мягкая власть» базируется на способности изменять предпочтения, а значит – и поведение членов общества путем формирования выгодных властным структурам интерпретаций политических вопросов, попадающих в глобальную информационную сферу¹⁵¹. Изучая коммуникативное измерение власти, исследователи приходят к выводу, что стратегии «мягкой власти» основаны не на прямом принуждении и подчинении, а на вовлечении реципиентов в смысловое поле определенных дискурсивных практик¹⁵².

П.Б. Паршин упоминает работу Дж. Маттерн, в которой вводится понятие репрезентационной силы, прямо отождествляемой ее автором с «мягкой силой» и понимаемой как «форма власти, оперирующая через посредство используемой говорящим структуры нарративного представления «действительности»¹⁵³. Таким образом, «мягкая сила» соотносится с традицией исследования языка как инструмента социальной власти, представленной в лингвистике.

И.А. Якоба настаивает на том, что «мягкая сила» является актуальной дискурсивной технологией, «обладающей семиотической привлекательностью и когнитивной мощностью, направленной на конструирование нужного результата и нейтрализацию параллельных, невыгодных возможностей развития социального мира. Данная дискурсивная технология распространяется посредством дискурса нарциссизма и шоу, создания влиятельного авторитетного имиджа, соблазна коммуникативной интерактивностью и вовлечением в многообразные возможности самопрезентации в информационных и социальных сетях»¹⁵⁴.

В исследовании Е.П. Пановой «мягкая сила» представляется способностью влиять на формирование интерпретаций политических вопросов, попадающих в

¹⁵¹ Северская О.И. «Мягкий позитив» и «жесткий негатив» как инструменты информационного воздействия // *Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография.* М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 166.

¹⁵² Кожемякин Е.А. «Мягкая власть» институциональных дискурсов: коммуникативное измерение // *Дискурс-Пи.* – 2014. – № 1 (14). – С. 102.

¹⁵³ Паршин П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий // *Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография.* М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 25.

¹⁵⁴ Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // *Социологические исследования.* – 2014. – № 12. – С. 72.

глобальную информационную сферу таким образом, чтобы они отражали интересы отдельного государства или группы государств, или других акторов. Исследователь изучает возможности влияния новых и традиционных СМИ на формирование интерпретации текущих проблем международных отношений и мировой политики в рамках глобальной информационной сферы¹⁵⁵.

«Мягкая сила» как технология воздействия на сознание, способная обеспечить добровольную подчиняемость общества и входящих в него граждан, нередко связывается с «жесткими» стратегиями вплоть до информационно-психологических войн и идеологических диверсий. В рамках такого понимания идеология, ценности, культурные, научные, спортивные достижения страны (по сути, составляющие «мягкой силы» у Дж. Ная) считаются элементами идеологической мощи страны. Конкурирующие вражеские государства стремятся проникнуть в идеологическое пространство определенного общества и оказать разрушительное воздействие на систему его ментальных ценностей. Данная ситуация расценивается как информационно-идеологическая агрессия, то есть акт войны. Утверждается, что факт ведения такой войны невозможно распознать на уровне массового сознания – лишь на уровне элиты. Защитники идеологической границы государства – «это, прежде всего, гуманитарии, создающие и сохраняющие ментальные ценности, а также представители политической элиты, непосредственно занятые формированием и отстаиванием положительного имиджа данного государства и общества»¹⁵⁶.

Используя «мягкую силу», можно влиять на сознание индивидов определенного общества на двух уровнях:

- 1) поверхностное, внешнее влияние, выражающееся в стиле, манере поведения, одежде, питании;
- 2) глубинное влияние, воздействующее на сознание и подсознание, архетипы и стереотипы, и приводящее в итоге к их незаметной трансформации.

---

¹⁵⁵ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2012.

¹⁵⁶ Комлева Н.А. Идеологическая граница как предел идеологического пространства: сущность, специфика и технологии защиты // Пространство и время. – 2010. – № 1. – С. 26.

Особенностью поверхностного влияния является то, что оно легко усваивается, но не формирует новый менталитет и культуру, не изменяет поведение индивидов и не затрагивает ориентации внешней политики. Так, можно слушать иностранную музыку, одеваться, как американец, и в то же время оставаться русским или казахом. В случае глубинного воздействия «мягкой силы» изменяются мировоззрение, сознание и способ мышления. В случае массового воспроизводства подобного восприятия в стране, на которую направлено влияние, постепенно формируется «пятая колонна» ее приверженцев. Несмотря на то, что достичь глубинного влияния непросто, именно на него в основном ориентированы современные средства трансляции «мягкой силы»¹⁵⁷.

В рамках понимания «мягкой силы» как способа психолого-идеологического воздействия исследователи предлагают вспомнить весь арсенал влияния на сознание, выработанный в рамках пропагандистской и рекламной практики и теории. Для изменения сознания используются образовательные технологии, научные исследования, культурные продукты, имеющие специальную «начинку», агитация, пропаганда и контрпропаганда. В практическом плане важный вопрос, который встает перед любым государством при технологическом понимании «мягкой силы», – наличие кадров, институтов и финансирования, с помощью которых возможно выполнить поставленные цели. В зависимости от внутривнутриполитических условий, «мягкая сила» считается либо государственной технологией (тогда она практически приравнивается к пропаганде, государственному PR), либо признается, что на ее величину влияют институты гражданского общества (в этом случае «мягкую силу» сложнее контролировать, но она вызывает больше доверия).

Благодаря проникновению в идеологическое пространство общества, изменению установок сознания, создаются условия для проведения цветных революций. Е.Г. Пономарева пишет, что цветные революции можно рассматривать как результат действия «мягкой силы». Последняя использует весь спектр информационных, культурных, разведывательных, психологических и

---

¹⁵⁷ Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. – 2014. – № 3. – С. 19.

других технологий. «Мягкая сила» задействована в манипуляциях с исторической памятью, причем основным инструментом при этом являются традиционные, а также новые сетевые средства массовой информации¹⁵⁸. Автор последовательно доказывает, что «мягкая сила» должна стать необходимым компонентом политики России. Самыми эффективными инструментами «мягкой силы» Е.Г. Пономарева считает информационно-коммуникативные, образовательные и деятельностные (публичная дипломатия, целевые и академические формы обучения, НПО), а также полифункциональные программы в области культуры (кинофестивали, кулинарные, музыкальные, фольклорные и другие мероприятия, выставки, шоу-программы и т.п.)¹⁵⁹. Таким образом, в работах Е.Г. Пономаревой «мягкая сила» воспринимается не только как опасность, исходящая извне, но и как важный интеграционный ресурс.

Подобную дихотомию можно найти и в исследованиях Д.Б. Казариновой: автор задается вопросом: является ли «мягкая сила» дестабилизирующим или стабилизирующим фактором в отношении политических режимов? Она приходит к выводу, что с одной стороны, «мягкая сила» воспринимается негативно, связывается с арабской весной и цветными революциями, а с другой стороны, может выступить основой процессов интеграции, так как в ней заложен потенциал универсализации и адаптации ценностей, потенциал гибкости и партнерства¹⁶⁰.

В отечественных работах «мягкая сила» в основном осмысливается как технология преднамеренного воздействия на сознание, причем нередко указывается, что Россия еще не овладела ей в полной мере, поэтому чаще всего «мягкая сила» воспринимается не как ресурс, а как опасность, исходящая извне. Однако все же существуют предложения использования технологии с учетом стратегических целей РФ. «Мягкая сила» воспринимается как обновленная

---

¹⁵⁸ Пономарева Е. Секреты «цветных революций» // Интелрос. 2013. С. 48. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/3-4-2012/04.pdf (дата обращения: 20.12.2014).

¹⁵⁹ Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель-Observer. – 2015. – № 11. – С. 62.

¹⁶⁰ Казаринова Д.Б. Фактор мягкой силы в современной мировой политике и проблемы политической стабильности // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. – С. 104–117.

стратегия борьбы за власть, которую применяют западные государства: Запад использует ресурсы «мягкой силы» (институты гражданского общества, особенно НПО, выращивание политических элит, использование информационных технологий) с целью заменить существующие режимы на режимы прозападного варианта. «Мягкая сила» создает угрозу легитимности режима¹⁶¹.

В. Капицын полагает, что Белый дом будет усиливать применение «мягкой силы»... Центры глобального управления формируют механизмы «мягкой силы» и инфраструктуры, заставляющие «добровольно» отдавать «съёмные модули», то есть одаренную молодежь, молодых женщин, ученых с ценными разработками, финансы, производства, энергоресурсы, сырье. Используя эти модули, Запад предполагает их возврат, как возвращают трудовых мигрантов, отработанное ядерное топливо, векселя. Черты «забирающего контейнерного общества» уже проявились у США, Канады, Австралии, некоторых стран ЕС, а на Востоке – у Японии, КНР, Южной Кореи. Для таких акторов Россия, оставаясь мощной в военном отношении, рассматривается как объект воздействия «мягкой силы». Глобальное управление идентификациями ведет к сочетанию, обуславливающему формирование «отдающего контейнерного общества». В такой перспективе Россия будет выталкиваться из конфигураций субъективностей, способных поддержать ее суверенитет и дееспособность, чтобы она обслуживала «забирающие контейнерные общества»¹⁶².

Подобная же логика прослеживается и в сообщениях на государственном уровне. В «Концепции внешней политики РФ» «мягкая сила» определяется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии». «Концепция...» является программным документом, а потому в ней лишь провозглашается необходимость овладения инструментами «мягкой силы» и не описываются конкретные шаги. В то же время, в ней можно заметить

---

¹⁶¹ Wilson J.L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy. American Political Science Association, 2013. P. 13.

¹⁶² Капицын В. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления// Обозреватель. – 2009. – №10. – С. 77.

негативный посыл, связанный с защитой суверенитета, невмешательством во внутренние дела других стран. Существует опасность деструктивного применения «мягкой силы» для дестабилизации «обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»¹⁶³.

М.В. Харкевич указывает на то, что В.В. Путин, характеризуя «мягкую силу» в предвыборной программной статье¹⁶⁴, в значительной мере упрощает данную концепцию. В.В. Путин определил ее как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия». При таком определении «мягкая сила» становится эквивалентом невоенной силы. В.В. Путин критически отнесся к целям использования «мягкой силы» иностранными государствами. Он указал, что зачастую эти методы применяются для взращивания и стимулирования национализма, сепаратизма, экстремизма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств.

Для В.В. Путина «мягкая сила» является эквивалентом лоббизма. Прозрачный и открытый лоббизм – естественное явление для западных государств. Тайный же лоббизм опасен, потому что его сложно контролировать обществу и власти. В итоге в государстве может сформироваться большая сеть иностранных агентов, которые, прикрываясь природоохранной или правозащитной работой, тайно продвигают политические интересы заинтересованных стран, обычно посредством финансирования деятельности оппозиции¹⁶⁵.

---

¹⁶³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // МИД России. 2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 16.12.2013).

¹⁶⁴ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.12. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 16.12.2013).

¹⁶⁵ Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2 (35). – С. 26.

Интерес представляет и подача концепта «мягкой силы» в ведущих отечественных высших учебных заведениях России (она рассматривается либо вместе с теориями «управляемого хаоса», цветных революций, либо с публичной дипломатией):

1) В МГИМО (У) МИД России преподается дисциплина «Современные технологии смены политических режимов»¹⁶⁶, в рамках которой «мягкая сила» рассматривается как фактор политических переворотов. «Мягкая сила» – это власть информации, образов и смыслов, причем ее инструментами являются система образования, кинематограф, мода и шоу-бизнес. Большую роль в подготовке политических переворотов играют СМИ.

2) В НИУ ВШЭ¹⁶⁷ проводятся факультативные занятия по следующей теме: «Мягкая сила» и «управляемый хаос» – инструменты современной мировой политики. В рамках курса слушателей знакомят с теорией и практикой цветных революций, изучаются концепции «мягкой силы» и «управляемого хаоса». Автор курса профессор, доктор филологических наук А.В. Бондаренко является специалистом по проблеме психологической войны.

3) В МГУ имени М.В. Ломоносова существует учебный курс «Мягкая сила» и публичная дипломатия»¹⁶⁸, в содержании которого слушателей знакомят с основными подходами, существующими при изучении проблем функционирования публичной дипломатии и «мягкой силы» в области международных отношений. Студентов учат применять теоретические знания и методологический инструментарий для оценки значения «мягкой силы» и публичной дипломатии различных государств в современную эпоху.

Итак, в отечественных работах «мягкая сила» в основном осмысляется как технология преднамеренного воздействия на сознание, как угроза, исходящая извне. В учебных программах ведущих ВУЗов России «мягкая сила» рассматривается в связке с теориями «управляемого хаоса», цветных революций

¹⁶⁶ Программа курса // МГИМО. 2014. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://old.mgimo.ru/files/261432/modern-technologies-of-regime-change.pdf> (дата обращения: 28.11.2015).

¹⁶⁷ Материалы к факультативу «Мягкая сила» и «Управляемый хаос» - инструменты современной мировой политики // НИУ ВШЭ. 2015. URL: <http://security.hse.ru/dsec/matMSiUHtwo> (дата обращения: 28.11.2015).

¹⁶⁸ «Мягкая сила» и публичная дипломатия // Истина: интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации. 2013. URL: <http://istina.msu.ru/courses/6766863/> (дата обращения: 28.11.2015).

(тогда как у Дж. Ная «мягкая сила» является более «мягкой», тонкой и незаметной технологией) либо исследуется в тесной связи с осуществлением публичной дипломатии.

Исходя из сформулированного нами определения исследуемого концепта и агрегирования рассмотренного выше технологического подхода, заключим, что «мягкая сила» может выступать стратегической технологией, когда определены цели (политические, экономические), целевая аудитория, длительность (краткосрочная или подразумевающая преемственность курса) и масштаб действий, основные акторы, выстроен долгосрочный план действий в каждой из следующих сфер:

1) повышение собственной привлекательности (учитывается материальная составляющая «мягкой силы», примерное совпадение реальности и формируемого образа). Позиции, создающие «привлекательное» измерение «мягкой силы», перечислены в рамках измерительного подхода (развитость культуры, бизнеса, правительства, дипломатии, образования и т.п.). Кроме того, важно создание хороших условий для жизни и деятельности креативного класса, научных сотрудников, работников сферы образования и в целом интеллигенции – прослойки общества, которая отвечает за сохранение ценностей и производство идей, которые в дальнейшем будут «запаковываться» в культурные продукты или другим способом передаваться целевой аудитории и таким образом составлять «ядро» «мягкой силы».

2) Содействие установлению правил и институтов, лидерство в международных организациях, установление повестки дня, влияние на интерпретацию политических проблем, организация коалиций, обращение за международной поддержкой.

3) Налаживание отношений, создание условий как для наращивания «мягкого» потенциала, так и для достижения определенных целей (общественная дипломатия, в том числе, культурная дипломатия, образовательные программы, работа с соотечественниками, проживающими за рубежом).

4) Влияние на аудиторию двумя способами: а) предоставление помощи в различной форме (гуманитарная, медицинская, технологическая помощь, гранты и льготные кредиты); б) распространение идей и формирование предпочтений (выбор средств – от дискурсивного влияния до пропаганды в зависимости от контекста).

Таким образом, в результате анализа технологического понимания «мягкой силы» были выделены две основные стратегии поведения. Первая заключается в разработке и осуществлении программы мер, необходимых для создания привлекательности. В данном случае «мягкая сила» понимается как пассивная сила притяжения, кроме того, учитывается ее материальная составляющая, объективно существующие социально-экономические показатели, соблюдение провозглашенной политики на практике. Вторая стратегия подразумевает целенаправленное влияние на сознание населения государств, относящихся к целевой аудитории. В рамках этой стратегии были выделены два направления: это либо влияние в гуманистических целях, либо психолого-идеологическое воздействие в корыстных целях. Гуманистическое влияние связано с духовным совершенствованием человека, здесь «мягкая сила», как правило, нацелена на достижение некоего общего блага. Именно гуманистический, консолидирующий потенциал «мягкой силы» принимается во внимание при использовании технологий «мягкой силы» во внутренней политике. Считается, что она может способствовать формированию общих принципов и норм, укреплять чувство идентичности, сохранять и развивать культурные традиции. Психолого-идеологическое воздействие на сознание учитывает целый спектр инструментов, начиная с тонких дискурсивных практик, заканчивая пропагандой и информационно-психологическими войнами.

Глава 2. Ресурсный потенциал и технологии «мягкой силы» государств Восточной Азии

2.1. Особенности дискурса «мягкой силы» в государствах Восточной Азии

При исследовании «мягкого» потенциала и технологий государств восточноазиатского региона будет использована сформулированная в третьем параграфе первой главы универсальная структура изучения «мягкой силы» страны, включающая в себя следующие позиции: историю изучения и особенности дискурса «мягкой силы», наличие национальных научных центров, исследование «мягкой силы» как результата взаимодействий и деятельности в плоскостях культуры и политики, особенности восприятия страны в регионах, ограничения и преграды на пути распространения «мягкого» влияния. В результате будет проведен комплексный сравнительный анализ текущего развития ресурсного потенциала, национальных моделей и технологий «мягкой силы» государств Восточной Азии.

В настоящее время Восточная Азия стала значимым регионом, к которому проявляют интерес такие влиятельные государства, как США, Китай, Россия, Япония и Индия. Хотя Соединенные Штаты не принадлежат географически к данному региону мира, они активно стремятся сохранить и увеличить здесь влияние своей «мягкой силы». Китай, как растущая держава, пытается повысить свое могущество, в соответствии с экономическими возможностями страны. Влиятельным актором, привлекающим другие страны своей культурой, становится Южная Корея (официальное название – Республика Корея).

Из трех стран (Китай, Япония, Южная Корея) КНР максимально адаптирует концепт «мягкой силы» под свой контекст и ищет ее истоки в глубинах истории:

утверждается, «что еще в период Весен и Осеней (время жизни Лао-цзы и Конфуция) в Китае исследовали и использовали на практике «мягкую силу». Во время правления Мао Цзэдуна большее внимание уделялось, напротив, «жесткой силе».¹⁶⁹ «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет», – это высказывание философа Лао-цзы (VII в. до н.э.) считается метафорическим выражением идеи «мягкой силы». В Китае первое произведение Дж. Ная, в котором он рассматривает значение «мягкой силы», было издано в 1992 г. Это книга «Обреченные быть лидером: меняющийся характер американской власти», которая в США вышла в 1990 г. Знаменательно, что первая китайская статья, посвященная «мягкой силе», называется «Культура как национальная сила: мягкая сила» (1993 г.). Ее автор – китайский ученый Ван Хунин, известный как крупный партийный деятель и профессор университета Фудань. По мнению Ван Хунина, именно культура – главный источник «мягкой силы» страны. Этому центральному тезису с тех пор и следуют китайские ученые. Таким образом в их среде сформировалась, так называемая, «культурная школа» («cultural school»)¹⁷⁰. Так, например, Юй Ситянь (Yu Xitian) считает, что идеи, международная и внутренняя система, политика и стратегия настолько сильно вовлечены в культуру, что она является ядром любых «мягких действий».

Меньшая часть исследователей (в основном, эксперты в области международных отношений) считает ядром «мягкой силы» политическую власть, хотя и не отрицает важности культуры. Эти ученые сосредотачиваются на вопросе использования ресурсов «мягкой силы». Они представляют, так называемую, политическую школу («political school»). Глава Института международных проблем университета Цинхуа Янь Сюэтуан является одним из представителей данной школы. По его убеждению, «мягкая сила» – это способность страны к внутренней и внешней политической мобилизации. «Мягкая сила», как таковая, не является материальным ресурсом страны, но

---

¹⁶⁹ Sun Sao-Cheng The approaches of China's soft power strategy// WHAMPOA Journal. – 2011. – № 61. – P. 55.

¹⁷⁰ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 112.

требует использования материальных ресурсов. «Янь Сюэтун приравнивает «мягкую силу» к политической силе страны. По его мнению, она слабее экономической силы Китая, но сильнее военной силы: Китай торгует со всеми континентами, оказывает политическое влияние на сопредельных территориях, а его военное влияние проявляется лишь в пограничных регионах. Положительная оценка китайских реформ за рубежом повышает статус и мобилизационные возможности КНР, и в этих условиях все большее число стран готово прислушаться к китайским советам. Напротив, при обострении проблем социальной несправедливости в стране международный образ и мобилизационные возможности снижаются. Он заявил, что «наращивание культурной силы не означает укрепления «мягкой силы» государства. Усиление политической мощи государства стимулирует развитие его культурной силы, но приращение последней не обязательно ведет к росту политической силы»¹⁷¹.

Представители одной школы часто выступают с критикой позиций другой школы. Так, «Лу Ган, исследователь из Шанхайского института международных проблем, принадлежащий к культурной школе, утверждает, что в основе успеха нынешней политики открытости миру – повышение культурной силы, тогда как предлагаемое Янь Сюэтуном наращивание политической репутации без внимания к культуре не позволит нарастить «мягкую силу» Китая. Упадок культурной силы привел к ухудшению образа страны за рубежом – это недостаток деловой этики, низкие гуманитарные качества, утрата базовых ценностей, отсутствие заботы об окружающей среде и животных»¹⁷².

Среди многообразия трактовок «мягкой силы» и попыток адаптации концепта под национальные условия некоторые китайские исследователи иногда оказываются близки к оригинальной теории. Например, выделяются такие источники «мягкой силы» как институциональная власть (возможность страны предложить и сформировать новые международные структуры), идентифицирующая власть (признание другими странами ведущей роли данного государства и права его влияния на международные отношения) и

¹⁷¹ Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. – 2007. – № 6. – С. 48.

¹⁷² Там же. – Р. 57.

ассимилирующая власть, определяемая как притяжение культурных ценностей, идеологии, социальной системы¹⁷³, то есть, по сути это пассивная привлекательность и институциональная власть. Третий компонент, выделяемый китайскими исследователями, – лидирующая роль государства в противовес третьему измерению «мягкой силы» (способности формировать предпочтения).

Количество научных публикаций, посвященных вопросам «мягкой силы», в Китае росло следующим образом:

- 1) 1994 – 2000 гг. – 11 статей;
- 2) 2001 – 2004 гг. – 58 статей;
- 3) в 2008 г. – уже 6000 статей¹⁷⁴.

Растущее признание «мягкой силы» со стороны КПК было связано с признанием важности культурных факторов в развитии китайского общества (после провозглашения в 2005 г. Ху Цзиньтао стратегии «гармоничного общества»). Далее, в 2007 г. состоялся XVII съезд КПК, на котором произошло включение «мягкой силы» в основные цели китайского общества. После этого в прессе, научных журналах и выступлениях китайских чиновников стал часто использоваться термин «мягкая сила»¹⁷⁵. Х. Ван отмечает, что «вероятно, нигде больше идея «мягкой силы» так широко не обсуждается, как в Китае»¹⁷⁶.

Термин «мягкая сила» в Китае употребляют высокопоставленные чиновники, различные государственные организации, министерства, Информационное бюро Госсовета. На Политической консультативной конференции китайского народа (СРРСС) обсуждаются способы распространения «мягкой силы» методами общественной дипломатии¹⁷⁷. Министерство просвещения КНР выделяет гранты на стадильные «Исследования строительства

¹⁷³ Li M. Soft power. China's emerging strategy in international politics // Aleria. 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://alerial.info/temp/hti5m03jtt_8559.pdf (дата обращения: 02.02.2013).

¹⁷⁴ Huang C. China's soft power in East Asia. A question for status and Influence? // The national bureau of Asian research. – 2013. – № 43. – P. 7.

¹⁷⁵ Wilson J.L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy. American Political Science Association, 2013. 33 p.

¹⁷⁶ Wang H. China's image projection and its impact // Soft power in China public diplomacy. Palgrave Macmillan. – 2011. – P. 37.

¹⁷⁷ D'Hooghe I. The limits of China's soft power in Europe // Clingendael diplomacy papers. – 2010. – № 25. – P. 3.

«мягкой силы» и стратегии развития Китая»¹⁷⁸. Среди центров исследования «мягкой силы» можно выделить университет Фудань, Китайский институт современных международных отношений (CICIR)¹⁷⁹, специально созданную при Китайской академии современных международных отношений группу исследования «мягкой силы», цель которой – оценка степени влияния разных государств в сфере внешней политики¹⁸⁰, Институт стратегических исследований в Центральной партийной школе¹⁸¹, Пекинский университет (исследовательская группа по «мягкой силе» под руководством Хань Бо). Широко признается, что китайские аналитические центры и институты, связанные с КПК, служат инкубатором для формирования потенциальных положений политики, принятой правительством¹⁸².

«Мягкая сила» по-китайски призвана содействовать строительству социализма. Другие важные цели использования «мягкой силы»: успокоение соседских стран и государств мира, убеждение их в добрых целях китайских стратегических намерений, получение признания своей инаковости и уменьшение количества негативной информации о КНР¹⁸³.

В Китае считают, что стратегия «мягкой силы», используемая, как правило, в области внешней политики, применима и для решения внутренних задач (поддержка легитимности правящей партии, увеличение внутренней самооценки, социальное развитие, увеличение удовлетворенности китайского народа своим благополучием). Кроме того, некоторые ученые переносят это понятие в рыночные отношения: существуют аналитические работы, посвященные определению «мягкой силы» предприятий: «если «жесткая сила» организации включает ее капитал, масштаб, прибыль, оборудование, работников, производство, то «мягкая сила» организации включает в себя принципы ведения

---

¹⁷⁸ Цзайци Л. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. – 2009. – № 4. – С. 155.

¹⁷⁹ Mingjiang L. Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect// Rajaratnam School of International Studies. – 2008. – Paper № 165. – P. 4.

¹⁸⁰ Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. – 2007. – № 6. – С. 54.

¹⁸¹ Mingjiang L. Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect// Rajaratnam School of International Studies. – 2008. – Paper № 165. – P. 4.

¹⁸² Shambaugh D. China goes global: the partial power. NY: Oxford University Press, 2013. 432 p.

¹⁸³ Sun Sao-Cheng The approaches of China's soft power strategy// WHAMPOA Journal. – 2011. – № 61. – P. 56.

бизнеса, ценности, инновации, корпоративную культуру, нормы поведения, осознание общественной ответственности»¹⁸⁴.

Характерной чертой китайского дискурса является недостаточное отделение «жесткой силы» от «мягкой»: исследователи часто рассматривают их в совокупности, как «всеобъемлющую национальную силу». Данную особенность можно считать следствием направленности государственного курса на сбалансированное повышение всеобъемлющей национальной мощи. Некоторые ученые, например, Пан Чжунин (Pang Zhongying, директор Института глобальных проблем Нанькайского университета), полагают, что это произошло по причине неспособности китайских исследователей разделить «мягкую» и «жесткую» силы, т.к. в их представлениях «жесткое становится мягким и мягкое становится жестким»¹⁸⁵. С другой точки зрения, отсутствие разделения сил вызвано очевидным притяжением экономической мощи Китая. Из-за этого притяжения китайские исследователи были вынуждены расширить первоначальный концепт Дж. Ная, не включавший экономические компоненты, и работать с «всеобъемлющей силой»¹⁸⁶.

Китайские авторы также связывают «мягкую силу» с национальным брендингом. Ричард Ху, характеризуя деятельность по строительству «мягкой силы», одним из пунктов выделяет активность символики и брендинга, заботу о строительстве имиджа. Он приводит в пример Олимпийские Игры в Пекине в 2008 г., Шанхай-ЭКСПО в 2010 г., Азиатские Игры в Гуанчжоу в 2010 г., строительство небоскребов, исследования Луны. По мнению исследователя, все эти мероприятия имеют символическое значение, показывающее миру рост Китая¹⁸⁷.

---

184 Jiechi Y. China's diplomacy since the beginning of reform and opening up // Ministry of Foreign affairs of the People's Republic of China. 2013. URL: <http://www.cpfia.org/en/q/listQuarterlyArticle.do;jsessionid=934AA7A09072032332DE2D79DF222108?quarterlyPageNum=7> (дата обращения: 19.01.2014).

185 Lai H., Lu Y. China's soft power and international relations. Taylor & Francis, 2012. P. 77.

186 Huang C. China's soft power in East Asia. A question for status and Influence? // The national bureau of Asian research. – 2013. – № 43. – P. 11.

187 Korea's soft power and East Asia. Verbatim report of the conference // The Brookings Institution. 2010. P.40. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения: 26.04.2014).

Так же, как и китайские ученые, японские исследователи, изучая роль «мягкой силы» в исторической ретроспективе страны, ограничиваются лишь фактами прошлого века, хотя и существуют более ранние упоминания о периодах культурной открытости и закрытости миру. Ко времени окончания Второй Мировой войны Япония имела имидж агрессивного милитаристского государства. В девятой статье новой конституции Японии, вступившей в силу в 1947 году, указывалось, что стране запрещается угрожать военной силой и применять ее при проведении внешней политики. По причине этих ограничений Японии пришлось сотрудничать с другими странами, следуя принципам «мягкой силы» (в переводе на японский язык – «*sofuto rawa*»).

В Японии популярность к концепту «мягкая сила» пришла после издания статьи, написанной американским журналистом Дугласом МакГреем и вышедшей в 2002 г. в журнале *Foreign Policy*. Статья называлась «*Japan's Gross National Cool*» («Японская валовая национальная крутость»). Из нее и родился популярный слоган «*Cool Japan*». В статье утверждается, что в настоящее время культурное влияние Японии в мире гораздо сильнее, чем в 80-е годы прошлого века, когда она обладала статусом экономической сверхдержавы. Притягательными для населения других стран оказались японская поп-музыка, кухня, искусство, аниме, мода и электроника. Растущее культурное влияние создало мощный двигатель национальной крутости (*cool*). Национальную крутость измерить невозможно. Национальная крутость (*national cool*) – «это своего рода «мягкая сила». Национальная крутость – это идея, это напоминание о том, что коммерческие тренды и продукты, а также умение порождать их могут служить политическим и экономическим целям»¹⁸⁸.

Японские политики и ученые поддержали употребление термина «*Cool Japan*» и присоединили его к мейнстриму национального дискурса. Политических деятелей особенно заинтересовал вопрос использования популярности японской массовой культуры для продвижения своих политических целей. Асо Таро, министр иностранных дел Японии, в апреле 2006 г. предположил, что аниме и

---

¹⁸⁸ McGray D. Japan's Gross National Cool // *Foreign Policy*. 2002. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool (дата обращения: 19.01.2014).

манга способны растопить сердце Китая. В январе 2007 года Асо Таро, выступая в японском Парламенте, назвал популярную культуру страны важным дипломатическим инструментом. Таким образом, разговорные модные слова «cool», «hip», «fun» оказались своеобразным инструментом выстраивания межгосударственных отношений¹⁸⁹. Современная японская литература имеет тенденцию сосредотачиваться на производстве, продвижении и восприятии японской поп-культуры в Восточной и Юго-Восточной Азии, роли правительства в продвижении популярной культуры и содержании конкретных примеров японской популярной культуры.

В японском дискурсе «мягкой силы» иногда встречается беспокойство об усилении Китая и существовании конкуренции в регионе: вызов, брошенный Китаем, заставил японскую дипломатию осознать, что необходимо осмыслить, что Япония может предложить миру сегодня. Утверждается, что после холодной войны возможность использовать реальную военную или экономическую власть уменьшилась, большую роль стали играть такие инструменты, как культура и имидж. Многие конфронтации в нынешнюю эпоху будут происходить посредством взаимного обмена идеями и словами¹⁹⁰.

«Мягкая сила» трактуется как воздействие на мир с помощью цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности и рассматривается в тесном взаимодействии с культурной дипломатией. Для разработки ее концептуальной основы в 2004 г. в Японии создали Консультативный совет во главе с Аоки Тамоцу, профессором университета Хосэй. Одна из задач, стоящих перед советом, – улучшение имиджа страны в мире¹⁹¹. Как и китайские исследователи, японцы переносят понятие «мягкой силы» на другие сферы. Утверждается, что в бизнесе «жесткая власть» (капитал и рабочая сила) – недостаточный ресурс, чтобы компания стала мировым лидером. «Мягкая сила»

---

¹⁸⁹ Peng Er Lam Japan's quest for «soft power»: attraction and limitation // East Asia. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf (дата обращения: 20.01.2014).

¹⁹⁰ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 113.

¹⁹¹ Катасонова Е.Л. Япония и ее инструменты мягкой силы // Ассоциация японоведов. 2013. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения: 01.04.2014).

компания зависит от инновационной силы, силы дизайна, силы бренда – то есть, в конечном итоге, от творческих и талантливых людей¹⁹². Что касается цели политики «мягкой силы», то если для Китая важно было убедить соседей в своем миролюбии и отсутствии опасности, то главная цель Японии состоит в том, чтобы убедить региональные государства в том, что она по-прежнему является сверхдержавой¹⁹³.

Южная Корея располагается в регионе, в котором три могущественных государства (Китай, Япония и Россия) отстаивают свои интересы. Ей было непросто наращивать полноценную «жесткую силу», достаточную для своей защиты. И действительно, в первой половине XX века Корея была колонией Японии. После завершения Корейской войны, продолжавшейся с 1950 по 1953 гг., Южная Корея стремилась наращивать свою «жесткую силу» – военную, чтобы сдерживать агрессивную Северную Корею, и экономическую, чтобы вытянуть страну из нищеты. Признается, что на сегодняшний день Южная Корея обладает значительным объемом ресурсов «жесткой силы» (9-ое место по этому показателю среди стран «Большой Двдцатки»), но в отношении «мягкой силы» она показывает более низкие результаты¹⁹⁴. Тем не менее, у этой страны есть реальные условия для увеличения «мягкой силы».

Ученые Южной Кореи продолжают концептуальные рамки, заданные Наем, но нередко выходят за них, критикуют некоторые положения его теории, пытаются исключить противоречия. Например, Чжин Ли, исследователь Сеульского национального университета, создал ресурсную теорию «мягкой силы». Он убежден, что автор концепта сосредоточен на исследовании природы силы, а не ресурсов; у Дж. Ная власть становится «мягкой» независимо от того, какие ресурсы были использованы, а это, по мнению японского исследователя, некорректно. «Мягкие» ресурсы, согласно Чжину Ли, это символические ресурсы, позволяющие оказывать влияние (традиции, идеи, дискурсы, образование, образы,

---

¹⁹² Tsutomu S. Japan's creative industries. Culture as a source of soft power in the industrial sector // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P.128.

¹⁹³ Konishi W. Same bed, different dreams: China and Japan as soft power rivals // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 142.

¹⁹⁴ Най Дж. Растущая мягкая сила Южной Кореи // Project syndicate. 2010. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power/russian> (дата обращения: 07.04.2014).

теории, культура, глобальные и национальные символы, ноу-хау и т.п.). Также ученый предлагает классификацию видов «мягкой силы» поставить в зависимость от целей, стоящих перед страной, потому что абстрактное изучение «мягкой силы» бессмысленно. Целями «мягкой силы» могут быть мобилизация государств мира, улучшение внешней безопасности, манипулирование мнением и предпочтениями стран, поддержание единства внутри страны и увеличение рейтингов лидера государства¹⁹⁵.

Характерной чертой южнокорейского дискурса «мягкой силы» является включение коммерческих брендов в «мягкие» ресурсы: «международный успешный экспорт корейской продукции посадил семя коммерческих брендов, превратившихся в аспект «мягкой силы» дипломатии Южной Кореи (чеболи Samsung, Hundai Kia Automotive Group и LG были приняты как глобальные торговые марки)»¹⁹⁶. Также исследователи предлагают задействовать «мягкую силу» для обеспечения безопасности государства, в частности, путем создания архитектуры безопасности, в основе которой лежала бы «мягкая» сеть (см. Chaesung Chun¹⁹⁷).

В целом же обсуждение проблематики «мягкой силы» в Южной Корее ведется в рамках двух крупных дебатов. Первые поднимают вопрос, должна ли Южная Корея увеличивать свой статус, становясь более ответственным актором мирового сообщества. Когда-то Южная Корея была бедной, но сейчас она богатая развивающаяся страна, которая может оказывать поддержку более бедным странам. Это добросовестное стремление вернуть миру долг смешивается с желанием увеличить мировое влияние¹⁹⁸.

Вторые дебаты ведутся относительно определения стратегической роли этой страны в регионе Северо-Восточной Азии. Будучи окруженной

¹⁹⁵ Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. 2012. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (дата обращения: 08.04.2014).

¹⁹⁶ Cabalza C.B. Is [South] Korea open for soft power diplomacy? // Executive policy Brief. – 2011. – Vol. 1. – № 13. – P. 1.

¹⁹⁷ Chaesung Chun Soft power and South Korea's foreign policy: security policy and North Korea strategy // Jeju peace institute. P. 9. URL: <http://www.jpi.or.kr/skyboard/download.sky?fid=3379&gid=5309&code=jpiworld> (дата обращения: 25.05.2014).

¹⁹⁸ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 114.

влиятельными и сильными государствами (Россией, Японией, Китаем), Южная Корея пытается сбалансировать свое отношение с ними с целью обеспечения выживания и процветания¹⁹⁹.

Основная зона интересов, в которой оценивается «мягкая сила», – Северо-Восточная Азия, особенно взаимоотношения трех государств: Южной Кореи, Японии, Китая.

Ресурсами «мягкой силы», которыми обладает Южная Корея, являются успешная экономика, удачный опыт быстрой демократизации и модернизации страны, а также «корейские волны» – феномен популярности массовой культуры государства. В политике «мягкой силы» Южной Кореи ясно обозначены следующие направления: политические цели, внешняя безопасность и торгово-экономические цели (привлечение прямых иностранных инвестиций, расширение рынков экспорта, развитие туризма).

Признается, что Корею не достигнуть глобального лидерства, но она может быть региональным лидером или совместным лидером в таких вопросах, как северокорейский ядерный кризис, строительство многосторонней сети безопасности в Северо-Восточной Азии²⁰⁰. Исследованиями корейской «мягкой силы» занимаются в Корейском институте развития, университете Сунгшин, Сеульском университете.

Таким образом, в рассматриваемых странах наиболее широко исследованием теории «мягкой силы» занимаются ученые Китая. Более того, ученые всего мира проявляют огромный интерес к исследованию «мягкой силы» Китая. Быстрый экономический рост Китая рождает очарование его будущим²⁰¹. И напротив, встречаются замечания об отсутствии у Японии и Южной Кореи очарования будущим. Цели политики «мягкой силы» разнятся: если у Китая это успокоение мирового сообщества, взволнованного быстрым ростом Китая, то для

---

¹⁹⁹ Lee S.J. South Korea's Soft Power Diplomacy // East Asia Institute. 2009. P. 1. URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=1310000000&code=eng_report&idx=8593&page=5 (дата обращения: 22.04.2014).

²⁰⁰ Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. 2012. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962?journalCode=rkjd20> (дата обращения: 08.04.2014).

²⁰¹ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 114.

Японии «мягкая сила» является компенсацией ее бывшего величия, а южнокорейские исследователи, признавая, что их государство может рассчитывать лишь на прочные позиции регионального масштаба, выделяет вполне прагматические торгово-экономические и политические цели. Очевидное притяжение экономической мощью не дало китайским исследователям повода для полноценного разделения силы на «жесткую» и «мягкую», но потребовало обоснования необходимости наращивания соответствующего культурного влияния. Культуроцентричный дискурс «мягкой силы» в Китае (в противовес ценностноцентричному) позволяет избежать столкновения с Западом, создать благоприятные условия для развития страны.

2.2. Культурные ресурсы и реализуемые стратегии «мягкой силы»

Китайские, японские и южнокорейские исследователи «мягкой силы» важнейшим ее ресурсом считают *культуру*.

На 17 Национальном Конгрессе КПК 2007 г. главным элементом китайской «мягкой силы» провозглашена культурная «мягкая сила»²⁰². В теоретических работах и на практике особый акцент делается на историческое и культурное наследие: философию, литературу, этику, эстетику, старинные принципы ведения войны и другое²⁰³. Политическая элита осуждает поп-культуру и не рассматривает ее как часть «мягкой силы»: в августе 2010 г. министр культуры Цай У выступил с критикой влияния поп-культуры на оригинальную китайскую культуру, заявив, что правительство должно уделять больше внимания оригинальной китайской культуре. За две недели до этого председатель КНР Ху Цзиньтао сказал, что китайское культурное пространство полно тщеславия, вульгарности и китча. Через несколько недель на ТВ были закрыты реалити-шоу «Пригласи меня на свидание» и «Жажда любви» и открылся месячник китайской национальной культуры²⁰⁴.

Японское правительство и общество осознают, что «путь к культурному лидерству лежит не через пропаганду исключительности японской национальной культуры, а через распространение массовой культуры, бурное развитие которой объясняется сущностью потребительского общества, а также стремительным

---

²⁰² Wang J. Introduction: China's search on soft power // Soft power in China: Public Diplomacy through Communication. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 8.

²⁰³ Siow Wey-Shen Chinese domestic debates on soft power and public diplomacy// Asia Pacific Bulletin. 2010. № 86. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/apb086_3.pdf (дата обращения: 04.12.2013).

²⁰⁴ Соловьева Е.В. «Мягкая сила» - инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. – 2012. – №1. – С. 87.

развитием новых технологий. В отличие от традиционной культуры, не всегда доступной для понимания широкому кругу читателей и зрителей, японская массовая культура, построенная по мировым канонам этого жанра, при всем своем ярко выраженном национальном колорите, обладает универсальностью, обеспечивающей ей «доходчивость» даже в аудитории, весьма далекой от дальневосточной цивилизации»²⁰⁵. Во времена экономического доминирования Япония отступала перед культурной силой Запада, но сейчас ей удастся наращивать культурную силу. В ходе экономического кризиса японское общество превратилось из индустриального в поп-культурное, и именно популярная культура, собирающая вокруг себя поклонников манга и аниме (известных под собирательным именованием отаку), телевизионных передач, компьютерных игр, образуют культурный источник «мягкой силы» Японии. Фильмы анимэ предлагают миры, существующие в виде предупреждений или альтернатив современному обществу. Культурный багаж страны представляет собой сосредоточение на косвенном, невыраженном представлении системы ценностей через художественное выражение и создание объектов, в то время как практически отсутствует проектирование своей философии прямо и агрессивно в виде идей и слов²⁰⁶.

Особый интерес к Южной Корее среди населения других государств вызван своеобразием ее культуры. Показателем этой привлекательности является феномен «халлью» – новый тип культуры в Азии, так называемые «корейские волны». Указывается несколько источников этой культурной концепции:

- 1) она была придумана в Китае пекинским журналистом, пораженным популярностью Кореи и корейских товаров в Китае;
- 2) она возникла из-за популярности корейской музыки, мыльных опер и фильмов²⁰⁷.

---

²⁰⁵ Катасонова Е.Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М.: Вост. лит., 2012. С. 316.

²⁰⁶ Seiichi K. Wielding soft power. The key stages of transmission and reception // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. N.Y.: An East Gate Book. – 2008. – P. 194.

²⁰⁷ Cabalza C.B. Is [South] Korea open for soft power diplomacy? // Executive policy Brief. – 2011. – Vol. 1. – № 13. – P. 2.

Корейская культура основана на конфуцианских ценностях, включающих в себя уважение к власти, сыновнюю преданность, упорный труд и честность. Музыка, драма и другие аспекты культуры ценятся в Японии, Китае, США²⁰⁸. В последнее время в Южной Корее обнаружился особый интерес к исследованию феномена «халлю». Защищено большое количество докторских диссертаций, написано множество статей и книг, открыты новые кафедры и научно-исследовательские центры, занимающиеся вопросами «халлюлогии».

Во всех трех странах культура выступает одним из важнейших источников «мягкой силы». По сравнению с Японией и Южной Кореей, китайская традиционная культура все еще занимает высокие позиции с точки зрения производства «мягкой силы», но массовая культура Китая не является успешной по сравнению с другими странами. Популярность традиционной корейской культуры ниже, чем популярность современной поп-культуры. В целом же в Японии и Южной Корее наибольшее значение имеет именно поп-культура, выраженная в феноменах Cool Japan и Korean Wave.

Культура играет роль не только потенциала «мягкой силы» – она является видом деятельности в области культурной дипломатии (образовательные программы, обмены в сфере искусства, культуры и науки, спортивные события, языковые курсы). Медиа-дипломатия, культурная дипломатия, кибер-дипломатия и дипломатия помощи – это составные части *общественной дипломатии*.

В Китае концепция общественной дипломатии имеет меньший общественный резонанс, и сам этот термин трактуется неоднозначно. Общественная дипломатия чаще всего переводится как *duì wài xuan chuan* (внешняя пропаганда) или более нейтральным для западного уха термином *gonggong waijiao* (общественная дипломатия). Тем не менее, китайские лидеры в 2000-х годах достигли определенных результатов по интеграции общественной дипломатии в китайский дискурс и практику политики. Особенностью понимания общественной дипломатии в Китае является то, что в этой стране ее рассматривают как централизованный процесс общения с зарубежной

---

²⁰⁸ Nuri H.M. Rising soft power of South Korea // Pakistan observer. 2012. URL: <http://pakobserver.net/detailnews.asp?id=135052> (дата обращения: 14.04.2014).

аудиторией. В то же время некоторые исследователи утверждают, что в период постмодернистских международных отношений расширяются роли, значение, количество негосударственных акторов, хотя это и не очень устраивает правительство Китая. Китайские ученые и политики все больше признают, что негосударственные субъекты, такие как организации гражданского общества, бизнес-сообщества, университеты, научно-исследовательские учреждения, а также индивиды играют важную роль²⁰⁹.

В Японии термин общественная дипломатия (дословно на русский переводится как «информация и культура») не имеет фиксированной коннотации. Ее называют и «общественной дипломатией», и «культурной дипломатией». Ей занимаются как государственные, так и негосударственные субъекты. Япония проводила политику общественной дипломатии задолго до популярности манга и аниме, опираясь на Японский фонд, программы обмена студентов и преподавателей, японские зарубежные программы сотрудничества волонтеров и «Официальную помощь в целях развития» (Official Developmental Assistance). Японское правительство надеялось, что иностранные студенты, получившие образование в Японии, вернулись домой в качестве культурных послов и построили мосты сотрудничества между их странами и Японией.

В Южной Корее признали, что простая модель – «правительство – правительство» («government to government») уже стала нерабочей. Сейчас граждане Кореи значительно влияют на дипломатию страны. Это стало возможным благодаря значительным экономическим успехам государства и мировому процессу глобализации²¹⁰. В то же время, возникают определенные трудности при разработке политики общественной дипломатии из-за несогласованности деятельности различных властных структур (осуществлением общественной дипломатии параллельно занимаются ряд министерств и

---

²⁰⁹ D'Hooghe I. The expansion of China's public diplomacy system // *Soft power in China: public diplomacy through communication*. Palgrave MacMillan. – 2010. – P. 20.

²¹⁰ Ma Young Sam Korea's public diplomacy: a new initiative for the future // *The Asian Institute for policy studies*. 2012. URL: <http://en.asaninst.org/contents/issue-brief-no-39-koreas-public-diplomacy-a-new-initiative-for-the-future/> (дата обращения: 11.09.2014).

правительства муниципального уровня)²¹¹. Отсутствие координирующего центра по разработке стратегий и распределению ресурсов приводит к некоторой неэффективности.

Учреждения, образующие систему общественной дипломатии Китая, Японии и Южной Кореи, представлены в приложении (см. Приложение А, с. 153). Главными институтами, занимающимися вопросами общественной дипломатии в Японии и Южной Корее, являются министерства иностранных дел, тогда как в Китае основную роль играют Департамент публичности и Информационное бюро Госсовета КНР. Департамент публичности устанавливает правила игры и имеет последнее слово при принятии решений. Информационное бюро занимается выпуском белых бумаг, разъясняющих политику Китая по многим важным вопросам. Министерство иностранных дел Китая не берет на себя руководящую роль при разработке стратегий, однако также задействовано в управлении общественной дипломатией. Система общественной дипломатии Китая является вертикальной, задачи спускаются сверху вниз. В Японии в рамках Министерства иностранных дел в 2004 году был создан Департамент общественной дипломатии. Он занимается планированием политики общественной дипломатии, культурными вопросами и программами обмена. Для Южной Кореи характерна слабая институциональная основа системы общественной дипломатии, однако ситуация в данной стране начала меняться к лучшему с 2010 года, когда был создан Форум публичной дипломатии.

Таким образом, во всех исследуемых странах признано, что в настоящее время недостаточно классической дипломатии XX в. – сегодня важнейшим инструментом «мягкой силы» становится общественная дипломатия. Структурные элементы общественной дипломатии схожи во всех исследуемых странах. Это государственные органы (министерства образования и культуры, иностранных дел), специально созданные фонды и агентства, а далее следуют акторы гражданского общества. Как указано выше, культурная дипломатия является частью общественной дипломатии, и в названных странах ею

---

²¹¹ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 115.

занимаются Японский фонд, Институт Конфуция и Фонд Кореи. Это отнюдь не специфика данных государств, а общепринятая мировая практика. В ряде других стран тоже есть подобные организации. Например, Британский Совет (Великобритания), Институт Сервантеса (Испания), Институт Гёте (Германия), «Русский Мир» (Россия). Структуры общественной дипломатии в Южной Корее, Китае, Японии различаются по степени централизации. Самая большая централизация наблюдается в Китае, что, с одной стороны, показывает высокую степень озабоченности страны своим имиджем, желание побороть существующие негативные представления о стране, а с другой – снижает степень доверия к предоставляемой информации, однако даже в случае Китая происходит постоянное увеличение числа негосударственных акторов, осуществляющих общественную дипломатию. В отличие от Китая, в Японии правительство не очень охотно развивает общественную дипломатию, т.к. не желает полагаться лишь на государственные каналы. К тому же Япония в сфере общественной дипломатии традиционно делает акцент на элиту²¹². Южнокорейские исследователи предпочитают ориентироваться на сетевой опыт построения общественной дипломатии по образцу некоторых европейских стран, а не на китайскую централизованную систему.

Культурная дипломатия, наряду с ресурсной дипломатией – один из основных инструментов «мягкой силы» Китая. Институты Конфуция способствуют популяризации культуры Китая. В них ведется преподавание иностранцам упрощенной версии китайского языка Mandarin. Для детей китайских диаспор существует программа Travel to China to Find Your Roots²¹³. Несмотря на попытки увеличения культурной индустрии Китая, существует проблема пассивного баланса в торговле культурной продукцией – огромный импорт книг и академических работ из-за рубежа и небольшой экспорт. Например, «хотя при вступлении в ВТО в 2001 г. оговаривалось, что число покупаемых Китаем американских фильмов ограничивается 22 картинами в год, с

---

²¹² Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 115.

²¹³ Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия УрФУ. Общественные науки. – 2013. – №2. – С. 56.

2000-го по 2004 год импортировано 4332 картины, а число проданных китайских фильмов – очень незначительное. По данным официальной статистики, в 2004 году Китай купил в США права на издание 4068 книг, а продал туда права на 14»²¹⁴.

Характерной особенностью поведения Японии является маятник: за каждой эпохой открытости Японии миру следует период консервативной реакции. Например, тревога о потере родной культуры резко возросла в период после массовых заимствований из китайской культуры в VII–IX веках. С другой стороны, более двух веков уединений в период примерно 1600–1868 годов сменился желанием продемонстрировать культуру Японии миру²¹⁵. В начале XX в. Токио принял политику культурной дипломатии, основанную на спонсировании культурных мероприятий, в основном, связанных с Китаем. Однако эта инициатива была прервана в 1930-е годы после оккупации Маньчжурии. После Второй мировой войны Япония была сосредоточена на экономическом восстановлении и возвращении в мировое сообщество путем выплаты репараций и восстановления дипломатических отношений. После урегулирования этих вопросов и становления Японии как экономической сверхдержавы (начало 1970-х годов) она смогла обратить внимание на культурную дипломатию. В этот период был основан Японский фонд. В 1980-е годы Япония старалась выйти за рамки регулярных культурных обменов, в которые входили сумо, театр кабуки, японская традиционная культура. Японию узнавали в мире также и благодаря продуктам с клеймом «сделано в Японии».

Одним из важных инструментов культурной дипломатии Японии являются образовательные программы. Это, например, молодежная программа обмена The Japan Exchange and Teaching (JET, существует с 1987 г.). В 2005 году JET пригласила 5853 молодых людей из 44 стран в качестве преподавателей в школах Японии для увеличения международного взаимопонимания. К 2007 году JET суммарно проспонсировала около 43000 участников молодежной программы

---

²¹⁴ Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. – 2007. – № 6. – С. 52.

²¹⁵ McConnell D.L. Japan's image problem and soft power solution // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 20.

обмена. Численность иностранных студентов, обучающихся в Японии, поднялась с немногим более 40000 человек в 1990 году до 121812 в 2005 году²¹⁶.

Еще одной инициативой, относящейся к стратегическим инструментам «мягкой силы», призванным сгладить отношения между Японией и другими странами, является план премьер-министра Накасонэ Ясухиро по привлечению 100 000 иностранных студентов к 2000 году (увеличить с 10 000 в 1980 г. до 100 000 в 2000 г.). Цель была реализована в 2003 г., большинство студентов было из Китая и Кореи. В первые годы существования программы она не была успешной: студенты жаловались на плохие условия жизни, на образовательные услуги, предлагаемые принимающими организациями. Затем все удалось скорректировать, многие японские университеты улучшили инфраструктуру и программы обучения, подготовили японских специалистов по международному образованию, которые сами получили опыт и знания за рубежом. Более 90% иностранных студентов в Японии – из азиатских стран (Япония делает акцент в образовании на своих азиатских торговых партнерах), и большинство из них – китайцы. Менее 5% студентов – из Северной Америки и Европы. По примеру других стран Япония выделяет стипендии иностранным студентам, но ее возможности в этой сфере ограничены. Барьером является и необходимость освоения японского языка. Японии не удалось сделать образование сильным подспорьем «мягкой силы». В целом, послевоенное японское правительство уделяло больше внимания экономическому сотрудничеству, чем культурной дипломатии как средству улучшения отношений Японии с миром и ее имиджа в других странах, особенно, в развивающихся²¹⁷, и лишь после улучшения экономических связей внимание было обращено на культурную сферу.

Южная Корея занимается культурной дипломатией несколькими путями, включающими продвижение поп-культуры, языка, традиционной кухни и искусства. Хотя корейские волны («халлю») несколько ослабли в последние годы, корейское правительство пытается поддержать их путем субсидирования

---

²¹⁶ Altbach P.G., McGill Peterson P. Higher education as a projection of America's soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 46.

²¹⁷ Naoyuki A. Japan does soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United. NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 229.

производства некоторых корейских драм, фильмов, документального кино, так как высокие затраты на производство – одна из причин упадка волн. Один из последних крупных проектов правительства – распространение корейского языка. Министерство культуры, спорта и туризма планирует объединить все институты корейского языка по всему миру под одним названием – The King Sejong Institute – в память о царе, который изобрел корейский алфавит. Мероприятия, связанные с продвижением корейского искусства (например, художественные выставки), курирует Министерство иностранных дел и торговли. Кроме того, Корея участвует в восьми межправительственных комитетах ЮНЕСКО, она старается брать на себя больше ответственности и инициативы при формировании глобальных культурных дебатов. Так, в 2008 г. Южная Корея стала членом межправительственного комитета нематериального культурного наследия, и в сентябре 2009 г. пять традиционных танцев и ритуалов Кореи были добавлены в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО²¹⁸. Кроме того, есть следующие инициативы:

- проект «Наслаждайтесь Тхэквондо», направленный на продвижение национального спорта с поддержкой фильмов и видео-игр, отправка большого количества инструкторов за рубеж, построение выставочного центра в Корее и др.;
- проект «Campus Asia», назначение которого – поиск и обучение талантливых молодых людей из азиатских стран;
- участие в тендерах на проведение спортивных мероприятий (Корее удалось получить право проводить Зимние Олимпийские игры 2018 г. в городе Пхёнчхан);
- учреждение стипендии «Глобальная Корея» для иностранных студентов;
- кампания по поощрению корейцев быть более доброжелательными и гостеприимными по отношению к иностранцам (стимулирование открытости у

---

²¹⁸ Kim R. South Korean cultural diplomacy and efforts to promote the ROK's brand image in the US and around the world // Stanford. 2011. С. 127. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://web.stanford.edu/group/sjeaa/journal111/Korea2.pdf> (дата обращения: 16.09.2014).

самих корейцев посредством реализации программ обмена, отправки добровольцев за рубеж, создания культурных центров, в которых бы жители Южной Кореи узнавали о других культурах)²¹⁹.

Среди исследуемых стран самый большой опыт в продвижении своей культуры в мире имеет Япония. Так, американцы лучше знакомы с японской культурой, чем с китайской или корейской. В Китае необходимость решения экономических задач отодвинула на второй план проблему продвижения культуры за рубеж. Теперь приходится заниматься этим вопросом в ускоренном темпе. В результате Китай встретил интерес к себе, ведь его физический размер, растущая экономика и большое количество населения трудно игнорировать. По сравнению с Японией, продвигающей общественную и культурную дипломатию различными путями, система Южной Кореи более централизована, что может помочь ей правильно распределять ресурсы и отслеживать результаты.

Сравнивая устройство и особенности функционирования фондов, являющихся основными проводниками и генератором «мягкой силы» (китайский Институт Конфуция, Японский фонд и Фонд Кореи – см. Приложение Б, с. 156), можно отметить следующее: все эти организации являются некоммерческими организациями, аффилированными с государственной структурой (МИДом или министерством образования). Часть их бюджета формируется за счет правительственных взносов, а часть – за счет пожертвований и самостоятельных доходов. В случае Китая, открывшего за сравнительно небольшой период времени огромное количество учебных центров, половину расходов берет на себя принимающий ВУЗ. В целом же Южная Корея отстает от Японии и Китая по количеству иностранных студентов. В 2010 г. Южная Корея привлекла 84000 иностранных студентов, это число относительно низкое (сравните с США – 600000, Китай – 265000, поэтому в Азии он обеспечил себе лидерство; раньше азиатским лидером была Япония; Япония – 141774 студента)²²⁰. Немалую роль здесь играет не только качество образовательных услуг, но и обеспечение

---

²¹⁹ Ibid. P. 126.

²²⁰ Luguusharav B. Soft power in the context of South Korea // CEU Library. 2011. P. 37. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.etd.ceu.hu/2011/luguusharav_byambakhand.pdf (дата обращения: 28.05.2014).

стипендиями студентов. Так, в 2010 финансовом году Китай выделил на стипендии иностранным студентам 880 миллионов юаней (880 000 000 евро). В Японии по состоянию на май 2010 года всего 10 168 студентов обучались за счет правительственной поддержки. В 2010 г. корейское правительство выделило 51,5 млрд. южнокорейских вон (36 973 247 евро) для поддержки студентов на программы Global Korea Scholarship²²¹. Согласно целям, изложенным в Национальном плане долгосрочной и среднесрочной реформы образования и развития на период 2010–2020 гг., Китай желает увеличить число иностранных студентов до 500 000 в 2020 году. Ожидается, что Китай станет крупнейшим пунктом учебы иностранных студентов в Азии и, возможно, в мире после США. Для этого министерство образования Китая облегчает визовый режим для студентов, увеличивает количество стипендий, вводит большое количество курсов на английском языке. Так же, как и Китай, Япония планирует увеличить количество иностранных студентов со 120 000 в 2011 году до 300 000 к 2020 году.

В приложении приведен сравнительный анализ роли государства, продвижения языка и культуры при увеличении «мягкой силы» (см. Приложение В, с. 160). Сравнение подтверждает, что слишком агрессивное вмешательство государства в общественную дипломатию и продвижение культуры рождает тревожное отношение и даже сопротивление. Желание выучить иностранный язык может быть вызвано двумя основными причинами: 1) стремлением потреблять культурные продукты страны, вызывающей притяжение; 2) намерением построить успешную карьеру, развивать бизнес. Первый фактор – результат действия «мягкой силы». Второй фактор можно считать результатом воздействия «мягкой силы» только в том случае, если исследователь рассматривает «мягкую силу» как побочный продукт богатства и славы и признает существование экономического притяжения. Практика подтверждает, что популяризация культуры не во всех случаях выступает инструментом «мягкой силы». В случаях сильных политических или культурных противоречий, ясно осознаваемых национальных интересов она обнаруживает низкую эффективность,

---

²²¹ Ibid. P. 40.

кроме того, надо учитывать долгосрочность воздействия. Возможно, что иностранная молодежь, воспитанная на Korean Waves и J-Cool, будет более лояльна по отношению к Южной Корее и Японии.

Существуют и другие направления общественной дипломатии, которые исследуемые страны развивают для увеличения «мягкой силы». Китай сделал ставку на развитие СМИ с целью завоевания симпатий мировой общественности. Утверждается, что этой стране нужно значительно развить «власть дискурса»²²². *Китайские аналитики отклоняются от концепции Дж. Ная посредством дополнения ее пунктом «влияние массмедиа».* Они утверждают, что эффективность в сфере массовых коммуникаций также является важным аспектом «мягкой силы» государства, они впечатлены доминирующей ролью западных СМИ. Китай резко повысил инвестирование в свои международные СМИ с целью увеличения влияния страны, демонстрации своего роста как великой державы спокойным и неконфронтационным образом. Центральное телевидение Китая (CCTV), новостное агентство «Синьхуа» (Xinhua), газета «Жэньминь жибао», – все эти организации получают вливания от правительства для совершения амбициозной глобальной экспансии. Новостные программы пытаются представить свою версию мировых событий и проблем, альтернативную доминирующим в мире западным мнениям. Новости о Китае не ограничиваются политикой: уделяется достаточно внимания новостям о культурных и экономических достижениях Китая.

На практике оказывается, что большинство респондентов смотрят передачи об истории и культуре Китая, но их почти не привлекают новостные программы Китая. Увеличение «мягкой силы» – это не только результат подачи информации, но и результат хорошей коммуникации с аудиторией. Существует дефицит доверия к поставляемой информации. Государство и КПК продолжают осуществлять контроль над формированием новостей. Респонденты считают, что Китаю будет трудно завоевать сердца и ума за рубежом, пока не будет решен

---

²²² Siow Wey-Shen Chinese domestic debates on soft power and public diplomacy// Asia Pacific Bulletin. 2010. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/apb086_3.pdf (дата обращения: 04.12.2013).

вопрос с доверием и правительственным контролем. Китаю нужно более независимое иностранное телевизионное вещание²²³.

Использование собственных СМИ и вложения инвестиций в африканские медиа-конгломераты и, как следствие, партнерство с местными элитами – одна из стратегий завоевания симпатии африканских стран Китаем. Африканцы, в свою очередь, полагают, что западные СМИ изображают Африку как «шрам на совести мира», который нуждается в постоянной поддержке и помощи, а «Голос Китая» способствует смене негативных рассказов о странах третьего мира на более реалистичные и взвешенные. Кроме того, при помощи СМИ Китай пытается убедить африканцев в своих добрых намереньях²²⁴.

Китай, Япония и Южная Корея успешно применяют и иные виды дипломатии. Все три страны освоили дипломатию помощи. Каковы *слагаемые дипломатии помощи*? Это предоставление технологической, гуманитарной, экономической, медицинской и образовательной помощи. Помощь в форме передачи опыта и кризисная дипломатия также относятся к этой сфере.

Кроме дипломатии помощи, существуют специфические виды дипломатии, к которым прибегают страны. Например, в Японии – это императорская дипломатия.

Китай оказывает помощь государствам региона и развивающимся странам. Во время азиатского финансового кризиса в 1997–1998 гг. Пекин выделил средства государствам, страдающим от кризиса. Несмотря на небольшой размер средств, сама инициатива помощи соседям, имеющим серьезные трудности, принесла уважение китайской дипломатии. Кроме того, Китай стал принимать более активное участие в операциях по поддержанию мира (в миротворческих миссиях ООН) во многих странах, а особенно в Африке. Китай разослал около

---

²²³ Znang X. China's international broadcasting: a case study of CCTV International, // *Soft power in China public diplomacy*. Palgrave Macmillan. – 2011. – P. 68.

²²⁴ Pretorius C. Voice of China: in pursuit of soft power // *Consultancy Africa Intelligence*. 2012. URL: http://www.consultancyafrica.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1351:voice-of-china-in-pursuit-of-soft-power&catid=58:asia-dimension-discussion-papers&Itemid=264 (дата обращения: 02. 12.2013)

15000 врачей в более 47 африканских стран и оказал медицинскую помощь более 180 млн. африканских пациентов²²⁵.

В 2011 г. китайское правительство выпустило первую «White paper» – документ, в котором приводятся численные данные по иностранной помощи для развития. Согласно «White paper», в 2009 г. 45,7% помощи ушло в Африку, 32,8% помощи – в Азию. Все это составляет 0,02% от валового национального дохода²²⁶.

Китай фокусирует большую часть своих усилий по распространению «мягкой силы» в следующих регионах: Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, Африка, где плохие экономические условия и слабая забота со стороны Запада делают эти территории восприимчивыми к «мягкой силе» Китая. Китай нуждается в энергетических и природных ресурсах (медь, бокситы, уран); 1/3 нефти он получает от Африки. Китай инвестирует в Африку, чтобы получить доступ к обширным ресурсам континента, из-за чего это направление деятельности называют *ресурсной дипломатией*. Инвестиции Китая дают ему новые политические и экономические рычаги, рынок сбыта китайских товаров народного потребления, а также открывают доступ в африканский бизнес китайским строительным компаниям, нефтяным предприятиям. Китай инвестирует в Африку на определенных условиях:

- 1) признание Тайваня частью КНР;
- 2) льготные условия китайским компаниям, возможность компаний выигрывать контракты по строительству и развитию инфраструктуры.

Китай оказывает помощь Африке во многом через Экспортно-импортный банк. Он предоставляет кредиты вместо грантов, так как первые обеспечивают ему рычаги влияния²²⁷. Африканские лидеры ценят то, что Китай при оказании помощи не вмешивается во внутренние дела их стран. Кроме того, Китай готов инвестировать в те области, которые западные инвесторы считают слишком рискованными. В Латинской Америке Китай особенно активен в отношении

---

²²⁵ Luguusharav B. Soft power in the context of South Korea // CEU Library. 2011. P. 23. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.etd.ceu.hu/2011/luguusharav_byambakhand.pdf (дата обращения: 28.05.2014).

²²⁶ Wilson J.L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy. American Political Science Association, 2013. P. 33.

²²⁷ Wenks K. Are we tracking the dragon? Ensuring the intelligence community is properly postured to monitor an Emerging China // Paper book of Naval postgraduate school, 2008. 101 p.

Бразилии и Венесуэлы, являющихся экономическими, политическими и энергетическими региональными лидерами.

Япония из-за конституционных ограничений, вызванных ее милитаристским прошлым, была вынуждена налаживать отношения с другими государствами, следуя принципам «мягкой силы». Япония стала использовать иностранную помощь для улучшения дипломатических отношений с двумя ключевыми соседями – Китаем и Южной Кореей. Япония предоставила этим двум странам значительные суммы иностранной помощи, заменяющие военные репарации. Эта помощь была важна для организации более гладкого процесса подписания договора 1965 г. о нормализации отношений с Сеулом и договора 1972 г. с Китаем. Один из инструментов сотрудничества Японии в отношении Восточной Азии была ОПР (официальная помощь в целях развития). В 1980-х и 1990-х годах, Япония была одним из ведущих поставщиков иностранной помощи в мире. За короткое время она предоставила большую финансовую помощь, близкую к 9 млрд. долл. в год. Вначале ОПР была тесно связана с японскими коммерческими и бюрократическими интересами. После обнародования Устава ОПР в 1994 г. японская внешняя политика перешла на работу с более широкими целями (охрана окружающей среды, разоружение и др.). Благодаря быстрой экономической модернизации после Второй мировой войны Япония приобрела значительный авторитет в Восточной Азии. В 1980-х годах такие страны, как Южная Корея, Индонезия, Малайзия пытались подражать японской модели индустриализации, руководимой государством. Однако с тех пор как японская экономика мыльного пузыря лопнула в начале 1990-х годов, экономическая модель (модель «летающих гусей», которая представляет собой связку «лидер – последователи» и подразумевает технологическое развитие по примеру стран, находящихся непосредственно перед ними в цепочке развития; модель включает в себя три стадии: появление импорта, развитие местного производства, экспорт продукции на новые рынки) потеряла часть своей привлекательности в Восточной Азии, но полностью «мягкая сила» Японии в экономической сфере не исчезла.

Последние опросы азиатских элит показывают, что экономическая роль Японии в регионе получает в целом положительную оценку²²⁸.

Южнокорейские ученые признают успешный опыт быстрой модернизации и демократизации ресурсом «мягкой силы» страны. В 1950-е годы Корея считалась безнадежным получателем помощи, которая не сможет развиваться в ближайшее время. «В 1960 г. экономический уровень страны был почти таким же, как у Ганы, одной из самых богатых стран Африки, на тот момент недавно получивших независимость. Сегодня эти две страны сильно отличаются друг от друга: Южная Корея стала 11-ой по величине экономикой мира»²²⁹. Корею удалось совершить скачок после того, как она ввела два основных направления развития: 1) развитие человеческих ресурсов; 2) индустриализацию, ориентированную на экспорт, а также занялась улучшением инфраструктуры. В этой стране защищены права человека, свобода слова, развиты демократические институты. Южная Корея из страны-реципиента помощи в 1995 г. превратилась в страну-донора. Ее объем ОПР (Официальной помощи в целях развития) увеличился: если в 1995 г. он был 183 млн. долл., то в 2007 г. стал 680 млн. долл.²³⁰. «ОПР рассматривается не только как финансовая помощь, но и как успешный опыт развития страны, который сам по себе «мягкая сила»²³¹.

Итак, для КНР экономические соображения – важный мотив для оказания помощи. Китай старается не вмешиваться во внутренние дела стран и не выставляет политических требований. Подобно Китаю, Южная Корея еще не предъявляла как условие для оказания помощи пункт «соблюдение прав

²²⁸ Garvizu N. Japan's soft power: the dissemination by the Japanese cultural industry of pop culture to South Korea // Academia. 2013. URL: https://www.academia.edu/3517815/Japans_soft_power_the_dissemination_by_the_Japanese_cultural_industry_of_pop_culture_to_South_Korea (дата обращения: 14.01.2014).

²²⁹ Най Дж. Растущая мягкая сила Южной Кореи // Project syndicate. 2010. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power?version=russian&barrier=true>. – 2009. (дата обращения: 07.04.2014).

²³⁰ Nuri H.M. Rising soft power of South Korea // Pakistan observer. 2012. URL: <http://pakobserver.net/detailnews.asp?id=135052> (дата обращения: 14.04.2014).

²³¹ Lee S.J. South Korea's Soft Power Diplomacy // East Asia Institute. 2009. P. 1. URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=1310000000&code=eng_report&idx=8593&page=5 (дата обращения: 22.04.2014).

человека»²³². До недавнего времени китайское руководство не предоставляло никакой информации о размерах помощи, но с 2011 г. ориентация на открытость миру стала причиной выпуска «White paper». Китай в настоящее время не является членом ОЭСР (Организация экономической помощи и развития), однако все теснее сотрудничает с данной организацией и принимает участие в работе многих ее комитетов, тогда как и Япония, и Корея участвуют в программе Официальной помощи в целях развития (термин, введенный ОЭСР для измерения помощи). В 2013 г. Япония выделила 11 786 млн. \$ (0,23 % от ВНД - Валового Национального Дохода), Южная Корея – 1774 млн. \$ (0,13% от ВНД). Для сравнения: вклад Норвегии – 5 581 млн. \$ (что составляет самый большой процент от ВНД - 1.07%), Великобритании – 17 881 (0.72%), США – 31 545 (самый большой физический взнос, однако в долях от ВНД это всего 0.19%)²³³.

Японское экономическое влияние в АТР, благодаря программам помощи и тесному экономическому сотрудничеству, является довольно сильным, и это является частью стремления к региональной интеграции. Однако это совсем не та интеграция, которая произошла в Европе: в случае Азии происходит интеграция рынков, а не политическая интеграция. Таким образом, Япония в настоящее время не может перенести свою «мягкую силу» в политическую сферу.

Несмотря на то, что исследуемые страны подчеркивают компонент помощи, различия между ними есть: если Китай может послать большое количество своих работников в Африку, то Корея и Япония этого делать не могут (относительная стоимость китайской рабочей силы меньше). Размер программ, их финансирование гораздо больше у Китая.

Можно отметить и другие направления дипломатии, которые развивают вышеуказанные страны, а также другие позиции, которые являются реальным или потенциальным источником «мягкой силы» стран: это научная и технологическая дипломатия в Японии (*Science and Technology Diplomacy*). Данный вид

---

²³² Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 116.

²³³ ODA Statistics // OECD. 2013. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.oecd.org/dac/stats/documentupload/ODA%202013%20Tables%20and%20Charts%20En.pdf> (дата обращения: 22.09.2014).

дипломатии должен связать науку и технологию с внешней политикой, чтобы добиться их взаимного развития. Кроме того, ее целями являются открытие японского научного сообщества миру, окончание периода замкнутости и интровертированности этого сообщества, а также создание имиджа страны высоких технологий. В Южной Корее и Китае нет подобного выделенного направления, однако эти страны тоже стремятся заниматься наукоемкими отраслями и позиционировать себя как производители научных и технических знаний. Одним из интересных исторических примеров дипломатии Японии являлась «императорская дипломатия», возникшая в 70-е годы XX в. Некоторые исследователи упоминают о «мягкой силе» японских корпораций, японские технологии менеджмента («кружки качества», система «точно в срок»). В этом отношении не отстает от Японии Южная Корея: корейская трудовая этика очаровывает всех иностранцев, которые взаимодействовали с корейцами. Корейская культура на рабочем месте «*rali rali*» («быстро-быстро») является примером эффективности, ценятся также чуткость ко времени, социальная этика правдивости, искренности, внутреннее нежелание работать в ущерб качеству продукции²³⁴.

Источником «мягкой силы» государства может выступать даже то, что обычно относится к «жесткой силе». Таким ресурсом могут быть военные в том случае, если они помогают выстраивать мир и вызывают симпатии. Так, Китай взял на себя больше международной ответственности, посылая своих специалистов в международные поисково-спасательные команды после землетрясений на Гаити и в Чили, способствовал послевоенному восстановлению в Афганистане, участвовал в миротворческих миссиях.

Запрет на ведение войны в Японии наложил свой отпечаток на восприятие данной страны. Некоторые ученые указывают на то, что «мягкая сила» лучше всего работает в сочетании с «жесткой силой», из-за чего слабость «жесткой силы» Японии подрывает «мягкую силу». Однако надо учитывать, что данное государство не совсем беззащитно: несмотря на запреты ведения войны, Япония

---

²³⁴ Nuri H.M. Rising soft power of South Korea // Pakistan observer. 2012. URL: <http://pakobserver.net/detailnews.asp?id=135052> (дата обращения: 14.04.2014).

тратит довольно много средств на силы самообороны, она находится на седьмом месте по количеству военных расходов после США, ЕС, Китая, России, Великобритании и Франции. Время от времени поднимается вопрос об изменении конституции, но пока положения о военных ограничениях не отменили. Кроме того, встречались случаи, когда японские силы самообороны были вовлечены в политику общественной дипломатии: будучи дислоцированы в Ираке, они заслужили доверие иракского народа благодаря трудолюбию, дисциплинированности, высокому моральному духу, доброй воле, дружелюбию. В 2004 г. на свои грузовики, отправленные в Ирак, художники нанесли изображения персонажей японских мультфильмов, популярных в Ираке, смягчая тем самым отношение местных жителей к японским военным²³⁵.

Таким образом, так же, как и в теории Дж. Ная, важнейшим источником «мягкой силы» признается культура, причем если в Китае это традиционная культура, то в Южной Корее и Японии это популярная культура. Выше было сказано, что культура – лишь потенциальный источник «мягкой силы», и практика подтверждает, что он не приносит больших дивидендов в случае давних обид и острых противоречий, а также требует долгосрочного воздействия. Кроме того, оказывается, что «мягкая сила» гораздо сильнее зависит от «жесткой силы», чем предполагалось изначально. Примеры Китая, Японии и Южной Кореи говорят о том, что экономика является одним из важнейших источников привлекательности: это модель развития Японии (модель «летающих гусей», которая способствовала подражанию вплоть до экономического кризиса), успешный опыт модернизации и демократизации Южной Кореи, преодоление этой страной экономической отсталости, а также беспрецедентный рост Китая, рождающий очарование его будущим, несмотря на отсутствие западных стандартов демократии в данной стране. Практическая реализация политики «мягкой силы» (институты, инструменты и технологии) довольно схожа: во всех трех странах основное внимание уделяется развитию общественной дипломатии,

---

²³⁵ Peng Er Lam Japan's quest for «soft power»: attraction and limitation // East Asia. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf (дата обращения: 20.01.2014).

но присутствуют и национальные особенности (ресурсный акцент и активное использование СМИ у Китая, научно-технологическая и императорская дипломатии в Японии, субсидирование производства культурных продуктов в Южной Корее).

2.3. Политические ресурсы и практики «мягкой силы»

Немаловажными ресурсами «мягкой силы», по мнению Дж. Ная, наряду с культурой, являются политические ценности (в случае, если они обладают популярностью внутри страны и за ее пределами) и внешняя политика (если она считается легитимной, имеет моральный авторитет)²³⁶.

Как и в случае с культурой, необходимо разделять политическую сферу на политические ресурсы «мягкой силы» и на деятельность, направленную на освоение и управление этими ресурсами.

Ситуативность «мягкой силы» наиболее ярко проявляется в отношении *Китая*: в странах мира нет единодушия в восприятии политических инициатив и ценностей этого государства. Даже в китайских исследованиях нередко делается акцент на относительном характере культуры и идеологии. При этом американский анализ «мягкой силы» обычно имеет более пропагандистский характер идеологии, общественно-политического строя, верований и принципов. Эта линия отражается в политическом и экономическом поведении Китая на международной арене²³⁷.

Китай проявляет осторожность, не продвигая свою политическую систему как эталонную, чтобы не создавать напряжения в отношениях со странами Запада. Несмотря на это, в некоторых азиатских, африканских и латиноамериканских государствах идея «Пекинского консенсуса» стала привлекательной. Данный термин был введен в оборот американским политологом Джошуа Купером Рамо, и быстро прижился в политических и академических кругах. Пекинский

---

²³⁶ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P. 10.

²³⁷ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 116.

консенсус – нисходящий подход к экономическому развитию: рыночная экономика подпитывается стремлениями к инновациям и постоянными экспериментами, регулируется государством и гарантирует политическую и социальную стабильность, основанную на политическом самоопределении. Это альтернатива Вашингтонскому консенсусу, подчеркивающему важность экономического развития на основе свободного рынка и политической демократии²³⁸. «Пекинский консенсус» противопоставляется «Вашингтонскому консенсусу» Всемирного банка и МВФ. Китайское руководство, несмотря на приверженность марксизму-ленинизму, не проявляет интереса в продвижении политической модели для подражания²³⁹, но привлекательность «Пекинского консенсуса» позволяет утверждать наличие факта пассивного потенциала «мягкой силы». Для недемократических государств особенно значимо то, что Китай выбрал свой путь развития.

Управление политическими ресурсами «мягкой силы», инициативы Китая:

Китайское руководство прикладывает много усилий для создания привлекательного образа страны. Одна за другой разрабатываются три «больших идеи». С конца 2003 г. продвигается концепция «мирного подъема», так как подъем самого Китая зависел от открытой, мирной, стабильной международной среды. Этот лозунг был впервые представлен во время выступления проректора Центральной партийной школы КПК Чжэн Бицзяня. По его мнению, политический имидж Китая должен характеризоваться мирной властью, цивилизованной властью и дружелюбной властью²⁴⁰. Само слово «подъем» звучало несколько агрессивно, поэтому за «мирным подъемом» последовала стратегия «мирного развития». Она появилась в 2004 г., и в конце 2005 г. ее сменила стратегия «гармоничного мира». Идею «гармоничного мира» впервые выдвинул лидер Китая Ху Цзиньтао в апреле 2005 г.

---

²³⁸ Hongmei L., Tang L. Chinese corporate diplomacy: Huawei's CSR discourse in Africa // Soft power in China public diplomacy. Palgrave Macmillan. – 2011. – P. 96.

²³⁹ Wilson J.L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy. American Political Science Association, 2013. 33 p.

²⁴⁰ Wenks K. Are we tracking the dragon? Ensuring the intelligence community is properly postured to monitor an Emerging China // Paper book of Naval postgraduate school, 2008. 101 p.

Существует мнение, что идея «гармоничного мира» имеет много общего с теорией глобального управления: обе они коренятся в заботе о судьбе человечества, подчеркивают важность решения общих вопросов посредством международного сотрудничества, выступают против «мира, управляемого Америкой», подчеркивают повышение роли ООН и настойчиво утверждают новый мировой политико-экономический порядок²⁴¹. Сам принцип гармонии, хорошо укладывающийся в логику «мягкой силы», часто обсуждается в Китае. Гармония призвана способствовать тому, чтобы на Китай смотрели как на стабильного, надежного, ответственного партнера, растущую экономическую державу, которая не вызывает страх у стран мира²⁴². В идею гармонии входит принцип гармонии без подавления различий (*he er bu tong*), утверждающий разнообразие, получение уважения благодаря добродетели. Относительным характером институтов и идеологии утверждается как инаковость китайской политической системы, так и оправдываются сношения с недемократическими странами.

Попытки увеличения моральной власти в международных отношениях – потребность всех растущих держав. Китай пытается внести нормативный вклад в международные отношения, он уже огласил, так называемые, принципы мирного сосуществования. Их пять: демократизация международных отношений (*guoji guanxi minzhu hua*), безопасность на основе сотрудничества (*xin anquan guan*), проявление уважения к культурному разнообразию народов мира, гармоничное общество, оказание экономической поддержки без выдвигания политических требований²⁴³. КНР часто обвиняют в нарушении прав человека. Правительство Китая утвердило «Национальный план действий по правам человека в Китае». В нем выделяются основные цели работы властей в данной области, а также меры по улучшению ситуации. Для ознакомления мирового сообщества с успехами в этой сфере 26 сентября 2010 г. была «опубликована Белая книга «Прогресс Китая

²⁴¹ Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. – 2007. – № 6. – С. 43.

²⁴² D'Hooghe I. The limits of China's soft power in Europe // Clingendael diplomacy papers. – 2010. – № 25. – P. 5.

²⁴³ Korea's soft power and East Asia. Verbatim report of the conference // The Brookings Institution. 2010. P.43. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения: 26.04.2014).

в области защиты прав человека в 2009 г.». В ней приведены многочисленные факты, свидетельствующие о последних успехах Китая в семи основных сферах защиты прав человека (права населения на существование и развитие, гражданские и политические права, юридическое обеспечение прав человека, социально-экономические и культурные права, равные права представителей нацменьшинств и их специальная защита, права и интересы лиц с ограниченными умственными и физическими возможностями, внешние связи и сотрудничество в сфере прав человека)»²⁴⁴.

Нормативную силу государства можно оценить по его деятельности в международных организациях и форумах, стремлении влиять на повестку дня.

Китай выступал за создание ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). Он является активным партнером АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), членом АСЕАН +3, G-20 (Большой двадцатки). В 2001 г. была создана зона свободной торговли Китай – АСЕАН. Активное участие Китая в ШОС и АСЕАН отражает растущее признание Пекином многосторонних подходов к решению вопросов безопасности и экономики. Китай показывает, что он желает большей прозрачности в некоторых военных вопросах. Например, в 2003 г. на региональном форуме АСЕАН во время совещания министров иностранных дел Китай предложил увеличить военные обмены и создать ежегодные консультации по политике безопасности. Китай пытается уменьшить опасения других стран из-за роста его военной силы²⁴⁵, стремится показать себя ответственным глобальным игроком, увеличить дипломатическую гибкость. Важность АСЕАН для Китая объясняется стремлениями Китая создать мирную и благополучную область вдоль своих границ, укрепить связи с этническими китайцами, проживающими в Юго-Восточной Азии, обеспечить выход к Индийскому Океану, противостоять США и Японии в соревновании за доминирование в регионе.

---

²⁴⁴ Соловьева Е.В. «Мягкая сила» - инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. – 2012. – №1. – С. 86.

²⁴⁵ Wenks K. Are we tracking the dragon? Ensuring the intelligence community is properly postured to monitor an Emerging China // Paper book of Naval postgraduate school, 2008. 101 p.

Япония – пример большой и развитой страны, чья внешняя политика основана на принципах «мягкой силы». Действительно: 9 статья Конституции, являющаяся следствием поражения Японии во Второй Мировой войне и оккупации ее территории США, запрещает использование силы и угрозу ее использования во внешней политике. Из-за этих ограничений Японии приходилось сотрудничать с другими странами²⁴⁶.

Сегодня Япония имеет имидж носителя демократических ценностей. Однако, ей есть к чему стремиться: в отличие от Соединенных Штатов, она не воспринимается как пример в области прав человека и демократии, транслятор универсальных ценностей. Всему виной ее имперское прошлое и дискриминация некоторых групп населения (корейцев, рожденных в Японии, и буракуминов). Кроме того, нередко выдвигаются опасения о том, что ее высшие круги отчасти остаются элитарными и покорными США²⁴⁷. Также перед политическими лидерами Японии нередко стоит проблема достижения консенсуса, поддержание баланса между группами. Несоблюдение этого баланса ведет к сложностям в координации и управлении. Эта особенность в совокупности с союзом с США ведет к отсутствию реального политического лидерства, что просматривается как во внутривнутриполитической, так и внешнеполитической деятельности.

Управление политическими ресурсами «мягкой силы», инициативы Японии:

После Второй Мировой войны Япония приняла Конституцию Мира, Три Антиядерных принципа, политику сдерживания сил самообороны, однопроцентный госбюджет на оборону²⁴⁸. Во внешней политике эта страна с 1970-х годов делает акцент на отношения с США, так как японско-американский альянс – базис внешней политики Японии, и АСЕАН, так как в странах АСЕАН находятся японские рынки сбыта и из-за энергетической безопасности –

²⁴⁶ Garvizu N. Japan's soft power: the dissemination by the Japanese cultural industry of pop culture to South Korea // Academia. 2013. URL: https://www.academia.edu/3517815/Japans_soft_power_the_dissemination_by_the_Japanese_cultural_industry_of_pop_culture_to_South_Korea (дата обращения: 26.09.2014).

²⁴⁷ Matsuda T. Soft power and its perils: U.S. cultural policy in early postwar Japan and permanent dependency. Stanford University Press, 2007. 394 p.

²⁴⁸ Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. 2012. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.UOLvAKh_tyw (дата обращения: 08.04.2014).

большинство японских нефтяных танкеров проходят в водах Юго-Восточной Азии; кроме того, при помощи АСЕАН Япония стремится расширять свое международное политическое влияние в мире. В целях достижения более тесных отношений с государствами АСЕАН, Япония следует принципам «мягкой силы» в течение последних лет. Как и у Китая, в качестве инструментов «мягкой силы» Японии выступают иностранная помощь, народная дипломатия (people-to-people contact) через социальные и культурные обмены²⁴⁹.

В основе отношений Японии со странами АСЕАН лежит «доктрина Фукуда» (по имени японского премьер-министра, занимавшего пост в 1976–1978 гг.), которая гласит, что Япония не будет военным государством; она станет сотрудничать со странами АСЕАН на основе принципов равноправия и партнерства²⁵⁰. Эти принципы сослужили хорошую службу по отношению к региону, который в то время пытался выйти из колониальной эпохи и получить большую независимость от внешних доминирующих сил. Тем не менее, японская «мягкая сила» в регионе начала таять во время уменьшения экономических успехов данной страны²⁵¹. С другой стороны, исследователи указывают на фактор, ограничивающий Японию, – быстро увеличивающуюся конкуренцию со стороны двух азиатских титанов – Индии и Китая²⁵².

В *Южной Корее*, как и в Японии, хорошо защищены права человека и неприкосновенна свобода слова. В стране установлены демократическая политическая система, свободные выборы с возможностью мирного перехода власти. Препятствием к уверенному политическому курсу является беспорядок в политической системе: согласно данным Фонда «Хансум», среди стран «Большой Двдцатки» Южная Корея занимает 16-е место в области эффективности законодательных действий и 17-е – в сфере эффективности политики и стабильности. По отчету этого фонда, «низкие позиции неудивительны, учитывая

---

²⁴⁹ Hsiao H.M., Yang A. Soft power politics in the Asia Pacific: Chinese and Japanese quests for regional leadership // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2009. URL: http://www.japanfocus.org/-a_-yang/3054 (дата обращения: 26.09.2014).

²⁵⁰ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 117.

²⁵¹ Konishi W. Same bed, different dreams: China and Japan as soft power rivals // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 143.

²⁵² Катасонова Е.Л. Япония и ее инструменты мягкой силы // Ассоциация японоведов. 2013. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения: 01.04.2014).

традиционно сильные столкновения между правящими и оппозиционными партиями по определенным чувствительным вопросам, а также учитывая бесконечные скандалы с взяточничеством, в которых замешаны политики»²⁵³. Улучшение ситуации в этих сферах увеличило бы «мягкую силу» Южной Кореи, но уже сам факт существования открытого общества, в котором возможна свободная критика, делает это государство привлекательным.

Корея воспринимается сегодня как страна, обладающая средним силовым потенциалом («middle power»), она не рассчитывает конкурировать с крупными силами («major powers») – Китаем и Японией с точки зрения «жесткой силы» (то есть военной и экономической сил). С другой стороны, положительным является то, что и Китай, и Япония рассматривают «корейскую волну» позитивно, более позитивно, чем они смотрят друг на друга²⁵⁴. Это очень важно, т.к. Южная Корея уделяет особое внимание отношениям с государствами Северо-Восточной Азии. В корейских академических кругах ведутся дискуссии на тему: что данная страна может предложить этому региону, учитывая, что ее ценности и политическая система ближе к Японии, но далеки от Северной Кореи и Китая. В Южной Корее признают, что этой стране следует взять на себя роль арбитра или посредника. Чтобы увеличить «мягкую силу», надо инвестировать в региональные или глобальные общественные блага²⁵⁵. Отказавшись от идеи глобального лидерства, Южная Корея может быть лидером в таких вопросах, как северокорейский ядерный кризис, строительство многосторонней сети безопасности в Северо-Восточной Азии²⁵⁶. Южная Корея, в отличие от КНР, активно сотрудничающей с враждебными Западу странами, осведомлена о возможности возникновения

²⁵³ Най Дж. Растущая мягкая сила Южной Кореи // Project syndicate. 2010. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power/russian> (дата обращения: 29.09.2014).

²⁵⁴ Cabalza C.B. Is [South] Korea open for soft power diplomacy? // Executive policy Brief. – 2011. – Vol. 1. – № 13. – P. 1.

²⁵⁵ Lee S.J. South Korea's soft power diplomacy // East Asia Institute. 2009. URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=1310000000&code=eng_report&idx=8593&page=5 (дата обращения: 22.04.2014).

²⁵⁶ Lee G. A Theory of soft power and Korea's soft power strategy // Taylor & Francis Group. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (дата обращения: 08.04.2014).

трений с развитыми экономиками, она служит неким мостом между развитыми и развивающимися странами²⁵⁷.

Управление политическими ресурсами «мягкой силы», инициативы Южной Кореи:

В 90-е годы Южная Корея начала позиционировать себя как открытое миру современное государство. В 1993–1998 гг. на первый план вышел лозунг «Глобализация», означавший расширение и открытие рынка, достижение международных стандартов и норм. В следующем десятилетии появился лозунг «Глобальная Корея», выражающий ответственность продвинутой страны, осознание важности реагирования на зарубежные проблемы, которые угрожают международному миру и человеческой безопасности²⁵⁸. Сегодня Южная Корея также придерживается принципов дипломатии ответственности, в соответствии с которыми «мягкая сила» расценивается как привлекательная внешняя политика. Разумеется, дипломатия ответственности преследует и прагматические интересы – повышение заметности страны и обеспечение энергоресурсами²⁵⁹.

Южная Корея расширила свои международные обязательства, участвуя в основных многонациональных организациях, таких, как АСЕАН. Южная Корея повысила международную видимость за счет проведения крупных международных мероприятий, таких, как Олимпийские игры в 1988 году и Чемпионат мира по футболу в 2002 году (вторым организатором (со-организатором) была Япония). Корея также принимала саммит G-20 в Сеуле, а также трехсторонний саммит (Республика Корея – Китай – Япония) в 2010 году.

Выбор Пан Ги Муна на пост Генерального секретаря ООН в 2007 году и его переизбрание без сопротивления на второй срок в июне 2011 года

²⁵⁷ Korea's soft power and East Asia. Verbatim report of the conference // The Brookings Institution. 2010. P.27. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения: 26.04.2014).

²⁵⁸ Lee S.J. South Korea's soft power diplomacy // East Asia Institute. 2009. URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=1310000000&code=eng_report&idx=8593&page=5 (дата обращения: 22.04.2014).

²⁵⁹ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 117.

символизировало успешное участие Кореи в международных дипломатических форумах²⁶⁰.

Таким образом, у каждой из трех стран имеются свои сильные и слабые стороны политической «мягкой силы». Так, внутреннее политическое устройство Китая, ситуация с защитой прав человека не являются привлекательными для Запада. Существуют расхождения в восприятии КНР как государства и КНР как общества. Китайскую культуру и традиции, по данным исследования Чикагского совета исследования глобальной политики, иностранная общественность, как правило, любит, а его политика и управление ценятся не так высоко²⁶¹. Кроме того, имеется разрыв между все более космополитичной и уверенной внешней политикой и закрытой и жесткой внутренней политической системой. В то же время, существует осознание этих проблем и стремление стать более открытым миру государством. Для стран третьего мира привлекательной является модель развития Китая. «Очарование будущим», – вот что отличает данное государство от соседних Японии и Южной Кореи. Япония, будучи вместе с Германией, самыми ненавистными миру странами в 1945 г., сумела исправить свой имидж на международной политической арене. Однако все еще существует ряд нерешенных чувствительных проблем (вопросы компенсации, публичные извинения, выпуск учебников истории). Демократическое устройство Южной Кореи и Японии, соблюдение прав человека являются скорее привлекательными, но вес данных государств, по сравнению с Китаем, значительно ниже.

---

²⁶¹ Wang J. Introduction: China's search on soft power // Soft power in China: Public Diplomacy through Communication. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 5.

2.4. Негативные факторы влияния на стратегии развития «мягкой силы» государств Восточной Азии

Самый свежий из существующих рейтингов «мягкой силы» 2015 года²⁶², созданный усилиями консалтинговой компании «Портеленд», поможет оценить примерный потенциал исследуемых стран: на последнем, тридцатом месте находится Китай, двадцатую строчку занимает Южная Корея, Япония же оказалась на восьмой строчке рейтинга. Возможно, отчасти потому, что рейтинг создавала британская компания, на первой строчке оказалось Соединенное Королевство. Низкие позиции Китая объясняются заключением в тюрьму лауреата Нобелевской премии мира Лю Сяобо, вопросами вокруг прав меньшинств, цензурой и неприятием любой формы политической критики. Так как все западные рейтинги содержат в себе оценку прав и свобод, уровня демократизации, Китай занимает в них не самые высокие позиции. Как было заключено в первой главе, «мягкая сила» носит ситуативный характер и сильно зависит от контекста, поэтому наиболее объективные показатели можно получить при изучении регионального восприятия государств (Приложение Г, с. 165).

Так, Китай выглядит привлекательно в Африке (африканцы с одобрением наблюдают за тем, как «бедные помогают бедным»), Латинской Америке, Восточной Европе и некоторых частях Азии. Западные обозреватели, как правило, критикуют действия Китая, т.к. замечают отсутствие «мягкой силы» Китая в Северной Америке, Западной Европе и в некоторых частях Азии, в которых Китай опасаются или не одобряют его политику. Таким образом, во многих государствах Китай, вероятно, зря тратит свое время и ресурсы, пытаясь заставить людей

---

²⁶² The soft power 30. A global ranking of soft power// Portland. 2015. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://softpower30.portland-communications.com/pdfs/the_soft_power_30.pdf (дата обращения: 16.12.2015).

смотреть CCTV, читать газеты China Daily, посещать Институты Конфуция. Но эта же деятельность воспринимается хорошо в других местах²⁶³. Согласно опросам общественного мнения, Япония высоко ценится в США, Индонезии, Филиппинах и Вьетнаме. Южная Корея обладает умеренной политической «мягкой силой» и большим культурным потенциалом «мягкой силы». В целом, в последние годы враждебность и напряженность в регионе снизилась, увеличилась взаимозависимость в сфере экономики, культуры и дипломатии.

Для повышения эффективности стратегий «мягкой силы» важно учитывать не только региональное восприятие страны, но и двусторонние отношения между государствами. Так, японцы в целом не очень высоко оценивают китайскую «мягкую силу», однако, признают экономическую важность Китая для региона, высоко оценивают международную конкурентоспособность, научные и технические достижения Китая. В то же время, японцы обеспокоены растущей военной мощью Китая в Азии, сомневаются, что китайская политическая система удовлетворяет потребности народа, и не считают, что Китай достаточно участвовал в решении региональных проблем²⁶⁴. В свою очередь, общая оценка Японии в глазах китайцев почти зеркально низкая. Респонденты из Китая высоко оценивают влияние японских компаний, образование, науку и технику, однако они редко потребляют японские культурные продукты, видят в Японии военную угрозу и невысоко оценивают вклад Японии в решение региональных проблем. Такие оценки предсказуемы, учитывая исторические трения и потенциал регионального соперничества. Граждане обеих стран относятся друг к другу хуже, чем и те, и другие относятся к Южной Корее. Тем не менее, нельзя сказать, что результаты абсолютно пессимистичные, они указывают на возможность дальнейшей интеграции и сотрудничества. Китай оценивает Южную Корею в целом положительно. Эта оценка особенно высока в таких областях, как экономическое сотрудничество, культурное влияние, политическая система и

---

²⁶³ Moss T. Soft power? China has plenty// International current-affairs magazine The Diplomat. 2013. URL: <http://thediplomat.com/2013/06/soft-power-china-has-plenty/> (дата обращения: 03.12.2013).

²⁶⁴ Whitney C. B., Shambaugh D. Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion// The Chicago Council. 2008. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Chicago%20Council%20Soft%20Power%20Report-%20Final%206-11-08.pdf (дата обращения: 17.12.2013).

права человека. Южная Корея получила положительную оценку в глазах японских респондентов (особенно в плане экономического и культурного влияния, образованности населения); невысокие оценки касаются, в основном, политической сферы (продвижение своей политики, лидерство в международных учреждениях, дипломатия, решение региональных проблем). Южнокорейцы очень благоприятно оценивают японскую культуру, науку и технику, экономическое влияние, однако ставят низкие оценки дипломатическим усилиям Японии, а также имеют невысокую степень доверия к данной стране (популярность культуры пока не смогла стереть воспоминания об оккупации Южной Кореи)²⁶⁵.

На потенциал и технологии «мягкой силы» Китая негативно влияют внутренние проблемы, уменьшающие степень притягательности данной страны для международной аудитории: нехватка ресурсов, деградация окружающей среды, социальная и экономическая несправедливость. Ч. Бицзянь (Bijian), ведущий китайский советник по вопросам политики, считает, что Китай страдает от так называемых проблем «умножения» (Chen) и «деления» (Chu). Любая малая проблема становится огромной при умножении на 1,3 млрд., в то время как любые единовременные вливания капитала оказываются незначительными при делении на 1,3 млрд²⁶⁶.

Необходимо отметить ряд факторов, отрицательно влияющих на «мягкий» потенциал Китая и приводящих к низким позициям данной страны в западных рейтингах «мягкой силы», в которых большое значение имеют критерии демократичности и соблюдения прав человека. Сюда относятся замалчивание проблем, тибетский вопрос, проблема Тайваня, коррупция, нарушения прав человека. Так, одной из частных является замалчивание случаев атипичной пневмонии, что привело к ухудшению имиджа Китая. Китайские власти учли этот случай и в дальнейшем пытались скорректировать курс. Китайцы подчеркивают, что они уважают культурное разнообразие в мировых делах, но не следуют этому

---

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ Wang J. Introduction: China's search on soft power // Soft power in China: public diplomacy through communication. – N.Y.: Palgrave Macmillan. – 2011. – P. 5.

принципу в своей внутренней политике. Это, по мнению исследователей, выглядит «самодержавно и ставит серьезный предел китайскому пониманию «мягкой силы»²⁶⁷. Непрозрачность правительственных процедур ослабляет усилия общественной дипломатии, а отсутствие китайских НПО на международной арене лишает Китай «мягкой силы», затрудняет общественную дипломатию, ослабляет доверие к сообщениям, уменьшает количество обратной связи.

Как было сказано в первой главе, одной из особенностей «мягкой силы» является ее частичная неподконтрольность правительству. В Китае же развитие и укрепление «мягкой силы» является государственной задачей. «Государство выступает главным инициатором большинства усилий общественной дипломатии, так что отсутствие доверия большинству дипломатических сообщений остается большим препятствием»²⁶⁸. Дж. Най пишет об ограничении китайской «мягкой силы» следующее: «государственная пропаганда редко бывает убедительной. Лучшая пропаганда – это не пропаганда. Несмотря на усилия по превращению агентства «Синьхуа» и китайского центрального телевидения в конкурентов CNN и ВВС, зарубежных зрителей и слушателей у резкой пропаганды немного»²⁶⁹.

Трудности общественной дипломатии Китая также связаны с растущими ожиданиями в отношении данной страны: иностранная общественность хочет видеть конкретные шаги на пути к демократизации и соответствию международным стандартам.

Путем наращивания «мягких» ресурсов КНР пытается установить гармоничный баланс «жесткой» и «мягкой» сил, однако до равновесия еще далеко. Китаю не удастся в полной мере создать привлекательный миролюбивый образ, причиной чему является быстро растущий военный бюджет, увеличение экономической мощи (ощущение экономической угрозы; так, даже некоторые африканские страны выразили озабоченность политикой Китая на их

---

²⁶⁷ Korea's soft power and East Asia. V verbatim report erbatim report of the conference // The Brookings Institution. 2010. P.57. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения: 26.04.2014).

²⁶⁸ D'Hooghe I. The expansion of China's public diplomacy system // Soft Power in China: Public Diplomacy through Communication. Palgrave MacMillan, 2010, P. 19.

²⁶⁹ Най Дж. Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» // Иностранная пресса о России и не только. 2013. URL: http://www.inopressa.ru/article/30apr2013/foreignpolicy/china_russia.html (дата обращения: 11.01.2014).

территориях). В отношении Китая существует три популярных дискурса, показывающих настороженное отношение иностранной общественности к данной стране: «китайская угроза», «китайский коллапс» (China collapse, возможный крах Китая), «неоколониализм». Кроме того, для мира экономика Китая важнее его культуры. Так, Дж. Курланцик пишет: «Привлекательность Китая обусловлена ростом его экономики. Пекин предлагает очарование льва, а не мыши»²⁷⁰.

Наконец, необходимо отметить ряд проблем, относящихся к культурным и политическим ресурсам и стратегиям «мягкой силы». КНР пока не удается посредством культуры активно распространять ценности и идеалы из-за небольшого экспорта и огромного импорта культурных продуктов (книг, академических работ и других).

Китай, несмотря на популярность теории Пекинского консенсуса, не продвигает свою политическую систему как модель для подражания, чтобы не бросать вызов Западу²⁷¹. Этот факт также демонстрирует особый путь развития китайской модели «мягкой силы», отличающийся от теории, разработанной Дж. Наем (последний утверждал, что политические ценности государства – важный ресурс «мягкой силы»).

Негативный отпечаток на китайскую «мягкую силу» накладывает непоследовательность политики. Так, открытие Института Конфуция в Маниле с целью знакомства населения с китайской культурой помогает генерировать «мягкую силу», однако, эти результаты сходят на нет, когда КНР начинает запугивать филиппинцев, предъявляя претензии на риф Скарборо.

Цзин Сунь (Jing Sun) указывает на самодовольство китайской внешней политики. Это связано с тем, что во внутренней политике народу постоянно внушается, что внешнеполитический курс Китая опирается на моральные

---

²⁷⁰ Janelli R.L. Soft power, Korea, and the politics of culture // Institute of East Asian Studies. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://ieas.berkeley.edu/events/pdf/2007.10.05_Janelli_and_Yim.pdf (дата обращения: 15.04.2014).

²⁷¹ Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. – 2014. – №4. – С. 116.

ценности, из чего следует, что он не совершает ошибок в международной политике (КНР не извиняется за свои действия)²⁷².

На потенциал «мягкой силы» Японии негативно повлияли исторические факторы. Регион Юго-Восточной Азии пытается выйти из колониальной эпохи и получить большую независимость, поэтому Японии из-за исторического прошлого сложно увеличивать свою «мягкую силу». В отличие от Германии, отрекшейся от военной агрессии и примирившейся с соседями в рамках ЕС, Япония не примирится с летописью 1930–1940 годов. Остаточная подозрительность, которую сохраняют Китай и Корея, устанавливает предел «мягкой силы» Японии. Эта подозрительность укрепляется еще больше, когда японский премьер-министр посещает храм Ясукуни²⁷³. Когда японские политики делают провокационные замечания, отрицают исторические факты, Япония быстро теряет «мягкую силу», которую она нарабатывала годами.

Исследователи указывают на то, что быстро растущая конкуренция со стороны Индии и Китая – двух азиатских гигантов – рождает новые вызовы «мягкой силе» Японии²⁷⁴.

Как было сказано в первой главе, экономические успехи страны могут выступать фактором, порождающим привлекательность страны, а значит, и ее «мягкую силу». Очарование будущим Японии начало таять вместе с ее экономическими успехами.

В области политических ресурсов и инициатив «мягкой силы» Японии также наблюдаются проблемы. Утверждается, что Японии необходим лидер с долгосрочной стратегией для успешного увеличения своего «мягкого» влияния. В области политического руководства состоит слабость Японии по отношению к Китаю в гонке «мягкой силы». Однако, с другой стороны, соревнований «мягкой силы» может и не быть (кроме отношений с Тайванем), на практике это может

²⁷² Sutter R. China's charm offensive – frustrations and implications // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 141.

²⁷² Nye J. S. Soft Power matters in Asia // Belfer center. 2005. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/1486/soft_power_matters_in_asia.html (дата обращения: 15.03.2014).

²⁷³ Ibid.

²⁷⁴ Катасонова Е.Л. Япония и ее инструменты мягкой силы // Ассоциация японоведов. 2013. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения: 01.04.2014).

оказаться просто интересами экономики и торговли. Япония должна иметь национальное видение (концепцию) для себя и для региона²⁷⁵.

Исследование имиджа Японии 2006 г. показывает, что 91% американских лидеров общественного мнения и 69% широкой общественности видят в Японии зависимого союзника²⁷⁶. По данным различных опросов, жители разных стран Юго-Восточной Азии оценивают Японию благоприятно, кроме жителей Китая и Южной Кореи. Япония испытывает недостаток «мягкой силы» в отношении Китая и Южной Кореи в силу исторических проблем и территориальных споров, несмотря на привлекательность японских культурных продуктов²⁷⁷.

Культурные особенности Японии (например, важность смирения), порождают недостаток инициативы при проецировании своих ценностей за рубежом. Таким образом, взгляд японцев чаще всего обращен вовнутрь, японцы не очень заинтересованы в работе с представителями иных культур²⁷⁸.

На распространение «мягкой силы» при помощи культурных инструментов негативно влияет отсутствие японских каналов, подобных CNN или BBC. Японский язык – не глобальный язык. На «мягкой силе» сказывается также нежелание японских университетов приглашать иностранных преподавателей кроме тех, которые преподают иностранные языки. Относительная закрытость общества по отношению к иммигрантам из-за желания сохранить этническую однородность и социальный порядок создает преграды на пути распространения «мягкой силы». Борьба сумо не популярна за рубежом²⁷⁹.

Ограничения «мягкой силы» японской культуры касаются не только способа ее передачи, но содержания самих культурных продуктов. Несмотря на то, что манга многих привлекает, она бывает и отталкивающей. Так, китайские

²⁷⁵ Oros A. Who's the most charming in Asian regional diplomacy? // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 130.

²⁷⁶ Peng Er Lam Japan's quest for «soft power»: attraction and limitation // East Asia. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf (дата обращения: 20.01.2014).

²⁷⁷ Ibid.

²⁷⁸ Layer S. An exploration of Japan's soft power. Case Study // Institute for cultural diplomacy. 2010. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/pdf/case-studies/manga-and-anime-an-exploration-of-japans-soft-power.pdf> (дата обращения: 20.03.2014).

²⁷⁹ Peng Er Lam Japan's quest for «soft power»: attraction and limitation // East Asia. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf (дата обращения: 20.01.2014).

СМИ отмечают, что часть японской манга способствует антикитайским настроениям. В азиатских странах с их консерватизмом и религиозностью манга нередко воспринимается как безнравственный культурный продукт.

Ограничения развития потенциала и применения стратегий «мягкой силы» Южной Кореи

Южная Корея расположена между тремя крупными государствами, обладающими большим силовым потенциалом (Россией, Китаем и Японией) и исторически противостоявшими друг другу. В данных условиях Корею было затруднительно развивать «жесткую силу», достаточную для своей защиты. В начале XX века Корея была колонией Японии. В 1948 году полуостров был разделен на две части. После окончания Корейской войны страна сосредоточилась на наращивании «жесткого» потенциала для сдерживания Северной Кореи и повышения экономических показателей²⁸⁰. Только после модернизации экономики в Южной Корею начался рост «мягкой силы».

Таким образом, основными ограничениями «мягкого» потенциала рассматриваемой страны являются необходимость балансирования между сильными соседями, позднее начало распространения и популяризации культурных продуктов и проблема Северной Кореи. Последняя, так или иначе, всегда присутствует в южнокорейской внешней политике, однако некоторые источники указывают, что благодаря культурным обменам, общим спортивным мероприятиям, экономической помощи, которую предоставляет Южная Корея Северной Корею, странам удастся постепенно налаживать отношения.

Кроме того, исследователи отмечают, что в действительности сложно оценить, как продвижение культуры влияет на дипломатию²⁸¹. Однако этот пункт касается всех трех стран и связан с долгосрочностью воздействия «мягкой силы».

Также существуют проблемы, относящиеся к техническим особенностям распространения «мягкой силы» в области культуры. Так, перевод языка

---

²⁸⁰ Най Дж. Растущая мягкая сила Южной Кореи // Project syndicate. 2010. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power/russian> (дата обращения: 07.04.2014).

²⁸¹ Janelli R.L. Soft power, Korea, and the politics of culture // Institute of East Asian Studies. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://ieas.berkeley.edu/events/pdf/2007.10.05_Janelli_and_Yim.pdf (дата обращения: 15.04.2014).

современной корейской массовой культуры, в особенности телесериалов, на иные языки далек от совершенства. Порой смысл сказанного искажается прямо до противоположного. Южная Корея, как известно, активно борется против искажения своей истории в учебниках зарубежных стран, но не обращает внимания на то, что перевод исторических телесериалов и фильмов на иностранные языки содержит не менее грубые ошибки, которые не следует допускать²⁸².

Таким образом, рассмотренные примеры стран показывают, что более точная оценка потенциала «мягкой силы» получается при анализе двусторонних, а не многосторонних отношений. При подсчете ресурсов и разработке стратегий «мягкой силы» необходимо принимать во внимание культурные, исторические и прочие особенности целевой аудитории. В результате анализа возможных ограничений «мягкой силы», можно выделить некоторые общие факторы, негативно влияющие на «мягкую силу» государства: 1) факторы, отрицательно влияющие на степень привлекательности у целевой аудитории, причем целевой аудиторией может выступать как отдельная страна, так и мировое сообщество (например, проблема соблюдения прав человека, коррупция); 2) ограниченный ресурсный потенциал (влияет на масштаб «мягкой силы», возможность практического воплощения стратегий); 3) проблемы политического руководства и курса (непоследовательная внешняя политика, отсутствие внятного / самостоятельного внешнеполитического курса, наличие исторических споров и трений).

Суммируя вышенаписанное, можно констатировать, что ближе всех к пониманию «мягкой силы» как благоприятной среды стоит Китай, однако, особенности его политики «мягкой силы» отстают от оригинальной теории, разработанной Дж. Наем, что вызвано внутривнутриполитическими и культурными особенностями данного государства. Модель «мягкой силы» КНР можно назвать *равновесной* (наращивание «мягкой силы» таким образом, чтобы в итоге она

---

²⁸² Ким Г. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи // Портал Академия. С. 33. URL: https://www.academia.edu/3167101/Korean-Kazakhstan_Relations_and_Koreas_Public_Diplomacy_ (дата обращения: 20.01. 2014).

соответствовала огромному «жесткому» потенциалу Китая), японская модель является *компенсаторной* (увеличение «мягкой силы» должно продемонстрировать миру, что Япония до сих пор является сильным государством), модель «мягкой силы» Южной Кореи является *балансирующей* (страна балансирует между сильными игроками региона, улучшает свою внешнюю безопасность). Политический потенциал «мягкой силы» Китая ограничивается тем, что Китай не продвигает свою политическую модель в качестве эталонной, не предлагает привлекательной идеологии, его стратегии «мягкой силы» ориентированы, скорее, на продвижение культуры, чем политики, что позволяет избежать столкновения с Западом. Тем не менее, Китай стремится к наращиванию институциональной власти в рамках ШОС и АСЕАН. Япония, в отличие от США, не воспринимается как пример в области прав человека и демократии, а Южная Корея взяла на себя роль арбитра, посредника в региональной политике, а также примера для развивающихся стран.

Заключение

Большое количество исследований, посвященных концепту «мягкой силы», а также факт быстрого перехода данной теории из аналитических работ в публицистику и властные инстанции говорят о привлекательности данного концепта, но, в то же время, широкое использование термина не всегда означает абсолютное проникновение в суть явления. Данное исследование посвящено анализу феномена «мягкой силы» как специфической властной стратегии, технологии и ресурса, а также процесса наращивания такого ресурсного потенциала. Поставленные цель и задачи были выполнены в полном объеме.

Всесторонний политологический анализ «мягкой силы» показывает, что данная стратегия на сегодняшний день может выступать эффективным косвенным способом осуществления власти, подразумевающим создание благоприятной окружающей среды и включающим в себя три измерения (привлечение, способность устанавливать легитимную повестку дня, набор выгодных правил и институтов, а также формирование предпочтений). Теория, созданная Дж. Наем в 1990 г., не является уникальной: при анализе исторической ретроспективы находится множество примеров теорий и практик, относящихся к «мягким», тем не менее, возникновение и активная адаптация концепта имеет причины: он вбирает в себя предыдущие властные теории и инструменты и адаптирует их к современным условиям с учетом возможностей использования новых революционных технологий.

Теория «мягкой силы» прошла достаточно долгий путь эволюции: изначально она называлась кооптивной силой и связывалась с двумя основными механизмами: привлекательностью и способностью влиять на структуры, причем

второму было уделено больше внимания. Значительно позже «мягкая сила» была определена как способность достижения результатов посредством притяжения, а не принуждения или платежей. Автор концепта, полемизируя с критиками, постепенно дорабатывал теорию: так, он признал, что экономическая и военная силы могут стать источниками привлечения, а замечания реалистов заставили Дж. Ная прийти к концепту «умной силы», отражающей стратегическое использование «мягкой» и «жесткой сил» в зависимости от оценки контекста. Наконец, в одной из последних статей Дж. Ная призвал объединить разрозненные официальные инструменты «мягкой силы» во всеобъемлющую стратегическую технологию, которая бы интегрировала их и увеличивала эффективность их применения. Наибольшую связь между теорией «мягкой силы» мы нашли с теорией трехмерной власти С. Льюкса, причем к концу творчества концепт Дж. Ная стал по-настоящему трехмерным: он включил в себя привлечение и убеждение (то есть первое лицо власти), способность устанавливать легитимную повестку дня, набор выгодных правил и институтов (второе лицо власти), также формирование изначальных предпочтений (третье лицо власти).

В данном исследовании «мягкая сила» определена как формирование благоприятной окружающей среды, что позволяет снять целый ряд обвинений и критики в адрес концепта. Выделены основные цели применения технологий «мягкой силы» (группы политических, экономических, а также внутренних целей), описаны ее характеристики (долгосрочность, частичная неподконтрольность правительству, двойственный характер, необходимость серьезной материальной базы для нематериального влияния, а также крайняя необходимость учета целевой аудитории). Предложено ранжировать масштаб «мягкой силы» от локального до глобального. Показано, что, несмотря на попытки автора концепта сделать его ценностно-нейтральным, «мягкая сила» сохраняет нормативный характер, из-за чего его оценка учеными зависит от того, к какой школе международных отношений они принадлежат. Были систематизированы основные подходы исследования теории (структурный, процессно-ориентированный, измерительный и технологический, причем в

рамках последнего понимание «мягкой силы» может варьироваться от дискурсивной практики до информационно-психологической атаки) и сформирован алгоритм исследования «мягкой силы» государств, который позволил провести исследование «мягкой силы» стран региона Восточная Азия (Китая, Японии, Южной Кореи), отображенного во второй главе данной работы.

Анализ показал, что из трех исследуемых стран ближе всех к пониманию «мягкой силы» как благоприятной среды стоит Китай, однако, особенности его стратегий «мягкой силы» отличаются от оригинальной теории, данной Дж. Наем, что вызвано внутривластными и культурными особенностями данного государства. Модель «мягкой силы» КНР можно назвать *равновесной* (наращивание «мягкой силы» так, чтобы в итоге она соответствовала огромному «жесткому» потенциалу Китая), японская модель является *компенсаторной* (увеличение «мягкой силы» должно продемонстрировать миру, что Япония до сих пор является сильным государством), модель «мягкой силы» Южной Кореи является *балансирующей* (страна балансирует между сильными игроками региона, улучшает свою внешнюю безопасность).

На практике «мягкой силой» занимаются, в основном, в рамках общественной дипломатии, причем институциональные структуры, сложившиеся в этих государствах, очень схожи. Отличие состоит в степени государственного контроля данной деятельности: наибольшая централизация наблюдается в Китае, средний уровень централизации характерен для Южной Кореи (там правительство субсидирует производство продукции популярной культуры), наименьшая централизация и больший откуп правительства в пользу коммерческих организаций – в Японии. Если в Китае в рамках культурной дипломатии государство нацелено на продвижение традиционной культуры, то в Японии и Южной Корее акцент делается на популярную культуру (концепции Cool Japan и Korean Waves). Особенности китайского понимания «мягкой силы» является дополнение концепта позицией «власть дискурса» (подразумевающей развитие СМИ мирового масштаба) и ресурсной дипломатией.

Для Японии характерно развитие научной и технологической дипломатии и в исторической перспективе – императорской дипломатии.

Практика показывает, какое огромное значение для масштаба «мягкой силы» играет экономический потенциал государства: возвышение Китая рождает «очарование будущим», Южная Корея привлекательна для развивающегося мира своим успешным опытом модернизации экономики и демократизации, превращением из страны-реципиента помощи в страну-донора, в то время как «модель летящих гусей» Японии потеряла популярность вместе с экономическим кризисом. Политический потенциал «мягкой силы» Китая ограничивается тем, что Китай не продвигает свою политическую модель в качестве эталонной, стратегии «мягкой силы» ориентированы, скорее, на продвижение культуры, чем политики, что позволяет избежать столкновения с Западом. Тем не менее, Китай стремится к наращиванию институциональной власти в рамках ШОС и АСЕАН. Япония, в отличие от США, не стала транслятором универсальных ценностей и идеалов, примером для подражания в области прав человека и демократии, а Южная Корея взяла на себя роль арбитра, посредника в региональной политике, а также примера для развивающихся стран.

Перспективами дальнейшей разработки темы являются детальное исследование распространения «мягкой силы» в рамках конструктивистской парадигмы, а также поиск отечественной стратегической модели «мягкой силы» или разработка аналогичной по задаче теории, учитывающей российскую культурно-историческую и политическую специфику.

Список литературы

1. Бельченко, А.С. Деятельность институтов Конфуция в Российской Федерации / А.С. Бельченко // Вестник РУДН. – 2010. – Сер. «Всеобщая история», №1. – С. 65–74.
2. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: Ad Marginem, 2000. – 317 с.
3. Борох, О. Скромное обаяние Китая / О. Борох, А. Ломанов // Pro et Contra. – 2007. – № 6. – С. 41–60.
4. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 87–96.
5. Грамши, А. Тюремные тетради / А. Грамши. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 560 с.
6. Казанцев, А.А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А.А. Казанцев, В.Н. Меркушев // Полис. – 2008. – № 2. – С. 122–135.
7. Казаринова, Д.Б. Проблема ценностных оснований «мягкой силы» России на постсоветском пространстве / Д.Б. Казаринова // Россия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности. МИГСУ РАНХиГС / под общ. ред. В.В. Комлевой. – М.: Проспект, 2014. – С. 184–188.
8. Казаринова, Д.Б. Фактор мягкой силы в современной мировой политике и проблемы политической стабильности / Казаринова Д.Б // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. – С. 104–117.
9. Казаринова, Д.Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии мягкой силы в политике государств-членов двадцатки / Д.Б. Казаринова // Свободная мысль. – 2011. – №3. – С. 187–200.

10. Капицын, В.М. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления / В.М. Капицын // Обозреватель. – 2009. – №10. – С. 70–79.
11. Капицын, В.М. Семиотический аспект soft power: политическая культура и символическая политика / В.М. Капицын // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 140–152.
12. Капицын, В.М. Символы национальной идентичности как ресурс «soft power» / В.М. Капицын // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1 (14). – С. 113–118.
13. Катасонова, Е.Л. Япония и ее инструменты мягкой силы [Электронный ресурс] / Е.Л. Катасонова // Ассоциация японоведов. 2013. – Режим доступа:
http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения: 01.04.2014).
14. Катасонова, Е.Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры / Е.Л. Катасонова. – М.: Вост. лит., 2012. – 357 с.
15. Ковалева Д.М. (Ковба Д.М.) Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий / Д.М. Ковалева (Д.М. Ковба) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2013. – Т. 13, выпуск 1. – С. 118–132.
16. Ковалева Д.М. (Ковба Д.М.), Русакова О.Ф. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ / Д.М. Ковалева (Д.М. Ковба), О.Ф. Русакова // Научный журнал «Социум и власть». – 2013. – №3. – С. 15–19.
17. Ковба Д.М. Концепт smart power как теоретическое основание политической стратегии / Д.М. Ковба // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 10–33; С. 44–60.

18. Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами / Д.М. Ковба // *Пространство и время*. – 2014. – №4. – С. 111–118.
19. Ковба Д.М., Русакова О.Ф. Концептуальные аспекты стратегии «мягкой силы» / Д.М. Ковалева, О.Ф. Русакова // *Сибирский философский журнал*. – 2016. – №3. – С. 109–123.
20. Ким, Г. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи [Электронный ресурс] / Г. Ким // Портал Академия. – Режим доступа: https://www.academia.edu/3167101/Korean-Kazakhstan_Relations_and_Koreas_Public_Diplomacy_ (дата обращения: 20.01.2014).
21. Кожемякин, Е.А. «Мягкая власть» институциональных дискурсов: коммуникативное измерение / Е.А. Кожемякин // *Дискурс-Пи*. – 2014. – № 1 (14). – С. 97–102.
22. Комлева, Н.А. Идеологическая граница как предел идеологического пространства: сущность, специфика и технологии защиты / Н.А. Комлева // *Пространство и время*. – 2010. – № 1. – С. 22–27.
23. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // МИД России. 2013. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 16.12.2013).
24. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // МИД России. 2013. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 16.12.2013).
25. Косачев, К.И. «Мягкая сила» России: теория и реальность / К.И. Косачев // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2014. – № 2, Т. 9. – С. 7–9.

26. Лебедева, М.М. «Мягкая сила»: темная сторона (на примере Германии) / М.М. Лебедева, Л.Р. Рустамова, М.В. Шарко // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 3. – С. 114–144.
27. Леонова, О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния / О.Г. Леонова // Обозреватель. – 2014. – № 3. – С. 18–28.
28. Липовецки, Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 336 с.
29. Льюкс, С. Власть: радикальный взгляд / С. Льюкс. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 240 с.
30. Мартьянов, В.С. Проблема легитимации прогрессора как условие политической гегемонии / В.С. Мартьянов // Дискурс Пи. – 2014. – №1 (14). – С. 103–112.
31. Материалы к факультативу «Мягкая сила» и «Управляемый хаос» - инструменты современной мировой политики» [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. 2015. – Режим доступа: <http://security.hse.ru/dsec/matMSiUHtwo> (дата обращения: 28.11.2015).
32. «Мягкая сила» и публичная дипломатия [Электронный ресурс] // Истина: интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации. 2013. – Режим доступа: <http://istina.msu.ru/courses/6766863/> (дата обращения: 28.11.2015).
33. Най, Дж. Растущая мягкая сила Южной Кореи [Электронный ресурс] / Дж. Най // Project syndicate. 2010. – Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power/russian> (дата обращения: 07.04.2014).
34. Най, Дж. Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» [Электронный ресурс] / Дж. Най // Иностранная пресса о России и не только. 2013. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/30apr2013/foreignpolicy/china_russia.html (дата обращения: 11.01.2014).

35. Наумов, А.О. "Мягкая сила" стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) / А.О. Наумов // *Мировая политика*. – 2015. – № 4. – С. 27–40.
36. Наумов, А.О. «Мягкая сила» и Арабская весна. К вопросу о причинах и технологиях финиговых революций в Египте 2011 года / А.О. Наумов // *Новая и новейшая история*. – 2016. – № 6. – С. 103–117.
37. Наумов, А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.О. Наумов // *Сетевое исследование Центра исследований и аналитики Фонда исторические перспективы*. 2015. – Режим доступа: http://istina.msu.ru/media/publications/article/755/148/9147444/4_2015.pdf (дата обращения: 01.09.2016).
38. Наумов, А.О. «Мягкая сила» Страны восходящего солнца / А.О. Наумов // *Международные отношения*. – 2016. – № 2. – С. 189–193.
39. Наумов, А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» и международный имидж стран группы ИБСА [Электронный ресурс] / А.О. Наумов // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2015. – Режим доступа: http://istina.msu.ru/media/publications/article/556/33d/11603607/Myagkaya_sila_i_mezhdunarodnyij_imidzh_stran_gruppyi_IBSA.pdf (дата обращения: 01.09.2016).
40. Новиков, Г. *Теория международных отношений* / Г. Новиков. – Иркутск: Изд. Иркут. ун-та, 1996. – 298 с.
41. Опенько, Е.В. *От традиционной дипломатии к использованию «мягкой силы»*: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Опенько Евгения Владимировна. – Томск, 2012. – 24 с.
42. Панова, Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Панова Елена Павловна. – М., 2012. – 23 с.
43. Паршин, П.Б. *Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России* / П.Б. Паршин. – Центр глобальных проблем. М.: МГИМО, 2013 г. – 39 с.

44. Паршин, П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий / П.Б. Паршин // *Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография.* – М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 11–29.
45. Песцов, С.К. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта / С.К. Песцов, А.М. Бобыло // *Вестник Томского государственного университета. История.* – 2015. – № 2 (34). – С. 108–114.
46. Пономарева, Е.Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве / Е.Г. Пономарева, Г.А. Рудов // *Обозреватель-Observer.* – 2015. – № 11. – С. 59–73.
47. Пономарева, Е.Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс / Е.Г. Пономарева // *Геополитический журнал.* – 2016. – № 3. – С. 9–17.
48. Пономарева, Е.Г. «Умная сила» как инструмент евразийской интеграции / Е.Г. Пономарева // *Панорама Евразии.* – 2015. – № 2 (13). – С. 66–69.
49. Пономарева, Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» / Е.Г. Пономарева // *Однако.* – 2013. – № 6. – С. 18–26; № 7. – С. 18–21.
50. Пономарева, Е.Г. Секреты «цветных революций» [Электронный ресурс] / Е. Пономарева // *Интелрос.* 2013. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/3-4-2012/04.pdf (дата обращения: 20. 12. 2014).
51. Программа курса [Электронный ресурс] // МГИМО. 2014. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/files/261432/modern-technologies-of-regime-change.pdf> (дата обращения: 28.11.2015).
52. Путин, В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] / В.В. Путин // *Моск. новости.* 2012. 27 февраля. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 16.12.2013).

- 53.Радиков, И. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №2 – С. 19–26.
54. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2016. – № 2. – С. 14–29.
- 55.Русакова, О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии / О.Ф. Русакова // Известия УрФУ. Общественные науки. – 2013. – №2. – С. 52–61.
- 56.Русакова, О.Ф. Концепт «мягкой силы»(soft power) в современной политической философии / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. – 2010. – Вып. 10. – С. 173–192.
- 57.Русакова, О.Ф. Мягкая сила стран Азии / О.Ф. Русакова // Дискурс Пи. – 2013. – № 11 – 12. – С. 31–37.
- 58.Русакова, О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 320 с.
- 59.Северская, О.И. «Мягкий позитив» и «жесткий негатив» как инструменты информационного воздействия / О.И. Северская // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. Монография. М.: ФЛИНТА: Наука. – 2015. – С. 166–179.
- 60.Сергеева, А. Китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты» [Электронный ресурс] / А. Сергеева // РСДМ. 2013. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#2 (дата обращения: 23.12.2013).
- 61.Соловьева, Е.В. «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы / Е.В. Соловьева // Россия и АТР. – 2012. – №1. – С. 85–95.

62. Староверова, Е.В. Современные технологии власти // дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Староверова Екатерина Владимировна. – Казань, 2012. – 21 с.
63. Столетов, О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Столетов Олег Владимирович. – Москва, 2014. – 263 с.
64. Столетов, О.В., Чихарев И.А., Мягкая сила во внешней политике России / О.В. Столетов, И.А. Чихарев // Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 36–49.
65. Столетов, О.В. Стратегия «разумной силы» в контексте трансформации внешней политики ЕС / О.В. Столетов // Политическая наука. – 2014. – № 2. – С. 222–245.
66. Столетов, О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power / О.В. Столетов // Полис. Политические исследования. – 2009. – №4. – С. 173–178.
67. Торкунов, А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / А.В. Торкунов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 4. – С. 85–93.
68. Фадеичева, М.А. Государство-праздник и государство-будни: к вопросу о возможности еще одной типологии современных государств / М.А. Фадеичева // Дискурс-Пи. – 2014. – №1 (14). – С. 91–96.
69. Филимонов, Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография / Г.Ю. Филимонов. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.
70. Харкевич, М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М.В. Харкевич // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2 (35). – С. 22–29.
71. Цзайци, Л. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая / Л. Цзайци // Полис. – 2009. – № 4. – С. 149–155.

72. Якоба, И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии / И.А. Якоба // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 65–73.
73. 26 основных понятий политического анализа [Электронный ресурс] // Политнаука. 2008. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/teoria/26osn.php> (дата обращения: 04.03.2015).
74. About Us [Электронный ресурс] // Korea Foundation. 2013. – Режим доступа: <http://en.kf.or.kr/?menuno=578> (дата обращения: 19.05.2014).
75. Altbach, P.G. Higher education as a projection of America's soft power / P.G. Altbach, P. McGill Peterson // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. – NY: An East Gate Book. – 2008. – P. 37–53.
76. Anholt, S. Competitive identity. The new brand management for nations, cities and regions / S. Anholt. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. – 134 p.
77. Bilgin, P. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis [Электронный ресурс] / P. Bilgin, B. Elis // Insight Turkey. 2008. P. 5–20. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://pbilgin.bilkent.edu.tr/Bilgin-Elis-IT-2008.pdf> (дата обращения: 03.02.2015).
78. Cabalza, C.B. Is [South] Korea open for soft power diplomacy? / C.B. Cabalza // Executive policy Brief. – 2011. – Vol. 1, № 13. – P. 1–4.
79. Chaesung, C. Soft power and South Korea's foreign policy: security policy and North Korea strategy [Электронный ресурс] / C. Chaesung // Jeju peace institute. – Режим доступа: <http://www.jpi.or.kr/skyboard/download.sky?fid=3379&gid=5309&code=jpiworld> (дата обращения: 25.05.2014).
80. China's foreign policy and «soft power» in South America, Asia and Africa [Электронный ресурс] // U.S. Government printing office. 2008. – Режим

- доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CPRT-110SPRT41927/html/CPRT-110SPRT41927.htm> (дата обращения: 02.12.2013).
- 81.Cline, R.S. World power assessment 1977: a calculus of strategic drift / R.S. Cline. – Westview Press, 1977. – 173 p.
- 82.Dahl, R. The concept of power / R. Dahl // Behavioral Science. – 1957. – № 2. – P. 201–215.
- 83.D'Hooghe, I. The expansion of China's public diplomacy system / I. D'Hooghe // Soft power in China: public diplomacy through communication. – Palgrave MacMillan, 2010. – P. 19–35.
- 84.D'Hooghe, I. The limits of China's soft power in Europe / I. D'Hooghe. – Clingendael diplomacy papers, 2010. – 39 p.
- 85.Dobrinskaya, O. Japan's soft power in Central Asia [Электронный ресурс] / O. Dobrinskaya // Аналитический центр «Разумные решения». 2014. – Режим доступа: <http://analitika.org/en/international-affairs/geo/64-japans-soft-power-in-central-asia.html> (дата обращения: 01.04.2014).
- 86.Ferguson, N. An empire in denial: The limits of US imperialism / N. Ferguson // Harvard International Review. – 2003. – 25(3). – P. 64–70.
- 87.Ferguson, N. Colossus: the price of America's empire / N. Ferguson. – N.Y.: Penguin Press, 2004. – 384 p.
- 88.Foundation Act [Электронный ресурс] // Korean Foundation. – 2012. – Режим доступа: <http://en.kf.or.kr/?menuno=524> (дата обращения: 15.09.2014).
- 89.Fraser, M. American pop culture as soft power / M. Fraser // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States / NY: An East Gate Book, 2008. – P. 172–187.
- 90.Gallarotti, G. Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used [Электронный ресурс] / G. Gallarotti // Wesleyan University, WesScholar. 2011. – Режим доступа: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57/> (дата обращения: 15.03.2013).

91. Garvizu, N. Japan's soft power: the dissemination by the Japanese cultural industry of pop culture to South Korea [Электронный ресурс] / N. Garvizu // Academia. 2013. – Режим доступа: https://www.academia.edu/3517815/Japans_soft_power_the_dissemination_by_the_Japanese_cultural_industry_of_pop_culture_to_South_Korea (дата обращения: 26.09.2014).
92. Gray, C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Электронный ресурс] / C. Gray // Strategic studies institute Monograph. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB1059.pdf> (дата обращения: 02.02.2013).
93. Green, M. The promise and limits of Japan's soft power edge [Электронный ресурс] / M. Green, W. Colson // PD Magazine. 2013. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://publicdiplomacymagazine.com/wp-content/uploads/2013/05/Case-Studies-Green-Colson.pdf> (дата обращения: 15.03.2014).
94. Guzzini, S. Structural power: The limits of neorealist power analysis / S. Guzzini // International Organization. – 1993. – Vol. 47. – Iss. 3. – P. 443–478.
95. Hanban. Confucius Institute Headquarters. Annual Report [Электронный ресурс] // 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://www.hanban.edu.cn/report/2012.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).
96. Hongmei, L. Chinese corporate diplomacy: Huawei's CSR discourse in Africa / L. Hongmei, L. Tang // Soft power in China public diplomacy / Palgrave Macmillan, 2011. – P. 95–115.
97. Hsiao, H.M. Soft power politics in the Asia Pacific: Chinese and Japanese quests for regional leadership [Электронный ресурс] / H.M. Hsiao, A. Yang

- // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2009. – Режим доступа: http://www.japanfocus.org/-a_-yang/3054 (дата обращения: 26.09.2014).
98. Huang, C. China's soft power in East Asia. A question for status and Influence / C. Huangю – The national bureau of Asian research, 2013. – 22 p.
99. Janelli, R.L. Soft power, Korea, and the politics of culture [Электронный ресурс] / R.L. Janelli // Institute of East Asian Studies. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://ieas.berkeley.edu/events/pdf/2007.10.05_Janelli_and_Yim.pdf (дата обращения: 15.04.2014).
100. Jiechi, Y. China's diplomacy since the beginning of reform and opening up [Электронный ресурс] / Y. Jiechi // Ministry of Foreign affairs of the People's Republic of China. 2013. – Режим доступа: <http://www.cpifa.org/en/q/listQuarterlyArticle.do;jsessionid=934AA7A09072032332DE2D79DF222108?quarterlyPageNum=7> (дата обращения: 19.01.2014).
101. Jing, S. Japan's shrinking ASEAN soft power [Электронный ресурс] / S. Jing // The Diplomat. 2012. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2012/08/japans-shrinking-asean-soft-power/1/> (дата обращения: 15.03.2014).
102. Katsuji, I. Soft Power of NGOs / I. Katsuji // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States / NY: An East Gate Book, 2008. – P. 262–277.
103. Kim, H. Cultural diplomacy as the means of soft power in an information age [Электронный ресурс] / H. Kim // Cultural diplomacy. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.culturaldiplomacy.org/pdf/case-studies/Hwajung_Kim_Cultural_Diplomacy_as_the_Means_of_Soft_Power_in_the_Information_Age.pdf (дата обращения: 26.03.2014).
104. Kim, R. South Korean cultural diplomacy and efforts to promote the ROK's brand image in the US and around the world [Электронный ресурс] /

- R. Kim // Stanford. 2011. P. 124–134. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://web.stanford.edu/group/sjeaa/journal111/Korea2.pdf> (дата обращения: 16.09.2014).
105. Klare, M. Hard power, soft power, and energy power [Электронный ресурс] / M. Klare // Foreign affairs. 2015. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power> (дата обращения: 03.02.2015).
106. Kondo, S. Wielding soft power. Key stages of transmission and reception / S. Kondo // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States / NY: An East Gate Book, 2008. – P. 191–205.
107. Konishi, W. Same bed, different dreams: China and Japan as soft power rivals / W. Konishi // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 141–145.
108. Korea's soft power and East Asia. Verbatim report of the conference [Электронный ресурс] // The Brookings Institution. 2010. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения: 26.04.2014).
109. Kounalakis, M. The hard truth about soft power [Электронный ресурс] / M. Kounalakis, A. Simonyi // USC public diplomacy. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/legacy/publications/perspectives/CPDPerspectivesHardTruthAboutSoftPower.pdf> (дата обращения: 05.04.2015).
110. Lai, H. China's soft power and international relations / H. Lai, Y. Lu. – Taylor & Francis, 2012. – 232 p.
111. Lam Peng Er Soft power: resonating with the preferences of a target country? / Lam Peng Er // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 132–134.
112. Layer, S. An exploration of Japan's soft power. Case Study [Электронный ресурс] / S. Layer // Institute for cultural diplomacy. 2010. – Режим доступа:

- <http://www.culturaldiplomacy.org/pdf/case-studies/manga-and-anime-an-exploration-of-japans-soft-power.pdf> (дата обращения: 20.03.2014).
113. Lee, G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy [Электронный ресурс] / G. Lee // Taylor & Francis Group. 2012. – Режим доступа:
http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (дата обращения: 08.04.2014).
114. Lee, S.J. South Korea's Soft Power Diplomacy [Электронный ресурс] / S.J. Lee // East Asia Institute. 2009. – Режим доступа:
http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=1310000000&code=eng_report&idx=8593&page=5 (дата обращения: 22.04.2014).
115. Li, M. Soft power. China's emerging strategy in international politics [Электронный ресурс] / M. Li // Aleria. 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа:
http://alera.info/temp/hti5m03jtj_8559.pdf (дата обращения: 02.02.2013).
116. Lock, E. Soft power and strategy. Development a strategic concept of power / E. Lock // Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives / London: Routledge, 2010. – P. 32–50.
117. Luguusharav, B. Soft power in the context of South Korea [Электронный ресурс] / B. Luguusharav // CEU Library. 2011. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа:
http://www.etd.ceu.hu/2011/luguusharav_byambakhand.pdf (дата обращения: 28.05.2014).
118. Lukes, S. Power: a radical view / S. Lukes. – London: Macmillan, 1974. – 64 p.
119. Ma Young Sam Korea's public diplomacy: a new initiative for the future [Электронный ресурс] / Ma Young Sam // The Asian Institute for policy studies. 2012. – Режим доступа: <http://en.asaninst.org/contents/issue-brief-no-39-koreas-public-diplomacy-a-new-initiative-for-the-future/> (дата обращения: 11.09.2014).

120. Matsuda, T. Soft power and its perils: U.S. cultural policy in early postwar Japan and permanent dependency / T. Matsuda. – Stanford University Press, 2007. – 394 p.
121. McConnell, D.L. Introduction / D.L. McConnell, W. Yasushi // Soft power superpowers : cultural and national assets of Japan and the United States / NY: An East Gate Book, 2008. – P. xvii–xix.
122. McConnell D.L. Japan's image problem and soft power solution / D.L. McConnell // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States / NY: An East Gate Book, 2008. – P. 18–36.
123. McGray, D. Japan's Gross National Cool [Электронный ресурс] / D. McGray // Foreign Policy. 2002. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool (дата обращения: 19.01.2014).
124. Mingjiang, L. Domestic sources of China's soft power approach / L. Mingjiang // China Security. – 2009. – Vol. 5. – № 2. – P. 55–70.
125. Mingjiang, L. Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect / L. Mingjiang. – Rajaratnam School of International Studies, 2008. – 37 p.
126. Moss, T. Soft power? China has plenty [Электронный ресурс] / T. Moss // International current-affairs magazine The Diplomat. 2013. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2013/06/soft-power-china-has-plenty/> (дата обращения: 03.12.2013).
127. Naoyuki, A. Japan does soft power / A. Naoyuki // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United / NY: An East Gate Book, 2008. – P. 224–242.
128. Norris, M. Exploring Japanese popular culture as a soft power resource [Электронный ресурс] / M. Norris // International student journal. 2010. – Режим доступа: <http://www.studentpulse.com/articles/253/exploring-japanese-popular-culture-as-a-soft-power-resource> (дата обращения: 13.01.2014).

129. Nuri, H.M. Rising soft power of South Korea [Электронный ресурс] / H.M. Nuri // Pakistan observer. 2012. – Режим доступа: <http://pakobserver.net/detailnews.asp?id=135052> (дата обращения: 14.04.2014).
130. Nye, J. Bound to lead: the changing nature of American power / J. Nye. – Basic Books, 1990. – 336 p.
131. Nye, J. Is the American century over? / J. Nye. – Polity, 2015. – 152 p.
132. Nye, J. Notes for a soft-power research agenda / J. Nye // Power in World Politics. – 2007. – P. 162–172.
133. Nye, J. Soft Power matters in Asia [Электронный ресурс] / J. Nye // Belfer center. 2005. – Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/1486/soft_power_matters_in_asia.html (дата обращения: 15.03.2014).
134. Nye, J. Soft power / J. Nye // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.
135. Nye, J. Soft power, hard power and leadership [Электронный ресурс] / J. Nye // Harvard Kennedy School. 2006. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.hks.harvard.edu/netgov/files/talks/docs/11_06_06_seminar_Nye_HP_SP_Leadership.pdf (дата обращения: 28.11.2014).
136. Nye, J. Soft power: the means to success in world politics / J. Nye. – Public Affairs, 2004. – 191 p.
137. Nye, J. The Future of power / J. Nye. – N.Y.: Public Affairs, 2010. – 320 p.
138. Nye, J. The paradox of American power / J. Nye. – N.Y.: Oxford University Press, 2002. – 240 p.
139. Nye, J. The war on soft power [Электронный ресурс] / J. Nye // Foreign policy. 2011. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2011/04/12/the-war-on-soft-power/> (дата обращения: 03.01.2015).
140. ODA Statistics [Электронный ресурс] // OECD. 2013. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа:

- <http://www.oecd.org/dac/stats/documentupload/ODA%202013%20Tables%20and%20Charts%20En.pdf> (дата обращения: 22.09.2014).
141. Opinion poll: 2012 U.S. image of Japan [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2012/5/pdfs/0522_04_02.pdf (дата обращения: 02.10.2014).
142. Oros, A. Who's the most charming in Asian regional diplomacy? / A. Oros // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 127–154.
143. Peng Er Lam Japan's quest for «soft power»: attraction and limitation [Электронный ресурс] / Peng Er Lam // East Asia. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf (дата обращения: 20.01.2014).
144. Perceptions of South Korea [Электронный ресурс] // Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Soft%20Power%202008_full%20report.pdf (дата обращения: 24.04.2014).
145. Pretorius, C. Voice of China: in pursuit of soft power [Электронный ресурс] / C. Pretorius // Consultancy Africa Intelligence. 2012. – Режим доступа: http://www.consultancyafrica.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1351:voice-of-china-in-pursuit-of-soft-power&catid=58:asia-dimension-discussion-papers&Itemid=264 (дата обращения: 02. 12.2013)
146. Purushothaman, U. Shifting perceptions of power: soft power and India's foreign policy [Электронный ресурс] / U. Purushothaman // Academia.edu. 2010. – Режим доступа:

- https://www.academia.edu/1559443/Shifting_Perceptions_of_Power_Soft_Power_and_Indias_Foreign_Policy (дата обращения: 07.08.2014).
147. Rapid-growth markets soft power index. 2012 [Электронный ресурс] // Moscow School of Management Skolkovo. 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (дата обращения: 03.05.2014).
148. Seiichi, K. Wielding soft power. The key stages of transmission and reception / K. Seiichi // *Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States* / N.Y.: An East Gate Book, 2008. – P. 191–206.
149. Shambaugh, D. *China goes global: the partial power* / D. Shambaugh. – NY: Oxford University Press, 2013. – 432 p.
150. Simha, R.K. The Western illusion of soft power [Электронный ресурс] / R.K. Simha // *Russia and India report*. 2013. – Режим доступа: http://indrus.in/blogs/2013/09/19/the_western_illusion_of_soft_power_29507.html (дата обращения: 20.03.2014).
151. Wey-Shen Siow Chinese domestic debates on soft power and public diplomacy [Электронный ресурс] / Wey-Shen Siow // *Asia Pacific Bulletin*. 2010. № 86. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/apb086_3.pdf (дата обращения: 04.12.2013).
152. *Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion* [Электронный ресурс] // The Chicago Council. 2009. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Soft%20Power%202008_full%20report.pdf (дата обращения: 24.04.2014).

153. Soft Power Survey 2013 [Электронный ресурс] // Monocle Magazine. 2013. – Режим доступа: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2013/> (дата обращения: 10.05.2014).
154. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.
155. Strange, S. States and markets / S. Strange. – A&C Black, 1998. – 280 p.
156. Strange, S. The persistent myth of lost hegemony / S. Strange // International Organization. – 1987. – Vol. 41, № 4. – P. 551–574.
157. Sun Sao-Cheng The approaches of China's soft power strategy / Sun Sao-Cheng // WHAMPOA Journal. – 2011. – № 61. – P. 53–64.
158. Sutter, R. China's charm offensive – frustrations and implications / R. Sutter // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 127–154.
159. The Japan Foundation [Электронный ресурс] // Japan Foundation. 2014. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.jpf.go.jp/e/about/outline/img/Pamphlet_e.pdf (дата обращения: 15.09.2014).
160. The Japan Foundation Annual report [Электронный ресурс] // The Japan Foundation. 2012. 63 p. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://www.jpf.go.jp/e/about/outline/ar/2012/pdf/dl/ar2012.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).
161. The New Persuaders II: A 2011 global ranking of soft power [Электронный ресурс] // Institute for government. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20PersuadersII_0.pdf (дата обращения: 11.05.2014).
162. The New Persuaders III: A 2012 global ranking of soft power [Электронный ресурс] // Institute for government. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа:

- http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (дата обращения: 11.05.2014).
163. The New Persuaders: an international ranking of soft power [Электронный ресурс] // Institute for government. 2010. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 10.05.2014).
164. The soft power 30. A global ranking of soft power [Электронный ресурс] // Portland. 2015. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://softpower30.portland-communications.com/pdfs/the_soft_power_30.pdf (дата обращения: 16.12.2015).
165. Tsutomu, S. Japan's creative industries. Culture as a source of soft power in the industrial sector / S. Tsutomu // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States / NY: An East Gate Book, 2008. – P. 128–153.
166. Vyas, U. Soft Power in Japan-China relations: state, sub-state and non-state relations / U. Vyas. – Routledge, 2011. – 204 p.
167. Wang, H. China's image projection and its impact / H. Wang // Soft power in China public diplomacy / Palgrave Macmillan, 2011. – P. 37–56.
168. Wang, J. Introduction: China's search on soft power / J. Wang // Soft power in China: public diplomacy through communication / N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 1–18.
169. Wenks, K. Are we tracking the dragon? Ensuring the intelligence community is properly postured to monitor an Emerging China / K. Wenks // Paper book of Naval postgraduate school, 2008. – 101 p.
170. Whitney, C.B., Shambaugh, D. Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion [Электронный ресурс] / C.B. Whitney, D. Shambaugh // The Chicago Council. 2008. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа:

http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Chicago%20Council%20Soft%20Power%20Report-%20Final%206-11-08.pdf (дата обращения: 17.12.2013).

171. Wilson, J.L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy / J.L. Wilson. – American Political Science Association, 2013. – 33 p.
172. Womack, B. Dancing alone: a hard look at soft power [Электронный ресурс] / B. Womack // The Asia Pacific Journal: Japan Focus. 2005. – Режим доступа: <http://japanfocus.org/-Brantly-Womack/1975> (дата обращения: 07.02.2015).
173. Znang, X. China's international broadcasting: a case study of CCTV International / X. Znang // Soft power in China public diplomacy / Palgrave Macmillan, 2011. – P. 57–71.

Приложение А (справочное). Системы общественной дипломатии государств Восточной Азии.

Китайскую систему общественной дипломатии составляют следующие учреждения:

1. Департамент публичности (The Publicity Department of the Communist Party of China; ранее назывался Отделом пропаганды ЦК КПК).

2. Информационное бюро Госсовета КНР (SCIO).

Эти два учреждения отвечают за разработку планов государственной дипломатии и руководящих принципов, мониторинг зарубежных СМИ.

3. Министерство иностранных дел Китая (MFA) – не играет ведущей роли в разработке стратегий, но играет роль при реализации стратегий, созданных первыми двумя органами. В его ведомстве находится Международный пресс-центр.

4. Министерство образования КНР, в том числе занимающееся развитием *институтов Конфуция*, а также PLA (народно-освободительная армия Китая).

5. Лидеры Китая (президент, премьер практикуют контакты с «обычными людьми» во время зарубежных визитов).

6. Помимо государственных и партийных органов все большее число групп участвует в китайской дипломатии и укреплении «мягкой силы». Это ученые, НПО, зарубежные китайские общины, ассоциации дружбы – такие, как Китайская народная ассоциация дружбы с зарубежными странами (CPAFFC) и Институт Иностранных дел (IFA). Последние два занимаются народной дипломатией (people-to-people diplomacy). Кроме того, это организации студентов, блогеров, иностранцев. Они принимают участие в неофициальных международных диалогах, укрепляя взаимопонимание между народами. Большинство этих организаций (особенно это относится к НПО) не являются полностью независимыми.

Институты общественной дипломатии в Японии:

1. МИД Японии (включает в себя Департамент общественной дипломатии, созданный в августе 2004 г.). Служащие посольств и консульств Японии берут на себя ответственность в вопросах прессы и культуры. В некоторых крупных посольствах и консульствах существуют японские образовательные и культурные центры²⁸³.

2. Японский фонд (Japan Foundation) – ранее был подразделением МИД, но с 1 октября 2003 г. – независимый административный орган. Считается, что МИД определяет политику и направление общественной дипломатии Японии, а Японский фонд реализует эту политику в различных странах. Однако бывает, что Японский фонд реализует собственные проекты без согласования с МИДом.

3. Министерство науки и образования и его агентство по делам культуры (принимают активное участие в проведении программ международного и культурного обмена).

4. Частные корпорации, коммерческие компании, цель которых – извлечение прибыли, однако, и они неосознанно увеличивают «мягкую силу» Японии.

5. Университеты и другие учебные заведения.

6. Научные центры.

7. НКО.

8. Личные отношения политиков, дипломатов и других лиц из правительства со своими коллегами в других странах (например, доверительные дружеские отношения бывшего премьер-министра Японии Коидзуми с бывшим президентом США Джорджем Бушем).

Система общественной дипломатии Южной Кореи:

1. Министерство иностранных дел и торговли Кореи (MOFAT).

2. Министерство культуры, спорта и туризма, которое, в том числе, занимается культурными обменов.

3. Корейский фонд (Korean Foundation) реализует различные программы общественного диалога с выдающимися зарубежными деятелями, специалистами,

---

²⁸³ Naoyuki A. Japan does soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book, 2008. P. 226.

чья деятельность связана с Кореей. Фонд стремится создавать сети человеческих ресурсов (human resource networks), укреплять международную дружбу. Фонд организует многочисленные международные форумы, поддерживает мозговые центры (think-tanks) за рубежом, а также научно-исследовательские проекты, конференции и публикации международных организаций.

4. *Форум публичной дипломатии Кореи (KPDF)* – работающая на постоянной основе общественная консультативная группа; основан в 2010 г. усилиями Корейского фонда совместно с Министерством иностранных дел. Форум периодически организует круглые столы и семинары, проводит опросы, запускает исследовательские проекты, вырабатывает рекомендации, направленные на повышение эффективности публичной дипломатии²⁸⁴.

5. Корейское агентство по международному сотрудничеству (KOICA). Было основано в 1991 году Корейским министерством иностранных дел и торговли для повышения эффективности программ ODA (официальной помощи в целях развития) по предоставлению помощи развивающимся странам (безвозмездная помощь и технологическое сотрудничество).

6. Программа по работе с соотечественниками (с 7,5 миллионами корейцев, проживающих за рубежом). Сеул начал проводить целенаправленную политику в отношении «соотечественников» чуть более десяти лет назад. Для этого в 1997 году был создан специальный правительственный «Фонд зарубежных корейцев», тесно работающий с Министерством иностранных дел²⁸⁵.

7. The Korea Culture & Contents Agency (Косса) – правительственное агентство, входящее в состав Министерства культуры, спорта и туризма, создано в 2008 г.

8. Президентский комитет по национальному брендингу, созданный в январе 2009 г.

9. Различные НКО.

---

²⁸⁴ About Us // Korea Foundation. 2013. URL: <http://en.kf.or.kr/?menuno=578> (дата обращения: 19.05.2014).

²⁸⁵ Ким Г. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи // Портал Академия. С. 33. URL: https://www.academia.edu/3167101/Korean-Kazakhstan_Relations_and_Koreas_Public_Diplomacy_ (дата обращения: 20.01.2014).

10. Различные программы, например, World Friends Korea – программа, похожая на Корпус Мира США, по которой Южная Корея будет отправлять более 3000 человек в развивающиеся страны ежегодно.

Приложение Б (справочное). Сравнение институтов, занимающихся продвижением «мягкой силы»

	Институт Конфуция (Confucius Institute)	Японский фонд (Japan Foundation)	Фонд Кореи (Korean Foundation)
Дата создания	2004 г.	1972 г.	1991 г.
Положение в структуре	некоммерческие общественные институты, созданные Министерством образования КНР	независимая административная организация под управлением Министерства иностранных дел Японии	независимая организация, аффилированная с корейским Министерством иностранных дел
Область деятельности	Обучение китайскому языку и культуре; организация конкурсов, научных конференций и мероприятий, посвященных Китаю; студенческие и преподавательские	1) обмены в области культуры и искусства; 2) программы изучения японского языка; 3) исследования Японии и интеллектуальные обмены.	Поддерживает распространение изучения корейских вопросов, занимается музейными экспозициями, предоставляет научно-исследовательские стипендии, курсы

	стажировки в Китае, консультации по обучению в КНР.		корейского языка по всему миру, издает журналы «Koreana» и «Korea Focus», поддерживает производство мультимедийного контента по корейской культуре. На фонд также возложена миссия общественной дипломатии.
Источники бюджета	Финансируются совместно за счет субсидий из китайского министерства образования и средств из принимающих университетов.	Правительственные субсидии, инвестиционный доход, пожертвования, при этом 80% средств – это правительственные субсидии.	1) правительственные взносы; 2) пожертвования; 3) заемные деньги; 4) поступления, получаемые от работы фонда ²⁸⁶ .
Бюджет	В 2012 г. бюджет составлял 396030000 \$ США ²⁸⁷ . Годовые	В 2012 г. бюджет 15448459000 иен ²⁸⁸ , то есть 144 061 716,22 \$ США	В 2012 г. бюджет в корейских вонах 218507878412, то есть 211 006 381 \$

²⁸⁶ Foundation Act // Korean Foundation. 2013. URL: <http://en.kf.or.kr/?menu=524> (дата обращения: 15.09.2014).

²⁸⁷ Hanban. Confucius Institute Headquarters. Annual Report

	бюджеты каждого института варьируются.		США
Количество отделений	В 2010 г. действовало 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах. Но уже к концу 2013 г. в мире стало 440 институтов Конфуция и 656 классов Конфуция. Азия – 143; Европа – 298; Америка – 531; Африка – 46; Океания – 65. Причем наибольшее количество классов и институтов Конфуция открыто в Великобритании (115), США (458), Австралии (47),	22 офиса в 21 стране, а также четыре отделения в Японии. <i>Европа и Ближний восток</i> (Рим, Кельн, Париж, Лондон, Мадрид, Будапешт, Москва, Каир). <i>Азия и Океания</i> (Сеул, Пекин, Джакарта, Бангкок, Манила, Куала-Лумпур, Нью-Дели, Сидней, Ханой). <i>Америка</i> (Торонто, Нью-Йорк, Лос-Анжелес, Мехико, Сан-Паулу) ²⁸⁹ .	Имеет 7 зарубежных офисов: 1) США (Вашингтон, Лос-Анжелес); 2) Япония (Токио); 3) Китай (Пекин); 4) Россия (Москва); 5) Германия (Берлин); 6) Вьетнам (Ханой).

// 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.hanban.edu.cn/report/2012.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).

²⁸⁸ The Japan Foundation Annual report // P. 57. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.jpf.go.jp/e/about/outline/ar/2012/pdf/dl/ar2012.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).

²⁸⁹ The Japan Foundation // Japan Foundation. 2014. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.jpf.go.jp/e/about/outline/img/Pamphlet_e.pdf (дата обращения: 15.09.2014).

	Канаде (31), в Корее и Таиланде (по 23 в каждой), России (22).		
--	---	--	--

Приложение В (справочное). Факторы увеличения «мягкой силы»

	Китай	Япония	Южная Корея
1) Роль государства	<p>Государство уделяет особое внимание продвижению традиционной китайской культуры. Именно государство по-прежнему является главным инициатором усилий общественной дипломатии, и отсутствие доверия большинству дипломатических сообщений остается большим препятствием²⁹⁰.</p>	<p>Считается, что общественная дипломатия должна быть сосредоточена на кооперативных действиях индивидов, поэтому важно сформировать для них человеческие сети, создать благоприятные условия развития. В отличие от Китая и Южной Кореи, Министерство иностранных дел Японии отклонило просьбы о прямой государственной поддержке культурного творчества, аниме.</p>	<p>Большая часть заслуг появления корейской волны принадлежит частному сектору (например, развлекательным компаниям), однако правительство старалось оказывать им поддержку; например, отправляя корейских знаменитостей в другие части Азии для распространения своих работ, а также сделала возможным</p>

²⁹⁰ D'Hooghe I. The expansion of China's public diplomacy system // Soft power in China: public diplomacy through communication, Palgrave MacMillan, 2010. P. 19.

			трансляцию телевизионных драм в отдаленных странах (Парагвай, Свазиленд, Иран, Перу и других) ²⁹¹ .
2) Роль изучения языка	Китайские исследователи не рекомендуют смешивать увеличение популярности изучения языка с ростом «мягкой силы», так как, чаще всего, это лишь подтверждает факт признания иностранцами экономического подъема в Китае. Мотивом изучения языка здесь служит ведение деловых переговоров и	Японская академическая система – самая сильная в Азии. Барьером при привлечении иностранных студентов является японский язык: он сложно учится. Студентам из Китая и Кореи легче выучить японский, чем людям из западных стран. Из-за этого фактора, а также из-за того, что Япония делает	Одним из последствий корейской волны стало увеличение числа изучающих корейский язык. Лица, увлекающиеся южнокорейской культурной продукцией, в особенности, телесериалами, желают слушать их на языке-оригинале, тем более что

²⁹¹ Kim R. South Korean cultural diplomacy and efforts to promote the ROK's brand image in the US and around the world // Stanford. 2011. P. 126. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://web.stanford.edu/group/sjeaa/journal111/Korea2.pdf> (дата обращения: 16.09.2014).

	<p>удачное трудоустройство²⁹². Кроме того, значительную роль в распространении языка и культуры за рубежом играет активная политика руководства КНР (развитие системы институтов Конфуция, культурных и научно-исследовательских центров, предоставление иностранным студентам государственных стипендий на обучение в Китае)²⁹³.</p>	<p>акцент в образовании на своих азиатских торговых партнеров, более 90% иностранных студентов в Японии прибыли из азиатских стран²⁹⁴. Если до взрыва экономического пузыря студенты изучали японский язык по экономическим причинам, то сегодня больше студентов изучают японский язык из-за увлечения манга и аниме.</p>	<p>существует проблема перевода языка современной корейской массовой культуры на иные языки: порой смысл сказанного искажается прямо до противоположного²⁹⁵.</p>
3) Роль «культуры»	Культура признана важнейшим	Японские культурные	Южнокорейские исследователи

²⁹² Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. – 2007. – № 6. – С. 53.

²⁹³ Сергеева А. Китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты»// РСДМ. 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#2 (дата обращения: 23.12.2013).

²⁹⁴ Altbach P.G., McGill Peterson P. Higher education as a projection of America's soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. NY: An East Gate Book, 2008, P. 46.

²⁹⁵ Ким Г. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи // Портал Академия. С. 33. URL: https://www.academia.edu/3167101/Korean-Kazakhstan_Relations_and_Koreas_Public_Diplomacy_ (дата обращения: 20.01.2014).

	<p>источником «мягкой силы», однако, не все китайские ученые согласны с такой точкой зрения. На практике оказывается, что культура не сыграла большой роли для повышения «мягкой силы» Китая как на глобальном уровне, так и в регионе. По официальным китайским данным, международная культурная торговля Китая переживает огромный дефицит. Китайское общество, особенно молодое поколение, стало прозападным. Китайская культура и исторические места в Китае остаются привлекательными для туристов, и даже те, кто говорит о «китайской угрозе»,</p>	<p>продукты успешно идут на экспорт, но генерирует ли влечение к японской поп-культуре влечение к государству? Китайцы за время взросления, просмотра японских мультфильмов и чтения комиксов переняли некоторые японские обычаи (поклон при встрече, снятие обуви внутри дома), а также стали ценить японские визуальные нарративы. Японские драмы (J-drama) рассматривались китайцами как практические рекомендации,</p>	<p>признают сложность оценки влияния продвижения культуры на дипломатию. Признается, что несмотря на огромную популярность корейской культуры, Корею не удалось переименовать на картах Японское море в Восточное море (The East Sea), хотя в некоторых англоязычных учебниках «Восточное море» пишется в скобках под основным названием. Также Корею не удалось присоединить на</p>
--	---	--	--

	<p>любуются Великой Китайской стеной, тем самым демонстрируя ограниченную эффективность текущего культурного влияния Китая²⁹⁶.</p>	<p>образец комфортного, независимого, либерального образа жизни. В результате часть китайцев пересмотрела свое отношение к японцам в лучшую сторону. Однако когда дело касается политических проблем, действие культуры не заметно (речь идет о войнах памяти между Китаем и Японией).</p>	<p>официальном уровне Острова Лианкур, которые являются спорной территорией между Японией и Южной Кореей²⁹⁷.</p>
--	---	--	---

²⁹⁶ Mingjiang L. Domestic sources of China's soft power approach // China Security. – 2009. – Vol. 5. – № 2. – P. 55–70.

²⁹⁷ Janelli R.L. Soft power, Korea, and the politics of culture // Institute of East Asian Studies. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://ieas.berkeley.edu/events/pdf/2007.10.05_Janelli_and_Yim.pdf (дата обращения: 15.04.2014).

Приложение Г (справочное). Региональное восприятие Китая, Японии и Южной Кореи.

Китай.

«Мягкая сила» Китая, с точки зрения респондентов из Китая, Японии, Южной Кореи, Индонезии, Вьетнама и США, находится на 3-м месте по величине, уступая США (на 1 месте) и Японии (на 2 месте). Респонденты из Америки, Китая и Японии считают, что Китай имеет наибольшее экономическое влияние среди всех государств Азии. Южнокорейцы, индонезийцы и вьетнамцы полагают, что по этому показателю Китай уступает только США. Еще одним признаком влияния является то, что подавляющее большинство опрошенных (от 70% до 91%) указало на важность обучения своих детей китайскому языку, чтобы они могли добиться успеха в будущем.

На культурном фронте респонденты демонстрируют глубокое уважение к культурному наследию Китая, но обычно оценивают влияние китайской народной культуры, в том числе музыки, одежды и кухни – как среднее (при шкале от 0 до 10 средний бал, данным американцами – 4,6, японцами – 5,1, южнокорейцами – 4,8, индонезийцами – 6,5 и вьетнамцами – 7,6).

Дипломатическое влияние Китая не воспринимается респондентами ощутимо. Только меньшинство (от 9% до 25%) респондентов в каждой стране за пределами Китая, по крайней мере, слышали немного о концепции Китая «гармоничный мир», несмотря на значительные усилия китайского правительства по популяризации этой идеи с 2007 года. Вопрос о том, стоит ли Китай доверия и сотрудничества с азиатскими странами, получает низкие рейтинги по шкале от 0 до 10 у американцев (3,5), японцев (4,6), а также в Южной Корее (4,9).

Китай не подготавливает почву для политической «мягкой силы». Когда респондентов спросили, служит ли политическая система Китая потребностям своих людей, средний балл составлял 5,1 или ниже (при шкале от 0 до 10) для всех обследованных стран, за исключением Индонезии. Точно так же по пункту «уважение прав человека и верховенства права», за исключением индонезийцев

(6,8), Китай получил низкие средние рейтинги от американцев (2,7), японцев (3,9) и южнокорейцев (4,5).

Помимо опасений из-за растущей военной мощи Китая респонденты не рассматривают Китай как страну, которая эффективно борется с региональными проблемами (уменьшение напряженности между Тайванем и материком, ядерное оружие в Северной Корее)²⁹⁸.

США: Темпы и масштабы развития Китая являются беспрецедентными, а США до сих пор имеют несовершенное понимание китайской силы и мотиваций. Так, неясно заинтересован ли Пекин в вытеснении с мировой арены США или же сосредоточен на собственном развитии. Предполагается, что «мягкая сила» КНР имеет преимущества перед «мягкой силой» США там, где американская политическая система и ценности не являются привлекательными²⁹⁹. Китай принимает активное участие в форумах, на которых нет США с целью формирования повестки дня³⁰⁰.

Европа: Китай и Европа пока не понимают друг друга из-за различий в системе ценностей и идей. Так, китайский дискурс о демократизации фокусируется на ответственности, отзывчивости и подотчетности правительства, а Европа рассматривает его в качестве широкой системы, в которую включены свободные СМИ, независимый суд, принципы верховенства закона и полное уважение гражданских прав. Опросы показывают растущий негативный имидж Китая в Европе. Такие масштабные и превосходные с организационной точки зрения мероприятия, как, например, Олимпийские игры в Пекине, не смогли скрыть контроль общества и отсутствие полной открытости³⁰¹.

Азия: в результате всех усилий, которые прилагал Китай, популярность теории «китайской угрозы» сократилась, и политические элиты в соседних

²⁹⁸ Whitney C. B., Shambaugh D. Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion // The Chicago Council. 2008. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Chicago%20Council%20Soft%20Power%20Report-%20Final%206-11-08.pdf (дата обращения: 17.12.2013).

²⁹⁹ China's foreign policy and «soft power» in South America, Asia and Africa // U.S. Government printing office. 2008. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CPRT-110SPRT41927/html/CPRT-110SPRT41927.htm> (дата обращения: 02.12.2013).

³⁰⁰ Wenks K. Are we tracking the dragon? Ensuring the intelligence community is properly postured to monitor an Emerging China // Paper book of Naval postgraduate school, 2008. 101 p.

³⁰¹ D'Hooghe I. The limits of China's soft power in Europe // Clingendael diplomacy papers. – 2010. – № 25. – P. 35.

странах склонны полагать, что Китай настроен доброжелательно³⁰². Однако коммунистический режим и требования примерно 80% Южно-Китайского моря ограничивают очарование Китая в Юго-Восточной Азии. Страны региона хорошо понимают, что за «улыбчивой дипломатией» прячутся острые зубы Китая³⁰³.

Африка: если с 1960–1979 гг. Китай придерживался стратегии «экономика для дипломатии» (предоставление помощи для оказания политического влияния), то с 1990-х годов на ее смену пришла стратегия «дипломатия для экономики» с экономическим сотрудничеством и культурными обменов. На сегодняшний день открыт 21 институт Конфуция в африканских странах. Более 18000 африканских студентов получили образование в Китае благодаря стипендиям китайского правительства. Китай поменял односторонний подход предоставления помощи на совместное развитие, учитывающее потребность Китая в ресурсах Африки и потребность Африки в китайском капитале и технологиях. Африканские лидеры ценят то, что Китай, оказывая помощь их странам, не вмешивается во внутренние дела стран. Африканцы с одобрением наблюдают за тем, как одна развивающаяся страна помогает другой: «бедные помогают бедным». 62% жителей Южной Африки считают, что Китай оказывает положительное влияние в мире³⁰⁴. Для африканских государств и других стран третьего мира ядром китайской «мягкой силы» является растущая популярность уникальной модели развития Китая. Это, так называемые, «китайская модель развития», «социализм с китайской спецификой», «Пекинский консенсус»³⁰⁵.

Россия: большое количество Институтов Конфуция в РФ говорит о том, что Россия является одной из ключевых точек распространения китайской культуры и языка в силу пограничного расположения с КНР и статуса стратегического партнера. Местоположение Институтов Конфуция в России не ограничивается Дальним Востоком: Институты открыты при сотрудничестве практически всех крупнейших российских ВУЗов (МГУ, СПбГУ, УрФУ, КФУ, ИГУ и других, всего

³⁰² Mingjiang L. Domestic sources of China's soft power approach // China Security. – 2009. – Vol. 5. – № 2. – P. 65.

³⁰³ Lam Peng Er Soft power: resonating with the preferences of a target country? // Asia policy. – 2013. – № 15. – P. 133.

³⁰⁴ Wenks K. Are we tracking the dragon? Ensuring the intelligence community is properly postured to monitor an Emerging China // Paper book of Naval postgraduate school, 2008. 101 p.

³⁰⁵ Hongmei L., Tang L. Chinese corporate diplomacy: Huawei's CSR Discourse in Africa // Soft power in China public diplomacy. Palgrave Macmillan, 2011. P. 96.

18 ВУЗов), кроме того, открыты 3 Класса Конфуция, один из которых действует на базе московской средней школы № 1948, а также один радио-класс Конфуция совместно с Международным радио Китая в РГППУ (Екатеринбург).

Можно выделить две позиции, которые сложились в российском научном и общественном сообществах по отношению к культурно-образовательной политике Китая в России:

1. Положительная оценка: обучение языку, знакомство с традиционными китайскими искусствами, китайской акварелью, чайным мастерством, каллиграфией, историей Китая способствуют укреплению взаимопонимания, дружбы, сотрудничества в области культуры, образования и науки, облегчают взаимодействие в сфере бизнеса.

2. Настороженная либо негативная оценка. Огромные финансовые затраты, которые несет китайская сторона при открытии Институтов, должны иметь под собой серьезные стратегические интересы. Открытие в РФ китайских образовательных структур нацелено на навязывание российским студентам официальной точки зрения КНР на историю, политику и экономику российско-китайских отношений. Посредством системы институтов Конфуция китайская сторона стремится готовить кадры для обслуживания российско-китайских отношений, разделяющие именно китайскую оценку ситуации, которая не всегда совпадает с российскими политическими и экономическими интересами³⁰⁶.

Япония:

США: согласно данным опроса³⁰⁷, от 80 до 90% американцев (в зависимости от выделенных для опроса групп населения) воспринимают Японию как надежного союзника. На вопрос о том, какая из стран Азии является наиболее важным партнером США, первое место было отдано Японии (50% опрошенных), хотя высоко оценивается также и Китай (39%). С течением времени (с 2003 по 2012 гг.) Китай набирает все более высокий рейтинг в опросе по этому

---

³⁰⁶ Бельченко А.С. Деятельность институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник РУДН. – 2010. – Сер. «Всеобщая история». – №1. – С. 65–74.

³⁰⁷ Opinion poll: 2012 U.S. Image of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2012. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2012/5/pdfs/0522_04_02.pdf (дата обращения: 02.10.2014).

показателю по отношению к Японии, в некоторые годы даже обгоняет Японию. Наибольшую важность Япония представляет для США в качестве политического союзника (41%), в то время как у Китая по этому показателю 11%. В то же время значимость Японии как торгово-экономического партнера оценили 21% американцев, в то время как для Китая этот показатель выше – он составляет 41%.

Роль Японии в международных отношениях оценивалась в следующих областях:

Критерий	Очень значительная, %	Достаточно значительная, %	Не очень значительная, %	Прочее, %
Безопасность	16	41	31	12
Роль в ООН	21	56	14	9
Роль в глобальной экономике	50	42	6	2
ОПР	7	32	39	22
Культурные обмены	36	54	7	3
Наука и технологии	75	22	1	2
Ядерное разоружение и нераспространение	23	41	22	14

Япония высоко ценится американцами как азиатская страна, разделяющая американские ценности (76%, в то время как для Китая этот показатель – 3%, для Южной Кореи – 6%) и являющаяся ее союзником. Выше всего ценится вклад Японии в глобальную экономику и научно-технические достижения, в то время как роль в международных политических отношениях, разрешении проблем ценится немного меньше.

Юго-Восточная Азия: в этом регионе «мягкая сила» Японии сильна. Особенно это проявляется в таких странах, как Индонезия и Вьетнам. Японские

товары расцениваются как товары высокого качества, и их, вероятнее всего, купят в этих странах³⁰⁸.

Внутри АСЕАН существует раскол: граждане Сингапура, Малайзии и Таиланда считают, что Китай – их важнейший партнер и верят, что так будет и в будущем. Между тем, люди в Индонезии, Филиппинах и Вьетнаме считают Японию своим важнейшим партнером, а также верят, что это будет продолжаться и далее. В то же время у Японии нет очарования будущим (ее значение снижается), в то время как, согласно опросу, важность Китая будет расти³⁰⁹.

Южная Корея: незначительное большинство жителей Южной Кореи (54%) считает, что японское влияние в Азии является либо «очень» или «несколько позитивным». Южнокорейцы очень уважают японскую экономическую мощь, качество продукции (8,1 из 10), развитость науки и техники (8,5 из 10), высоко оценивают предпринимательский дух (7,8), «человеческий капитал «мягкой силы», качество университетов (7,7 из 10). Большинство южнокорейцев (77%) считают, что изучение японского языка является важным для будущего успеха. Считается, что японская поп-культура имеет большое влияние на южнокорейскую культуру (7,0 по шкале из 10 пунктов), несмотря на то, что лишь немногие южнокорейцы потребляют японские развлечения. Однако респонденты оценивают это влияние не только положительно (49%), но и отрицательно (48%). Жители Южной Кореи оценивают Японию значительно ниже в среднем по таким дипломатическим показателям, как уважение суверенитета других стран Азии (4,9 из 10), доверие и сотрудничество между странами Азии (5,0), использование дипломатии для решения проблем в Азии (5,5 из 10). Японию рассматривают как «очень неэффективное» или «несколько неэффективное» государство в работе по урегулированию ядерной проблемы Северной Кореи (67%) и оказанию помощи в урегулировании напряженности между Китаем и Тайванем (75%). Сильное недоверие к Японии отражает историческую память оккупации жителей Южной

---

³⁰⁸ Green M., Colson W. The promise and limits of Japan's soft power edge // PD Magazine. 2013. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://publicdiplomacyjournal.com/wp-content/uploads/2013/05/Case-Studies-Green-Colson.pdf> (дата обращения: 15.03.2014).

³⁰⁹ Jing S. Japan's shrinking ASEAN soft power // The Diplomat. 2012. URL: <http://thediplomat.com/2012/08/japans-shrinking-asean-soft-power/> (дата обращения: 15.03.2014).

Кореи. Южнокорейцы оценивают японскую военную мощь высоко (7,5 из 10), и значительное большинство (66%) либо «несколько» либо «очень беспокоится», что Япония может стать военной угрозой для своей страны в будущем³¹⁰.

Центральная Азия: в этом регионе, в отличие от Восточной Азии, репутация Японии не запятнана военной агрессией прошлого. Япония подчеркивает общую азиатскую идентичность с государствами региона. Япония проповедует западные ценности с восточной спецификой, что благоприятно воспринимают государства Центральной Азии. Кроме того, государства заинтересованы в японских технологиях и инновациях. Население стран воспринимает Японию как желанного партнера в области научно-технического сотрудничества (47% респондентов в Казахстане и 45% в Узбекистане). Япония является крупным донором ОПР (Официальная помощь развитию) в регионе Центральная Азия. Япония создает образовательные программы (например, программа «Молодые лидеры»), развивает сеть межвузовских связей. Японский язык преподается в университетах стран Центральной Азии с 1990 года. В первые годы преподавания популярность японского языка была высокой, но затем она снизилась, и сейчас многие студенты отдают предпочтение изучению китайского языка (японский бизнес представлен в регионе меньше, чем китайский, Япония удалена от региона, выпускники со знанием японского в регионе не всегда могут найти хорошую работу). Преподавание японского будет проходить либо для тонкого слоя элиты, либо как хобби³¹¹.

В ходе опроса³¹², демонстрирующего восприятие Японии азиатскими государствами, был задан вопрос: «Можно ли доверять Японии?». Результаты оказались следующими:

1. Таиланд 92.2% (92.2% населения считают, что Японии можно доверять)

³¹⁰ Perceptions of South Korea // Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion. P. 32. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Soft%20Power%202008_full%20report.pdf (дата обращения: 24.04.2014).

³¹¹ Dobrinskaya O. Japan's soft power in Central Asia // Аналитический центр «Разумные решения». 2014. URL: <http://analitika.org/en/international-affairs/geo/64-japans-soft-power-in-central-asia.html> (дата обращения: 01.04.2014).

³¹² Peng Er Lam Japan's quest for «soft power»: attraction and limitation // East Asia. 2007. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf (дата обращения: 20.01.2014).

2. Индонезия 87.8
3. Индия 83.4
4. Малайзия 77.5
5. Вьетнам 75.4
6. Южная Корея 10.9

Учитывая то, что наиболее приоритетными регионами, с точки зрения Японии, являются США и государства АСЕАН (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Лаос, Мьянма, Камбоджа, Сингапур), можно констатировать, что этой стране удалось поддерживать с ними дружественные отношения.

Южная Корея

Китай оценивает Южную Корею, в целом, положительно. По шкале от 0 до 100 китайцы дают Южной Корее среднюю оценку 65, в то время как США они оценивают на 61 балл, Японию – на 46. Китайцы оценивают важность экономических отношений с Южной Кореей немного выше, чем с Японией и Индонезией.

Южная Корея – один из союзников США. Американцы и японцы ощущают по отношению к Японии более теплые чувства, чем по отношению к Китаю.

Южная Корея имеет умеренную степень политической «мягкой силы» в Азии. Американцы поставили средние отметки за пункты «уважение прав человека» (5,0 по шкале от 0 до 10) и «служит ли политическая система потребностям своего народа» (5,2 в том же масштабе), по этой позиции оценка Южной Кореи ниже Японии, но выше Китая. Япония по этим вопросам оценила Южную Корею немного выше (5,6 и 5,8, соответственно). Китайские респонденты имеют еще более положительное мнение относительно Южной Кореи по вопросу прав человека (6,6) и политической системы (6,9).

Южная Корея получает умеренные оценки по пункту «региональная дипломатия». Большинство японцев считают, что Южная Корея была не эффективна в урегулировании северокорейской ядерной проблемы (57%) и в

урегулировании напряженности между Китаем и Тайванем (60%)³¹³, и лишь в Китае большинство респондентов считают, что Южная Корея была «несколько» или «очень эффективной» в работе по решению проблемы ядерной программы Северной Кореи. Южная Корея также получает средние баллы по лидерству в международных институтах, эффективности в управлении напряженностью в отношениях между Китаем и Тайванем и эффективности в продвижении своей политики в Азии.

Существует *высокая степень изменчивости в восприятии культурного влияния Южной Кореи*. Американцы и индонезийцы не считают, что Южная Корея имеет значительную культурную «мягкую силу», но вьетнамцы, китайцы и японцы испытывают большое уважение к южнокорейской культурной «мягкой силе». Большинство, или относительное большинство в каждой стране согласны, что распространение южнокорейского культурного влияния является «в целом хорошей вещью» (79% в Китае, 78% в Японии, 44% в Индонезии и 83% во Вьетнаме)³¹⁴.

В целом же восприятие «мягкой силы» Южной Кореи американцами является самым слабым среди других стран, тогда как самую высокую оценку «мягкой силы» Южной Кореи по всем показателям дали жители Вьетнама. Индонезийцы имеют исламскую культуру, поэтому они не считают привлекательной конфуцианскую культуру Южной Кореи, а китайцы, наоборот, культурно близки к корейцам. Основная зона интересов Южной Кореи – трехсторонние отношения «Корея – Китай – Япония», ее показатели «мягкой силы» в данных странах достаточно высокие, однако Япония ждет, что Южная Корея будет вкладывать больше усилий в урегулирование региональных проблем. Кроме того, перед Южной Кореей уже долгое время стоит вопрос налаживания отношений с Северной Кореей.

---

³¹³ Perceptions of South Korea // Soft power in Asia: results of a 2008 multinational survey of public opinion. P. 32. Систем. требование: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/POS_Topline%20Reports/Asia%20Soft%20Power%202008/Soft%20Power%202008_full%20report.pdf (дата обращения: 24.04.2014).

³¹⁴ Ibid. P. 22.